

ლიტერატურა

გრეკია

2

1977

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 56-ЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ!

Александр КУТАТЕЛИ

Наш гимн

Когда спокойно отдыхает
Рабочий люд моей страны,
Когда нас нежат и ласкают
Напевы радиоволны, —
Тогда с высот Кремлевской башни,
Отодвигая мрак ночной,
Летит, окончив день вчерашний,
Курантов бой сторожевой.
Двенадцать возгласов металла,
Двенадцать взмахов молотка,
Раздвинув ночи покрывало,
Летят ко мне издалека.
И лишь замолкнет звон певучий, —
Волной победною вдали
Встает торжественно-могучий
Советский гимн моей земли.
И снова, затаив дыханье,
Простые люди многих стран
Внимают гимну созиданья
Страны рабочих и крестьян.
А звуки льются шире, шире,
В них слава наша и восторг:
Родной народ наш первый в мире
Оковы рабские расторг!
Мы чуем силу миллионов,

Преодолевших море бед,
Мы видим звезды на знаменах
Незабываемых побед,
Мы слышим громы Сталинграда,
Мы осязаем волю масс,
Которая сквозь все преграды
Прошла, освобождая нас.
В живом содружестве народов
Звучит он, славный гимн труда,
Как утверждение свободы,
Осуществленной навсегда,
Где Конституции светило
Во имя новых лучших дней
Победным светом озарило
Сердца трудящихся людей.
И лишь замолкнет звук напевный,
Как в полуночный этот час
К родной Москве, твердыне древней,
Летит в мечтах любой из нас.
Она сквозь огневые годы
Ведет нас к счастью и добру,
Чтоб в коммунизм вошли народы,
Как в сад, цветущий поутру.

Перевод Николая ЗАБОЛОЦКОГО

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

2

ФЕВРАЛЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

ქართული
წიგლიერთა
კავშირები

(რუსულ ენაზე)

უძველესი ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური შურობი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 2

თებერვალი 1977 წ.

საპარტველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Издается

с июня 1957 года

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE

(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

380008, ТВИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор **КОРИНТЭЛИ К. Н.**) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор **ЗИНИНА В. В.**) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор **ДОВОРОДЕЕВА Л. Т.**) —
93-65-18

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР КУТАТЕЛИ. Наш гимн. Перевод Николая Заболотского	2 стр. обложки
МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Есть. Антиматематика. Точка. Спокойствие. Лист. Конечная останова. Перевод Михаила Синельникова. «Года прошли. И годы снова...». Кара. Перевод Геннадия Касмынина. «С ума сойда...». Монотонная мозаика. Перевод Александра Иванова	4
АЛЕКСАНДР БЕГАШВИЛИ. Если б мое молчанье... «Дерево зеленело...». Радость. «Дарю тебе розу — тоски моей отзвук...». Перевод Анатолия Воронова	6

ПРОЗА

МЕРАБ ЭЛИОЗИШВИЛИ. Коровий вор. Рассказ. Перевод Лианы Татишвили	8
НОДАР ЦУЛЕЙСКИРИ. Как Чватия женился. Рассказ. Перевод Камиллы Коринтэли	20
РАМАЗ КОБИДЗЕ. Листья папоротника. Роман. Перевод Виктории Зининой	33

ОЧЕРК

ТЕНГИЗ ГАМКРЕЛИДЗЕ. Вахта у огненного ручья	49
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СЕРГИ ЧИЛАЯ. ...Песнь братства наполняет грудь	53
АКАКИЙ ВАСАДЗЕ. Об импульсах творческого процесса	61
ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ ГОЛОСА	66
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ. Обретая трезвую силу реальности...	67
ДЖАНСУГ ГВИНДЖИЛИЯ. Боли и беды Бедиа	70

ИСКУССТВО

МИХАИЛ ГИЖИМКРЕЛИ. Воспоминание об учителе	79
СВЕТЛАНА МАМУЛАШВИЛИ. Призвание — нести людям радость	81

НАУКА

ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Баски и грузины	82
--	----

К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ, ВАНО ШАДУРИ, ЛЕВАН МЕНАБДЕ. Выдающийся советский ученый	92
ПАРНАОЗ КОТЕТИШВИЛИ. ГЕОРГИЙ ТАЛИАШВИЛИ. Исследования, раздвигающие горизонт	95

Морис ПОЦХИШВИЛИ

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Есть!

И есть другой поток в потоке том
 широко,
 Он борется, шумит, а где течет, бог
 весть...
 И есть Вселенная, окинутаая оком,
 Но и заочный мир, конечно, есть.

И есть конец пути и самый путь —
 в начале.
 Есть в звоне отзвуки, возмездьем
 дышит месть.
 И радость есть в слезах, что раньше
 огорчали,
 И в плаче смех, конечно, есть.

Есть... Нет мечтам предела! Вы
 поверьте,
 Пусть вихрем полон вихрь,
 листву решивший смель,
 Но жизнь и в смерти есть, есть жизнь
 и в смерти,
 И в ней бессмертие, конечно, есть.

Антиматематика

О, если б жизнь все так легко решала
 бы,
 По формуле, что «дважды два —
 четыре»,
 Судила без сомнения и жалобы
 Все спорные вопросы
 В нашем мире!

И стали бы пустыми водевилями
 Судьбы неотвратимые удары.
 Признаньями кого бы удивили мы
 В час исповеди
 И в минуту кары?

И стали бы излишними
 Скитания,
 Искания
 И неопределенность,

Мечта,
 Борьба открытая
 И тайная,

И ненависть,
 И ярость,
 И влюбленность.

И я сказал бы:
 А к чему и небо мне,
 Так хорошо и в собственной
 квартире! —

...Когда бы ничего иного не было
 На свете, кроме: «дважды два —
 четыре».

Точка

Покажите, что такое совершенство!
 Что есть форма?
 Как решается столбец?
 И когда, добравшись до нашеста,
 Можно в книге написать:
 «КОНЕЦ»?

Так доказывать усердно разве надо
 То, что нет у бесконечности конца?
 Ну, а в жизни все мерещится
 преграда,

Ставим точку
 посреди
 кольца.

После юности
 спешим поставить точку.

Разграничены
 и радость, и беда,
 Но мгновения
 стекаются в цепочку,
 Все на свете
 продолжается всегда.

Чем прервется бесконечность?
 Где движению

Человечество препятствие нашло?
 Где отыщется, скажите,
 умножению

Неподвластное число?

Всемогуще жизни упрощенство...
 Где же, где же остановка,
 где стена?

Точка, точка!
 И кому она нужна?..
 Покажите, что такое совершенство!

Спокойствие

О, нет, меня ни буря, ни рыданье
 Седых деревьев, ни пугливый взгляд
 На черные провалы мироздания,
 Ни крики журавлей не возмутят,
 На дне морском
 пусть мне постелят ложе,
 И парус
 я сорву своей рукой.
 Так что ж меня сейчас волнует,
 что же?!
 — Лишь равнодушие, только твой
 покой!

Лист

Упав под ветром, в диком плеске,
 Как дуновение одно,
 Перелетел я перелески,
 И — камнем на морское дно.
 И вынес к дюнам на рассвете
 Мою судьбу усталый вал.
 Находку теребили дети,
 Но я сознания не терял.
 Смеясь, через плечо швыряли
 С пренебреженьем на песок.
 А я ни боли, ни печали
 Не знал...
 Но кто же так жесток!
 Чье равнодушие злее волка,
 Чье бессердечье жжет огнем?
 ...Неужто не поймет, как долго
 На сердце он стоит моем?

Конечная остановка

Наверно, после долгой дороги
 старость
 Последняя станция. Делу венец.
 И хочешь не хочешь,
 Как ни хлопочешь,
 в конце-то концов — конец,
 И ты
 На остановке
 должен сойти!

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

* * *

Года прошли. И годы снова
 Прошли, оггли — не позабудь!
 Я не забыл родного крова,
 Не стал искать пути иного —
 К селениям простер свой путь.

Когда-то путь был тем же домом,
 Арбой скрипел, срывался громом,
 Былинкой путника крени.

Теперь бродягой незнакомым
 Кажусь я всем — судьбой влекомый...
 О, если б кто узнал меня!

Узнал и обнял — обнадежил:
 «А ты, брат, словно жизнь не прожил,
 Смотри-ка, вовсе не старик!».

Тогда бы я не жизнь итожил,
 Тогда б во мне мальчишка ожил,
 Хотя б на самый краткий миг.

Кара

Все станет чистым:
 — мутная вода,
 — черновики раздумий,
 — капли пота.
 Все станет чистым!
 Прочь уйдет беда...

Но не очистится, предатель, никогда
 Твоей души гниющее болото!

Все выпрямится:
 — смятая трава,
 — бугристый путь,
 — исправится ошибка.
 Все выпрямится!
 Горб и голова...

Твой, предатель, лживые слова
 Честней не станут, так же как
 улыбка!

Все завершится:
 — кончится игра,
 — спектакль окончится,
 — мы все уйдем беспечно.
 Все завершится!
 Нам уже пора...

Но ты, предатель, так же как вчера,
 предашь сегодня, в будущем и
 вечно.

Перевод Геннадия КАСМИНИНА

* * *

С ума сойду,
 К тебе приду!
 В себя приду,
 К тебе приду!

Тоской объят,
Приду к тебе!
И горем смят,
Приду к тебе!

В годину бед
К тебе приду!
И в час побед
К тебе приду!

Есть сто дорог —
Нужна одна.
Есть твой порог
И ты — одна!

Как раб восстав,
Приду к тебе!
И прахом став,
Приду к тебе!

Монотонная мозаика

Тот же лес. И тот же сад,
Добрый солнцем освещенный.
Тот же вздох. И тот же взгляд,
Чуть лукавый, чуть смущенный.

Та же свежесть в ветерке.
Те же розы. Те же маки.
Те же горы вдалеке.
Тот же дом. И лай собаки.

Тот же дождь. И тот же снег.
Сосен строй в молчанье чинном...
Тот же плач. И тот же смех.
И по тем же все причинам...

Перевод Александра ИВАНОВА

Александр БЕГАШВИЛИ

Если б мое молчанье...

Если цену я с детства
Правду и мастерство,
Если честное сердце
Ставлю превыше всего,
Если тех привечаю,
В ком эти есть черты, —
Память твоя святая,
Вот мой указчик — ты.

Я ведь тобой научен
В жизни любить добро.

Мраморное надгробье
Я тебе не воздвиг,
Но обелиск огромный
Душу мою пронзил.
Я бы хотел стихами
Памятник заменить —
Но развожу руками:
Слов моих рвется нить.
Стих этот — капля в море,
Морю названье — горе.

Дерево зеленело
И возвышалось гордо,
Листьями шелестело,
Споря с вершиной горной.

Глаз не увидит краше
Дерева
И стройнее.

Я вместить не способен
В рифму имя твое...
Если тебя вспоминают,
То замолкаю я,
И отчего — не знаю
Та немота моя.
Слов для большей печали,
Видно, не подыскать.
Если б мое молчанье
Кто-нибудь мог читать,

Это стихотворенье
Я б не сложил, отец.

Сам я с собой в раздоре,
Слов моих рвется нить.
Сердце мое, как море,
В каплю стиха не вместить.

Рифмы не отыскал я
К имени твоему...

* * *

Доброму — веткой машет,
Прочь прогоняет злодея.

Ветви его — как руки
Витязя молодого.
Ливень, жару и вьюги,
Вихря налет суровый
Выдерживало упорно,

Стойко и горделиво —
У дерева корни
Щепкие были на диво.

Дерево это в куще
Грудью земля вскормила.
Вид у него цветущий,
Но сердцевина — сгнила.

Так про иного скажешь:
Как он пригож
И статен,
Плечи — косая сажень,
Облик его — приятен.
Он рассуждает

Здрavo
И не сорит словами,
Словно имеет право
Быть
Снисходительным с вами.

Думаешь:
«Вот образчик
Мужской красоты и силы.
Таких бы
Встречать почаще...»
Но тягот житейских горнило
Покажет:
На вид — настоящий,
А сердцевина — сгнила.

Радость

Дома фото одно мне по вкусу,
Я всегда его видеть рад:
Там на всадника с черным усом
Русый парень глядит, как брат.

Нет, восторга я скрыть не в силах,
Свет струится из глаз моих,
Когда девушка из России
Руставели читает стих.

Каждый звук мне бывал отраден,
Подпеваю, когда друзья
Запоют «Сулико» в Сталинграде,
А в Тбилиси — «Москва моя».

Если Тихонов ставит в строку
Изумруд алазанских роц,

И палитрой своей широкой
Стих его в наши оды вхож,
То сиянию этих радуг
Мое сердце безмерно радо.

Пробивался к счастью с боями
Вместе с братом великим грузин.
Солнце мира своими лучами
Озаряет нам путь один.

Вот поэтому мне по вкусу
Фото, где я увидеть рад,
Как на всадника с черным усом
Русый парень глядит, как брат.

Дарю тебе розу — тоски моей отзвук,
А ты — словно алый бутон покраснела.
Любовь означает красная роза,
А что же румянец твой значит
несмелый?

Перевод Анатолия ВОРОНОВА

КОРОВОЙ БОР

● Рассказ

ВАЖА ХРИОКАШВИЛИ, сорокалетний мужчина, дважды судимый за кражу коров, досрочно, по амнистии, вернулся в родную деревню Квашави, в запущенную свою усадьбу, к вдовой матери, разведенной сестре, работнице черепичного завода, и двенадцатилетнему племяннику Гогия...

Поперек лестницы, ведущей на перрон, стоял небольшой автобус, и шофер в кожаной куртке, Важин бывший зять, пошучивая, приглашал в машину распродавших черешню односельчан, награждая каждого довольно дерзким и наглым юмором:

— Черешенники, родные вы мои! Ох, и времечко было, а, Вануа, черешня за полтинник шла... Когда бы вы не таскались по рынкам, не черешничали, грош вам цена в базарный день, бесчерешенье-то какое было бы в Тбилиси, ай, ай, ай... Везунчики черешневые, черешней кормленные, поенные... Раз черешня, два черешня... по двугривенному на каждом из вас выгадываю, и то лопаются от зависти... Ну-ка полегче, полегче, корзины наверх, наверх, говорю, корзины! Валите на крышу! Изодрали своими корзинами кожаные сидения, словно ласки изгрызли!.. Корзины наверх, Алекса, не слышишь, пропади они пропадом и ты вместе с ними. Ва! Что я вижу, неужто сбить не удалось?! Люди добрые, черешневая душа черешню обратно везет!..

— Три корзины копеечной черешни я продал... вон они, корзины-то, на крыше, а это... это царская черешня, для князей. Князья нынче в монастырях отсиживаются, а мелкой сошке она не по карману... Наварю себе варенья. Когда варишь из обычной черешни, кило сахару на кило черешни нужно, а эта и без сахара — варенье! Медовая! Да разве они понимают? «Ишь, чего захотел. — рассердились, — четыре рубля за кило!» Не хотят — не надо, — одним духом выпалил Алекса, затем нагнулся, приблизил свой толстый, картошкой, нос к самому уху шофера и обрадовал его вестью о возвращении бывшего шурина.

Тут шофер и сам увидел Важу Хриокашвили, увидел и растерялся...

— Бывший шурина, говорю, к тебе приехал, вор коровий, радуйся! Из заключения вернулся... Небось кошки на душе заскребли, крапивное семя! Будешь знать, как надо мной издеваться!.. Иди же, облобызайся! Ну как? Заткнул я тебе глотку?... — Алекса злорадно усмехнулся и поднялся в автобус...

В автобусе яблоку негде было упасть, но одно место рядом с шофером оставалось свободным. На него и уселся Важа, потянул дверной рычаг, дверь закрылась, и автобус медленно отъехал от станции. Крестьяне смущенно молчали, и бывший Важин зять всю дорогу не проронил ни слова...

Автобус время от времени останавливался возле широких железных ворот, за которыми виднелись добротные кирпичные дома с виноградными беседками, и по одному-два пассажира молча выходили из него.

За шесть лет Важиного отсутствия деревня разрослась, увеличилась домов на шестьдесят, не меньше, Черепичный завод реконструировали в керамический комбинат; в открытом поле раскинулась белая, как Алавердский храм, ферма; главную улицу заасфальтировали, установили столбы с лампами дневного света и ввели специальный автобусный маршрут от станции до конца села, до черепичного завода. Да и старые усадьбы изменились — почти в каждом дворе появились гаражи; легковые машины сновали взад-вперед по улицам и проселкам разросшегося села.

Автобус постепенно пустел, и под конец бывшие шурин и зять остались одни.

У каменного дома с отбитой штукатуркой и пятнами вьезшей в стены сырости машина остановилась, и шофер немигающим взглядом уставился на дорогу; дожидаясь выхода последнего пассажира. А тот, прильнув к окну автобуса, разглядывал свою запущенную усадьбу, безотрадно унылую без привычного вхохота кур и звонкого собачьего лая. Потряхивая зерном в миске, вышла на балкон Важина мать в черном головном платке, семенящим шагом спустилась во двор, насыпала пшеничный отрух петуху с драным хвостом и трем курам, мельком взглянула на пустой автобус, поставила под кран закоптелую кастрюлю и принялась чистить ее паклей с песком.

— Приехали! — осторожно напомнил бывший зять притихшему Важе.

— ...Приехали, говорю, — повторил он погодя.

— Ты тоже? — спросил Важа, взглянул на бывшего зятя и поднялся. Тот, решив, что шурин собирается выходить, включил зажигание, но Важа пересел со своего сидения на обитый дерматином ящик для инструментов, поближе к шоферу.

— Ты тоже, спрашиваю, приехал? — спокойно повторил он, зажег спичку и прикурил сигарету.

— Я? Я нет... Я-то почему?

— И давно? — спросил Важа, глубоко затягиваясь.

— ...С алиментами не опаздываю, плачу исправно из месяца в месяц, да и так без внимания не оставляю: мяч... книги... кеды... И в другой разной мелкой помощи не отказываю, — уведомил шофер бывшего шурина.

— Поехали! — спокойно сказал Важа.

— Куда? Вот же он, дом!

— Деревню покажешь!

Шофер поежился и неохотно двинул машину.

— Заодно рассказывай, благо, ты мастер трепать языком! — заметил Важа и снова глубоко затянулся.

Автобус с одним-единственным пассажиром медленно катился по сельским улицам. Лампионы уже горели, хотя до захода солнца оставалось еще время.

— Здесь вот Мито живет, железнодорожник, мать у него умерла, а отец жив... Работает на поезде Тбилиси—Сочи. Одна жена в Сочи, другая здесь. А дом у него сам видишь какой... Нижний этаж — сплошная зала, триста человек уместится, — рассказывал шофер о сельском житье-бытье бывшему заключенному. — А это дом Миха... Кажется, при тебе закладывали. С тех пор все пристраивает и пристраивает, везет же некоторым!... А здесь Каклуа живет, сторож заготзерна, по прозвищу «Воробей». Ты его должен помнить, он постарше тебя, старшие по возрасту всегда запоминаются, так уж устроено...

— Помню... Что за такой клад он откопал?! Словом, вижу, крепко вы за мое отсутствие на ноги встали, уехать мне что ли?! — улыбнулся Важа и снова уставился в окно.

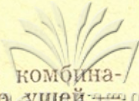
— Кто разжился, а кто нет... Иные твоей копейке завидуют, а сами деньгу лопатой загребают... Если ты фрукты везешь на Магадан, да еще со своими самодельными гирями, моим ли копейкам удивляться должен?! Что ни день под машиной валяюсь, запчасти на свои кровные покупаю...

— Может, мне раздеться и тебя одеть?! — насмешливо спросил Важа бывшего зятя и потянул ворот своего вылинявшего свитера, как бы собираясь снять его.

— Не дай бог до такой нужды докатиться, но... А вот дом мясника! Не дом, а дворец настоящий, сам видишь... Полк не полк, а батальон при необходимости разместит. Детей у него нет, на кой ему такая махина сдалась?!

— Нет детей? Ты не о Миха ли говоришь, мяснике Миха? У него ведь дочь была!...

— Хм, дочь! Ей только мигни — она и на спину... Ее стараниями приют можно бы открыть... Ее выродки весь свет заполонили, а мясник ни одного и близко к себе не подпустил, повыгонял всех. Пригульного улица окрестит, говорит...

— А твой дом который? — неожиданно спросил Важа.

— Вон интернат, это — слесарная школа, а здесь — филиал комбината бытового обслуживания, — шофер пропустил Важин вопрос мимо ушей: «К одной рубашке два левых, а то и два правых рукава пришивают эти машинисты-«ателешники»».

— Твой дом который, спрашиваю?

— Мой... Стоит ли о нем говорить! Не замути твоя сестра воду, мы бы не хуже других устроились, но... Вон он, мой дом, снаружи, как говорится. Брагам на зависть, а изнутри... Потолок валится, лампу и ту не подвесишь. Так-то обстоят дела... Собираю по копейке, пытаюсь что-то сделать... И если бы Веро, сестра твоя, не замутила воду, живи себе да радуйся, ан нет...

— Неужели? — невозмутимо спросил Важа.

— Ей-богу! Беднее меня и дома моего во всей деревне нет... Гроши подрабатываю... И алименты в срок плачу, да и другой разной заботой не обделяю...

Важа взял водительскую путевку и просмотрел ее.

— Меня коровьим вором должны называть, а тебя шофером? А ты ведь машинный вор, а?!

— Не я тебя так прозвал, вот привязался!

— Почему, говорю, тебя никто машинным вором не зовет, ты... А ну выкладывай дневную выручку! Давай выкладывай, ты же честный человек! Ты что мне сказки рассказываешь? Половину выручки в карман кладешь, дерьмо ты этакое!.. И не вздумай больше на мою сестру жаловаться, не то лапшу из тебя сделаю, слышишь? Езжай!

— Бензин кончается, а мне в гараж возвращаться...

— Езжай к колонке, заправись!.. Ночной поезд не встречаешь?

— Нет, ради двух-трех пассажиров не стоит, да и тех частники хватают. Половина деревни на халтуру ездит, еще обидятся на меня ребята. И без того косятся...

Работавший на бензоколонке Важин побратим, узнав его, бросился к автобусу и расцеловал приятеля:

— Приехал, дружище! Вот здорово... Сейчас колонку закрою, посидим... Только не отказывайся, будь другом!..

— Нет, Мито, я еще и домой не заходил. Завтра-послезавтра встретимся, теперь уж я никуда не денусь, — отказался Важа и, обернувшись к шоферу, приказал: — Поехали!

Автобус тронулся... Мито соскочил на землю, помахал вслед отъезжающим.

Где-то на полпути дорогу им преградило стадо, возвращающееся с пастбища. Шофер долго сигналил, изо всех сил хлопал рукой о дверцу машины, тщетно стараясь пробить себе путь. Пришлось набраться терпения и с черепашьей скоростью ехать следом за низкорослыми коровами местной породы. Поравнявшись со столовой, Важа и шофер вдруг увидели, как оттуда выскочил парень лет двадцати и врвался в самую гущу стада; мгновение спустя в дверях появился второй и бросился вслед, прижимая платок к разбитому носу и ругаясь на чем свет стоит. Собрался народ и загородил дорогу так, что уже и скотине путь был закрыт.

Первый то и дело исчезал среди коров и появлялся в совершенно неожиданном месте, второй кидался за ним, и оба поносили друг друга, заглушаемые ревом встревоженной скотины. Разъяренный преследователь бил коров кулаками, пинал ногами, стараясь нагнать противника, в какой-то миг это ему почти удалось — лишь две коровы отделяли их друг от друга. В руках преследователя блеснул нож, но преследуемый снова исчез, и тот в ярости принял колотить скотину рукояткой ножа, а коровам уже и вовсе двинуться было некуда — в столь плотную кучу сбили стадо люди и машины.

Парень с ножом перелез через спины двух коров, но к тому времени его противник исчез. Мгновение спустя исчез и он сам. Шофер, внимательно наблюдавший за происходящим, оглянулся — Важи в машине не было. Участковый уполномоченный стоял на капоте машины, свистел и лихорадочно выскивал взглядом исчезнувших в стаде парней. Неожиданно в самой середине показалась рослая фигура Важи. Появление его на миг еще более обострило ситуацию. Люди, ничего не понимая, недоуменно переглядывались, пока рядом с Важей не очутился обезоруженный преследователь. Потом обнаружилось и третье действующее лицо. Стадо начало медленно продвигаться, и автобус тронулся. Шофер что-то взволнованно объяснял стоящему на подножке уполномоченному, то и дело поглядывая на дорогу. Уполномоченный соскочил на землю и торопливо пробился к месту происшествия.

— Привет, Важа! — поздоровался он, издали протягивая руку. Важа положил отобранный охотничий нож на спину коровы, увлеченной жвачкой, и пожал руку уполномоченному.

— Привет, Бидзо! Ну и ребята! — он улыбнулся и посмотрел в сторону выбившихся из сил парней, усевшихся на испещренный навозом асфальт.

— С тех пор как площадок для борьбы поубавилось, так и драки участились, да еще с ножом. Нет, ты прямо как из сказки возник, а?! — уполномоченный взял нож с коровой спины и спрятал его в карман.

— Время сказок прошло, Бидзо, прошло, — нотки сожаления зазвучали в голосе Важи.

— Зато охотники до потешных зрелищ размножились, — уполномоченный кинул взгляд в сторону людей на площади и снова повернулся к Важе: — Ты заходи ко мне, непременно заходи!

— Зайду. Я еще и дома не был. А ты давно в органах?

— Да не очень. Одной звездой люблюсь, как видишь, — он скосил глаза на погон младшего лейтенанта. — Непременно заходи ко мне. Я напротив сельсовета живу... Пошли! — обернулся уполномоченный к парням и открыл дверь автобуса.

Важа ел лобио. По его левую руку сидела сестра, справа — племянник. Мать стояла подле и вытирала платком заплаканные глаза.

— Такое телеателье отгрохали, а в мастерях у них кузнец ходит. Тебе ли откажут, тебя ли не возьмут?! Руки-то у тебя, все знают, золотые! — говорила Веро, ласково глядя брату в глаза.

— Или АТК, сынок, из Тольятти двоих русских пригласили, — вмешалась мать...

— Не из Тольятти, а из Горького, — поправил Гогия.

— Откуда ни есть, все одно — утопили их в крепленом вине, вот-вот сбегут, — сказала мать и прибавила: — Разве же тебя не возьмут?!

— Из камня воду выжму, мама, дай время, развернусь только...

— На тебя и надеемся, родимый, на одного тебя и надеемся...

Веро украдкой дернула мать за подол платья.

— Да разве я жалуюсь, дочка, но семью без мужчины сжить надо, а чепел развеять по ветру, — договорила все же старушка.

— Узнают на керамическом о твоём возвращении и там засуетятся, пошлют за тобой... Трансформатор или какая-то чертовщина как-то у нас сгорела, возились-возились, ничего не получилось, пока из Тбилиси мастеров не вызвали. Не будет тебе отдыха, золотым твоим рукам, — ворковала сестра.

— Ты ведь разбираешься в моторе «Жигулей», дядя? — неожиданно спросил племянник.

— Двигатели внутреннего сгорания все по одному принципу устроены, царень... А в чем дело?

— Владельцы «Жигулей» все в Гори или Тбилиси ездят ремонтировать. — У мальчика заблестели глаза.

— Сперва дом надо привести в порядок. Немного денег на мелкие расходы я скопил, смену черепицу, завод тут же, под боком, стропила подновлючи о работе порасспрошу, конечно... К уполномоченному сходить должен. Уполномоченным, оказывается, Бидзину поставили, моего школьного товарища...

— Он часто о тебе спрашивал, родной ты мой. Покамест о нем добрая молва идет.

— Как здесь с материалами? Не трудно достать? Эх, сколько леса сплывали на сторону!

— Об этом пока не думай, сынок, наш завскладом такие цены на лес наложил, погоришь! Сперва за собой присмотри, свои дела приведи в порядок!

— А он сам-то не погорел пока? — спросил Важа, доедая лобио.

— Пока нет, сынок, пока нет, но и это время придет! Одно бревно за тридцать, а то и сорок рублей продает, сгори он совсем, а балки и стропила оценивает во сколько вздумается. Ты послушай меня, сынок, временно крышу толем покрою, а там, бог даст, встанешь на ноги и дом устроишь как должно. У Веро зарплата хорошая, две нормы вырабатывает, иссушила ее, правда, работа на этом заводе, чтобы зять наш так высох, сам-то как сыр в масле катается...

— Все образуется!.. Да и друзья меня не оставят, — сказал Важа и отодвинул миску.

— Друзья твои все при хсрошем деле, сынок! Конечно, не оставят! А так, в твоё отсутствие тяжёлы были на подъём, редко кто о тебе справлялся...

Однако все сложилось иначе, чем предполагал Важа: друзья его, занятые своими делами, никакой значительной помощи оказать ему не сумели. При-

гласили раз-другой, скорее из вежливости или чувства долга, чем из желания обсудить с ним дальнейшую его судьбу, и так напоили впридачу, что домой он вернулся пьяный в стельку. Об устройстве его на работу никто не заботился, ограничивались одними обещаниями... Если несколько человек — помощников ему разобрать крышу, то помочь заново перекрыть ее никто уже не пришел, и дядя с племянником вдоволь напознались по черепице...

Все обрели свою дорогу в жизни, все нашли общий язык с окружающими, и ни у кого не оставалось времени разбираться в запятнанной, запутанной и в общем-то поздно начавшейся жизни Важи Хриокашвили.

Чаще других заходил Бидзина. Ему, собственно, и должностью вменялось в обязанность навешать бывшего заключенного, да и память о детской дружбе жила еще в сердце, но и Бидзине никак не удавалось пристроить друга. Несколько подысканных наслех дел ни материально, ни морально не удовлетворяли Важу...

Порой вполне добropорядочному и честному человеку трудно найти свое место в жизни, и что было удивительного в том, что дважды судимый за кражу коров сорокалетний мужчина, пусть и с золотыми руками, все еще оставался не у дел...

Впридачу ко всему, довольно слабые, правда, отголоски весьма ощутимых в жизни перемен достигли села Квашави: иных освободили от занимаемой должности, иных перевели на другую работу. Новое должностное лицо избегало смотреть в глаза своему предшественнику, а если где и остался старый руководитель, и тот переродился, как ни странно, в эдакий эталон принципиальности.

Где тут найти место коровьему вору?! И хотя в свое время не было ему равных в умении разбираться в технике и куда хуже его мастера продолжали работать в мастерских и на заводах, никому не хотелось взваливать на себя лишние хлопоты — мало ли какие?! — ни директору керамического комбината, ни начальнику АТК, ни заведующему автопрофилакторием. Тем более что работа у них была отлично налажена. А о животноводческой ферме и говорить не приходится — у них корова чуть ли не сама доилась, масло само взбивалось, сыры сами заквашивались, и все это изобилие вывозилось в сверкающих белозной специальных автомашинах. Но это еще не все! Тысячи обязательств были взяты руководителями предприятий, уважаемыми людьми села, и они выполняли их исключительно за счет бессонных ночей и неустанного труда. При таком положении дел, естественно, никто не мог принять близко к сердцу вопрос о трудоустройстве Важи Хриокашвили, и от настырного участкового уполномоченного, без конца твердившего об этом, попросту отмахивались.

— У меня и так у ворот комбината человек с ружьем стоит. Ты хочешь, чтобы я еще и пушку выставил? — бесцеремонно ответил Бидзине директор керамического комбината.

— Не совсем так обстоят дела, Морис-батано. Я Важу хорошо знаю, вышел он уже из того возраста, колония отличную характеристику ему дала. Я за него ручаюсь, в конце концов.

— Мастером смены я его не назначу, даже если буду знать, что он на двести процентов план мне выполнять будет... Подсобным приму, раз уж так пристали...

— Мастер он, руки у него золотые, в его руках железо, как тесто, податливо...

— Вот и отлично, в Рустави таких днем с огнем ищут...

— Он домой вернулся, поймите, к матери, сестре, к своим, в свою деревню... Он здесь хочет жить...

— Когда нас, грузин, это устраивает, дом наш от Каспия до Понта, почему же сейчас конкретизировать... Один небольшой ручеек в нашей деревне, и тот к концу мая высыхает, жара летом такая, хоть на солнце глину выжигай. Не понимаю!..

Начальник АТК тоже без энтузиазма встретил предложение Бидзины принять Важу мотористом во вверенное ему учреждение.

— Есть у меня один старый самосвал на списание, пускай отремонтирует, я его шофером на эту же машину возьму. И то из уважения к тебе, дорогой Бидзина. Между нами говоря, мне и этого не хочется.

— Но разве такой моторист у вас в АТК найдется?!

— Не могу, дружище!.. Сам знаешь, какие у меня запчасти и снабжение какое, а если он последнее перетаскает... Вот взгляни на мои планы... Взгляни, а потом обвиняй...

И отсюда ни с чем ушел участковый уполномоченный, ушел и поставил вопрос о трудоустройстве Важи Хриокашвили перед директором животноводческой фермы.

1969
202000033

— Ты смеешься надо мной, а, Бидзина? Издеваешься?!
 — Как это издеваюсь? При чем тут смех?! Важа и твой одноклассник об этом ли тебе напоминать?!
 — Ну и что?
 — Ну и то! Этот твой завод комбикормов то и дело простаивает, такой мастер, как Важа, мигом бы все наладил!
 — Эх, брат, что иголку украсть, что верблюда — все одно, говаривал один умный человек и помнить заведет. Разве же эти слова только про верблюда? Нет, и про корову. Работнику органов лучше других должно быть это известно!
 — Работнику органов многое известно, коли речь зашла о знаниях, — обиделся Бидзина. — Я к тебе пришел как к товарищу, чтобы помочь другому нашему товарищу, однокласснику... Его судьба одинаково касается нас обоих...

— Не бей, говорят, лежачего, но я и не бью. Важа у меня коровы не украдет, это точно, но пойдет деревня чесать языками, да еще наши остро-словы! В управлении, в министерстве — повсюду узнают... Привел, скажут, на ферму коровьего вора, выставят на посмеище и меня, и Важу. И про тебя начнут лясы точить.

— Лжешь!
 — Возможно.
 — В том-то и дело...
 — Но и это не исключено...
 — Воровство?
 — Хотя бы! А ты знаешь, откуда мы коров везли и какие деньги за них платили? За две такие коровы одну машину купить можно или десять наших худосочных коров, если по рыночным ценам судить...
 — Перестань ты, наконец, — Бидзина сел на мотоцикл.
 — Да! Да! Неделю назад новорожденный теленок ногу сломал на бревенчатом настиле, так в присутствии пяти специалистов акт составляли, даже из управления представитель приехал.

Мотоцикл ехал пылясь стаявшего у входа на завод комбикормов директора животноводческой фермы.

Важа как-то уже не спешил устраивать свою жизнь, и если поначалу он был преисполнен энергии, ходил с гордо поднятой головой и деловито распоряжался в доме, то под конец настолько безысходной показалась ему его участь, что он даже заслужил робкий упрек матери, когда поднял на крышу бутылку водки, и в ответ незаслуженно ей наругал.

Часто Важа садился на неокрытую крышу, дымил дешевой сигаретой и, вертя в руках черепицу, осматривал окрестности села — большую долину, за которой начинались горы, узкий перевал и снова долину. Эти места ему были хорошо знакомы. Важе не раз приходилось возить туда краденых коров.

При тусклом свете фар двое молодых, здоровых парней успевали осве-жевать и разделать за половину ночи четыре туши. Остальное время у бойких ребят уходило на переезд через перевал и сбыв товара. Закусочные и хин-иальные с готовностью покупали краденое, и тогда начиналась сладкая жизнь: попойки, поезда, машины, море, женщины... Так и подкрались сорок лет, палец о палец для дома не ударил. Много было всего испытано, увидено, прочитано, услышано, парень он был крепкий, здоровый, на лопатки, как говорится, никто его не укладывал... Словом, много всего было, и побаивались его. Бедняге-киномеханику не раз приходилось фильм о Георгии Саакадзе с утра до вечера крутить для него и его друзей. Почитал Важа Георгия Саакадзе.

— Пошли, прошу тебя, как брата, пойдем! — просил уполномоченный Важу, вышедшего ранним утром ремонтировать дом. Важа отказывался, приводил в порядок рабочие инструменты, рассортировывал...

— Нет, Бидзо! Мне крышу доделывать надо, пора уже, а то все сижу на ней и чувствую, крыльшки у меня растут, вот-вот взлечу. Нет, не смогу...

— Пойдем, а, дядя! Я ведь тебя ни о чем не просил?! Пойдем, я с ребятами поспорил, не верили, я и поспорил...

— О чем поспорил?
 — За два часа, говорю, мой дядя мотор из машины достанет. Все думают, что я вру, хвастаюсь, пошли, пожалуйста...

— Ну, ладно, если бы не Гогия, я с тобой, Бидзо, не пошел бы, запомни! — сказал Важа, зачес инструменты обратно в сарай и вскоре вышел оттуда с небольшим ящиком. В нем лежали заржавленные автомобильные ключи,

Важа поставил ящик в коляску и уселся сам. Бидзина посадил Гогия на заднее сидение, и мотоцикл понесся по направлению к автотранспортной конторе.

В центре заасфальтированного двора на ямах стояли три старые машины. Во дворе, несмотря на воскресенье, толпились шоферы и просто зрители. Два горьковчанина в спецодежде каждый у своей машины ждали прихода соперника. Тут же находился и начальник АТК. Важа улыбнулся зрителям, кивнул двум-трем знакомым и с видом человека, знающего свое дело, подошел к машине.

— Все это ты, Бидзина, затеял, так что я с себя ответственность снимаю, — объявил уполномоченному начальник АТК и подошел к столику, установленному тут же во дворе.

— Не беспокойся, — Бидзина повернул к себе настольные часы и спросил, здесь ли музыканты.

— Здесь-то они здесь, но, может, без литавр обойдемся...

— Раз за это мероприятие целиком и полностью я отвечаю, проведем его, как уговорились. Как ваших механиков зовут?

— Саша и Иван, они из Горького. Мы пригласили их на год... — пустился в пространное объяснение начальник АТК, но Бидзина не стал его слушать.

— Гогия, поди сюда! — Уполномоченный усадил мальчика рядом с собой. — Главные арбитры — это мы, а Гогия будет следить за участниками состязания... Начнем по моей команде, я скажу это по-русски, Важа, тебе, надеюсь, переводчик не нужен.

— Четверть жизни в тех местах провел, — усмехнулся Важа и раскрыл ящик.

...Три цепные тали для вытаскивания мотора, словно три гильотины, нависли над головами мастеров. Музыканты в кузове одной из машин ждали команды.

— Что будем играть? — спросил барабанщик.

— Сачидао¹. А там сами знаете, — ответил Бидзина и обернулся к механикам: — Слушай мою команду, ребята! Раз... два... начали!

Музыканты надули щеки, и протяжные звуки сачидао перекрыли шум людного гаража.

Три автомобильных дел мастера кинулись к своим машинам и неистово принялись за дело. Музыка распалила зрителей, никому не стоялось на месте — они вертелись, переговаривались, спорили, кружили по двору, нагибались, становились на цыпочки, словом, их глаза, мысли и чувства были там, рядом с механиками.

Горьковчане поначалу посмеивались, подмигивали музыкантам, выкрикивали известное: «асса! асса!», но улыбки постепенно сошли с их лиц, они втянулись в работу, влезали и вылезали из-под машин, спускались в яму и выскакивали обратно, везились с двигателем, головой погрузившись в машинное чрево. Однажды Иван подал землянку нужный тому ключ, и тотчас же раздался звук свистка. Главный арбитр Бидзина погрозил пальцем нарушителям правил соревнования, те приняли предупреждение, извинились, не прерывая между тем работы. Мелодия сачидао волновала и мастеров, подгоняла их, а всех больше Важу: его она горячила и разжигала в десять раз больше, чем остальные, глаза его сверкали, из рук, казалось, вылетают искры, и наиболее восторженные взгляды зрителей были в его адрес, инструменты так и мелькали в его руках, и все его существо словно растворилось в ритме музыки...

Незаметно бежали минуты — десять, двадцать, тридцать, час... На девяностой минуте в победе Важи уже никто не сомневался. Так оно и случилось. Важа крючком зацепил двигатель и потянул за цепь, переброшенную через блок.

Ровно через пять минут закончил работу Иван, а вслед за ним и Саша. Музыканты, притихшие было, заиграли туш, дули в мундштуки дудуки² — вот-вот щеки лопнут, барабанщик палками мерно отбивал такт, кому-кому, а им, старым борцам, радость победы была понятна.

В честь Ивана они сыграли «Катюшу», причем барабанщик выступал на этот раз в роли певца. Дудукисты довольно точно воспроизводили мелодию этой, далеко не восточной песни. Барабанщик пел неплохо, с грузинским акцентом, правда, и после первого куплета часть зрителей подхватила песню. Веселье царило вокруг. Гогия со своими сверстниками боролся в конце двора. Они кувыр-кались, ходили, как говорится, на голове.

Они же и поднесли победителям короткие, оплетенные черешнями ветки. Важе досталась одна ветка, Ивану — две, а Саше — три.

¹ Сачидао — мелодия, которую играют во время борьбы.

² Род дудки.

— Что скажешь теперь? — торжествующе спросил уполномоченный начальник АТК.

— Скажу, что говорил... Разве же я сомневался или сомневаюсь в его умении?... Нет, Бидзо, не в этом дело... У меня по штату два механика-моториста, я из Горького по договору ребят пригласил, почти насильно, можно сказать, привез до нынешней осени... Пускай пока просто так походит. На текущий ремонт деньги выпишу, не поскуплюсь, да и ребята двумя-тремя рублями не попрекнут... А дальше видно будет... Места-то к осени освободятся, если горьковчане к нам в зятья не запишутся... Ничего пока не могу предложить другого, ничего не выйдет...

— Ну и твердолобый ты, — Бидзина обиженно взглянул на начальника АТК и прибавил: — Тебя послушать, у нас каждый винтик на учете, а с приходом одного бывшего заключенного склад запчастей существовать перестанет. Брось ты! Частные машины со всего района в ваши ворота, как в свои собственные, заезжают и выезжают, а ты на дыбы, и ты и другие прочие. Я же прошу и ручаюсь...

— Зачем обижаться, Бидзина, я нормально...

— Э-э, ради бога, эти нормальные нормы ваши сперва ты и твои шофера соблюдайте, а потом другим навязывайте! Лучше уж признайся, что все у вас кривь и кось — одно колесо вперед тянет, другое назад.

И не на шутку разозленный и разгоряченный Бидзина покинул упрямого начальника Квашавской автотранспортной конторы.

Важа доканчивал крышу. Покрывать ее толем, как советовала мать, он не стал, решил, если делать, так делать по-настоящему. Купил черепицу и теперь укладывал последние козы, поднятые наверх племянником, возле слухового окна.

— Ну как получилось, а? Люди добрые! Хороша крыша?! — крикнул он вдруг громко, оглядел двор, соседние дома, всю деревню — куда достал глаз. — Гогия, хоть ты голос подай, — прибавил он и поискал взглядом племянника.

— Отсюда не видно, дядя, спущусь, погляжу издали, — голова мальчика появилась в слуховом окне и в тот же миг исчезла.

— Ай, красиво-то как, родной! Украсила дом новая черепица! — радостно воскликнула мать. — Спускайся-ка ужинать.

— Не черепица, а я украсил, я и Гогия, — засмеялся Важа, присел на окно, закурил.

— Дом совсем как новый, дядя, совсем как новый, — восторженно крикнул со двора Гогия и подставил полуголое тело под кран.

— Неплохо, а, соседи? — снова крикнул Важа.

— Хорошо, сынок, сказала тебе, хорошо. Спускайся, чего сидишь, — ответила мать, растирая намыленное тело мальчика сморщенными сухими ладонями.

— Разве я у вас спрашиваю? Мне от соседей узнать хочется о нашей работе, человек человеком жив, слышала ведь?!

— Все на работе, кто же тебе ответит?!

— В том-то и дело!..

— В чем, сынок?

— Да в ужине... Кувшин вина сейчас в самый раз, вроде как магарыч мне и Гогия... Без него мне бы с этим делом не справиться... Сбегай, Гогия, за парой бутылок «Саэро» и не забудь в кувшин налить... Всякой дряни я все же «Саэро» предпочитаю...

— Уже принесли, сынок, и в кувшин налили... спускайся! — она кончила мыть внука и вошла в дом. Гогия взялся за полотенце.

Важа не спешил спускаться с крыши, смотрел на село, курил...

Показалось стадо, миновало Важину усадьбу. Постепенно утихли топот копыт и мычание. Потом все смолкло. Гробовая тишина воцарилась вокруг — ни звука. Над крышей пролетел воробей, и после его стремительного полета тишина стала еще ощутимей.

— Привет вам, соседи! Какова крыша, а?! — проговорил Важа про себя и притих, как бы прислушиваясь к своим словам.

Во дворе не было видно ни Гогия, ни матери.

Вдали прошел поезд так бесшумно, как будто вместо рельсов были расстелены бурки. И тут Важа увидел нечто такое, что заставило его выйти из задумчивости: большая бурая корова русской степной породы просунула голову в Важину калитку и протяжно замычала... Была она на редкость хорошо откормлена и ухожена, весом в полтонны, если не больше.

— Эй, люди! — процедил сквозь зубы Важа и оценивающим взглядом оглядел корову. А она уже втащила во двор свое огромное тело с пудовым

выменем с таким уверенным видом, словно вот уже много лет возращается с пастбища в свой хлев.

— Она-то откуда взялась, проклятая? — мать выбежала во двор, схватила прут и огрела корову раз, другой, тесня ее к калитке.

Та, как нарочно, воротила морду, старалась увильнуть от занесенного прута, пятилась подалее от ворот, в глубину двора, а потом и вовсе перестала замечать удары, заглянула в покосившийся гараж, обнюхала раздолбанную старую «шкоду»...

Веро еще не вернулась домой. Она работала во второй смене. Гогия перестал есть хлеб и протянул недоеденный кусок корове, которая с видимым удовольствием его прожевала и в знак благодарности лизнула ладонь мальчика. Важа медленно сошел вниз по приставной лестнице и с нескрываемым интересом принялся разглядывать неожиданную гостью. Он постоял с минуту перед ней, потом снял кусок каменной соли, запрятанный на балке под балконным полом, и протянул его корове. Она полизала соль, отвернулась и шумно выпила воду под расположенным тут же водопроводным краном.

— Ишь ты, словно здесь и выросла! — заметил Важа, взял из рук матери прут, переломил надвое и выбросил обломки прочь.

— Ты что это, сынок? — испугалась мать.

— А чего бьешь смертным боем скотину? Пусть себе пощиплет траву, попасется, видишь, кругом трава одна... Там и хозяин отыщется.

— В деревне такой коровы ни у кого нет, — вставил Гогия и бросил на землю охапку свежей травы.

— Пускай калитка открытой остается, — Важа пропустил замечание племянника мимо ушей, — захочет уйти — уйдет сама, а то и хозяин заглянет. Только корма не жалейте, нельзя жалеть корма для скотины.

— Такой коровы ни у кого нет окрест, чья же она? — тревожно проговорила мать.

— Чья бы ни была. Смотреть все равно за ней нужно. Жаль скотину! — сказал Важа, попробовал большим пальцем острие серпа, зашел за дом и вскоре вернулся с большущей охапкой свежескошенной травы.

Корма у невесть откуда взявшейся скотины, благодаря стараниям Важи, было предостаточно, и с какой стати она стала бы покидать обильную пиццей усадьбу. Это была удивительная корова. Не корова, а гора среди приземистого тонкокопного деревенского стада.

Через несколько дней после ее появления Важа куда-то ушел, ничего домашним не сказав, вернулся он через двое суток в отличном расположении духа. Корова по-прежнему стояла во дворе непривязанной и занималась своим обычным делом, щипала траву. Благо, она после непрерывных дождей заполонила все вокруг.

— Кличку ей дали? — весело осведомился Важа и похлопал скотину по холке.

— Как бы неприятность не вышла, сынок, ради бога! О какой кличке речь. У нее уж, верно, и своя кличка есть, и свой хозяин. Кто знает, как он ее ищет день и ночь? — замахала руками мать, словно отгоняя всякую мысль о кличке для чужой коровы.

— Я за двое суток все ущелье облазил, все деревни обошел, хутора все, — заявил Важа, — кого только не спрашивал. Не теряли, спрашиваю, корову, никто не терял, отвечают в один голос. Видно, она господом богом нам послана.

— Ты, сынок, такие мысли гони от себя подалее! Оставь, говорю, такие мысли! О деревне подумай, что скажут!

— Занялась бы ты своими делами. Деревня, она свои дела сама устравляет, а я своими займусь. Сам свое дело знаю! Не явится ее хозяин день-другой — объявление в районной газете дам... Что-нибудь предприму... Не тревожься, — Важа нагнулся, провел ладонью по вымени, потянул за сосок. Мутно-белая жидкость змейкой легла на землю...

Под вечер, когда мимо усадьбы Хриокашвили вновь прошло стадо и утихли мычание и топот копыт, ко двору подъехал грузовик с крытым кузовом. Важа открыл ворота. Шофер грузовика сквозь стекло кабины напомнил ястреба в клетке. Он неторопливо открыл дверь, вытащил из нагрудного кармана кожаной куртки две плитки шоколада, прыгнул на землю и протянул одну плитку Гогия.

— В дальний рейс еду, — сказал он, обернувшись к Важе. — За ночь надо успеть отремонтировать, время не ждет, спозаранку — в дорогу. Шофер протянул вторую плитку Важиной матери.

— Перекусим — и мигом, — сказал Важа.

— Я сыт. Вот тебе деньги за труд. Запчасти в кабине. Пойду к двоюродному брату, век его не видал, не годится так. Чуть свет буду у тебя, — шофер протянул Важе деньги, попрощался за руку с его матерью, потрепал мальчика по щеке и, вертя на указательном пальце кольцо со связкой ключей, вышел на дорогу.

— Кто это, сынок? Что ему надо? Почему он тебе столько денег дал, а? — заволновалась мать.

— Махину эту отремонтировать должен, вот и заплатил. Успокойся, мама. За меня, говорю, не бойся, я глупости бросил! — успокоил Важа старушку и подошел к машине.

Ночь. Важа при свете электролампы, перевешенной через ветку дерева, ремонтирует грузовую машину. Гогия, присев на корточки, подает дяде инструменты. Его клонит ко сну. Он то и дело зевает, но крепится. На балконе с недостающими балясинами сидит мать и дремлет. Неподалеку большущая пегая корова жует свою бесконечную жвачку. Иногда она перестает жевать, и приглушенное мычание стелется по двору.

— Мычит она как-то тревожно, нездорова, что ли, — говорит с балкона очнувшаяся от дремоты мать, — как бы с ней беды не случилось.

— Ступайте-ка спать, с чего это вдруг все совами обернулись? — говорит Важа и, обращаясь к племяннику, прибавляет более строгим голосом: — Марш в постель. Умыться и спать.

Гогия встал, зачерпнул пригоршней бензин из ведра, потер руки, высушил ветошью, прошел мимо коровы к крану, промычал дорогой, передразнивая ее, помылся и вошел в дом.

— Слышишь, мама? — Важа взглянул на балкон. Мать успела снова задремать.

— Веро дождусь. Пока не вернется, не лягу! — стояла на своем старушка.

— Я-то здесь. Чего беспокоишься. Или кто ее заденет — меня не побойтся. Ступай, говорю, спать. — Важа не стал дожидаться ответа, лег на землю, по эту, невидимую с балкона сторону машины и взглянул на корову. Смотрел он на нее довольно долго, потом приподнялся и улегся на вытасченное из кабины сидение.

Луна растворила в себе бледный свет электролампы...

Усталые шаги на лестнице нарушили тишину ночи.

Важа приподнялся.

— Ты, Веро? — вполголоса окликнул он сестру и присел на сидении.

— Ой, а я тебя и не заметила! — удивилась Веро и проворно сбежала вниз по ступенькам. — С чем возишься?

— Да с машиной. Немного осталось...

— Уже начало первого. Отложил бы на утро.

— Нельзя никак. Спешит хозяйин. Спозаранку, говорит, чтобы готова была.

— Заместитель наш вроде какое-то дело тебе подыскал, да директор в командировке...

— Никуда не денется, вернется. А Гогия у тебя хороший парень, — сказал вдруг Важа, — голова варит, да и руки умелые... Насилу его спать отослал...

— Сказал тоже! Ты для него — бог! Как ты вернулся, в нем вроде силы прибавилось... Ладно, вставай, Важа, спать пора, — ласково сказала Веро и медленно поднялась на балкон.

Важа, однако, продолжал сидеть и поднялся только тогда, когда все утихло в доме. Он водворил сидение на место, погасил во дворе свет и спустился в подвал. Здесь он зажгет небольшую лампу, взял с полки два ножа, один узкий и длинный, другой покорооче, но широкий, отточил их на точильном камне, провел острьями по замястью. Ножи были отлично наточены. Важа положил их обратно на захлавленную полку, рядом с кувалдой и вернулся во двор. Постояв с минуту во дворе, он вышел на проселок, огляделся по сторонам.

Сельская улица, освещенная неоновыми лампами, была безлюдна.

Важа вошел во двор, запер калитку и, приблизившись к корове, устал вился на ее вислый живот и не в меру разбухшее вымя. Корова беспокойно топталась на месте и приглушенно мычала, то и дело обнюхивала землю или забор, словно искала что-то.

Важа подвел скотину к дверям подвала и куском каменной соли заманил внутрь. Корова с трудом протиснулась в широкую двустворчатую дверь, постояла в темноте и внезапно подалась вперед, стукнувшись мордой о полку на противоположной стене. Что-то с грохотом упало на земляной пол

и разбилось. Важа, обжигая пальцы, вывинтил из патрона небольшую лампу, сменил ее на другую, в пятьсот вольт.

Яркий свет залил подвал. Корова бесцеремонно обнюхала все вокруг, еще раз замычала и повернулась всем телом к Важе.

В правой руке Важа держал молот...

Корова снова протяжно замычала, тряхнула отвислым животом и, пока Важа поднял молот, опустилась на землю. Опустилась внезапно, как подкошенная, замычала и, скривив шею, потянулась мордой к тому самому месту, откуда уже появлялась новая жизнь — красное, пестроголовое существо двигалось копытцами вперед.

Важа бросил молот на землю, взял с полки пустой дерюжий мешок, постелил грядущему существу. Быстро засучив рукава, отыскал еще один мешок и ухватил им теленка за ноги.

Фыркая и чихая, принаравливаясь к новой среде, переходило из одного мира в другой пестрое, красивое, с нежными копытцами существо. Важа вытянул задние ноги теленка и опустил на прохладную землю. Некоторое время он сидел неподвижно, потом прислонился к стене подвала, заполненного телом коровы, теленка и его самого. Корова тихо замычала и несколько раз лизнула новорожденного.

После минутного отдыха Важа поднялся, подтащил мешок с теленком поближе к вымени матери, достал тут же из ящика горсть соли и посыпал мокрые тело теленка. Мать с живостью принялась лизать свое чадо.

Важа распахнул двери, и приятный ночной майский ветерок наполнил душный, без окон, подвал.

Со вторым криком петухов Важа поднял голову. Все это время он продолжал сидеть, прислонившись к стене. Вылизанный, пестрый, красивый, большой теленок лоснился в залитом светом сыром подвале.

Важа медленно поднял глаза и увидел на пороге шофера грузовика. Тот смотрел на корову. Сперва издали, потом подошел поближе. Теленок, при его приближении, поднялся, растопырив слабые ноги, вслед поднялась корова, медленно встал и Важа. Шофер провел рукой по спине теленка, потом подложил ему под живот ладони, подержал на весу некоторое время и опустил обратно на мешок. Теленок покачался из стороны в сторону и неловко, но красиво улегся на свою подстилку.

Шофер вопросительно уставился на Важу. Важа вместо ответа отрицательно покачал головой, поднялся и усталым, но твердым, решительным шагом вышел во двор и закурил сигарету.

Шофер прошел мимо него, неторопливо сел в кабину, опустил дверное стекло и завел грузовик. Важа продолжал курить. Шофер медлил уезжать, то и дело поглядывая на товарища. Важа подошел к открытому окну кабины, вынул из кармана пачку денег и протянул шоферу. Машина незаметно тронулась с места, выехала за покосившиеся ворота и скрылась из глаз.

Важа не стал запира́ть ворот...

Петух с ободранным хвостом крикнул так громко, что сидящий на ступеньках Важа вздрогнул.

Светало. Деревня просыпалась. Первой из дому вышла Веро, одетая в рабочую одежду, со свертком завтрака в руке, и вдруг остановилась, не ожидая в этот ранний час увидеть брата, дремлющим на лестнице. Внезапно словно что-то осенило ее, она бросилась к перилам балкона и взглянула на то место, где прежде стояла корова. Коровы не было. Веро стремглав бросилась вниз по лестнице, заметила яркий свет в подвале и остановилась перед открытыми дверями, глубоко вдохнув растворенный в прохладном утреннем воздухе непривычный запах отелившей коровы. Веро вбежала в подвал и припала к большому бурому телу... Некоторое время спустя к ней присоединились мать и Гогия с ранцем за спиной. О школе, работе и думать никто не думал. Все дела и все вопросы вдруг утратили смысл. Замерев, смотрели они на отелившуюся корову. И их дыханием — пятерых равно счастливых существ — наполнился заплесневелый, сырой подвал. Это пронизанное счастьем дыхание беззвучной струей лилось из распахнутых двустворчатых дверей и бескомпромиссной верой заполняло двор, усадьбу и через незапертые ее ворота выходило и сливалось с дыханием всей деревни.

За этим дыханием, за этим непривычным дому Хриокашвили воздушным потоком медленно последовал Важа. Шел он усталой походкой в неопределенном направлении... Лампы дневного света гасли в деревне, и луч солнца прорезал дорогу. Возле бензоколонки бродил сторож. Важин-приятель еще не приходил. Перед сельсоветом у небольшого финского дома участкового уполномоченного не было видно мотоцикла. Без адреса, но не без смысла ходил Важа по улицам деревни и разглядывал все с таким напряженным вниманием, словно видел ее впервые. Встречных было больше, чем попутчи-

ков. Важа пожелал нескольким доброго утра, хотя они вовсе не были ему знакомы, и продолжил свой путь.

Словно на большое сельское празднество стекался народ к усадьбе Хрионашвили. Тщательно подметенный, убранный двор буквально сверкал. Целая гора зеленой травы лежала перед коровой. Она с аппетитом пережевывала молодую сочную траву, пестрый теленок тыкался мордой в огромное материнское вымя. Казалось, он рос прямо на глазах... Гогия вертелся поблизости, пододвигал траву поближе к корове, подбрасывал новые охапки, и при этом лицо его было серьезно, исполнено мужского достоинства.

Людской поток постепенно пошел на убыль — усадьба Хрионашвили опустела, и молва об удивительной истории с коровой разлетелась по деревне...

Последним из зрителей оказался Бидзина. Он с грохотом въехал во двор на своем мотоцикле. Рядом с ним в коляске сидел директор животноводческой фермы. Директор, он был в белом халате, сошел с мотоцикла и с деловым видом приблизился к корове.

— Прекрасный отел, никаких осложнений. А приплод какой, к тому же телка! Везучие вы однако! — сказал директор и несколько раз потянул корову за соски.

— Мы для нее ничего не жалели, ни я, ни мой сын, как посланницу божью приняли, выхаживали... Разве же я столько понимаю в корове и теленке? Если поверите, у нас и дойной козы-то не было, своей грудью двоих вскормила...

— Ты что, мать, кто же тебе не поверит! А где Важа? — спросил уполномоченный.

— Не знаю, сынок, может, людей постеснялся, как ушел куда-то утром, не возвращался! Он тут заправлял, не то и теленок задохнуться мог, и корове худо бы пришлось. Я-то в корове ничего не смыслю, ночь не спал, помог ей отелиться... Да и я не сомкнула глаз, украдкой от него...

— Знаю, мать, все в подробностях знаю... Я всегда был в нем уверен, но твердолобые только сейчас в этом убедились. Это меня и радует! — сказал Бидзина и с насмешкой взглянул на директора фермы.

— Я не сомневался в Важиной ловкости, — сказал в ответ директор.

— А в его правдивости? — отпарировал Бидзина и, обращаясь к матери Важа, произнес: — Теперь, мать, дело обстоит так: корова возвратится на ферму, на первое время со своим теленком, а затем, когда подрастет теленок и траву начнет есть, его вам передадут, и тогда уж сами знаете — смотрите за ним, ухаживайте... И надой будет, масло, сыр. Гогия, я уверен, не поленится, приглядит за скотиной.

— Гогия, сынок! — позвала Веро, но никто ей не ответил.

Участковый уполномоченный вдруг опомнился словно, даже не взглянув на директора фермы, он сорвался с места, вскочил в мотоцикл и исчез в пыли.

С ревом мчится мотоцикл участкового по главной улице села. Рядом с Бидзиной в коляске сидит Гогия. У него злое, взволнованное лицо. Мотоцикл мчится к железнодорожному вокзалу...

Перрон вокзала встретил их безлюдьем. Вдали виднелся хвост уходящего поезда...

Мотоцикл мчится по шоссе параллельно железной дороге. Гогия опустил голову на колени, чтобы скрыть слезы обиды, подступившие к глазам. Бидзина, угрюмо уставившись на дорогу, впилил руками в руль мотоцикла. Мотоцикл постепенно догоняет поезд...

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

КАК ЧВАТНИЯ ЖЕНИЛСЯ

● Рассказ

ЗАКАТАВ до колена штанину мешковатых брюк, чтобы не мешали бить по мячу, враскачку, точно хромой, неуклюже выбегал он на поле и бросался за мячом, грозно сверкая глазами и крича ребятишкам: «Не трогайте!». Но они его не боялись. Просто поднимался переполох. «Чватния идет! Чватния идет!» — визжали они. Кто-нибудь хватал мяч, бежал к Чватнии, осторожно клал мяч на какой-нибудь бугорок. Чватния долго пятился задом, долго примеривался и нацеливался, гордо и вызывающе поглядывая на ребят — мол, будете знать, что такое настоящий удар! — и с ревом «Хаэ-е! Хоэ-е!» бросался в атаку. Бил он изо всей силы, но обязательно куда-то в сторону. Мяч вылетал за ворота, за пределы поля вообще и попадал в чей-нибудь двор. На том все и кончалось. Чватния, в высшей степени довольный, шел дальше своей дорогой, нимало не заботясь, кто проигрывает, кто выигрывает, — честно говоря, в футбол играть он не умел, да и не нравилась ему эта игра. Когда игроки делали финты — проносили мяч чуть не по его ступне — либо пасовали кому-то, а не ему, Чватния недовольно ворчал: это ведь нечестная игра!

Сердце у Чватнии было доброе, открытое, он не обижался ни на шутки, ни на насмешки. Беззаботная улыбка не сходила с его лица. Целыми днями слонялся он по деревне, учиться он не желал, терпеть не мог это занятие, и избегал бывать дома, чтобы меньше попадаться на глаза бабушке Кваквале. Сама Кваквала была женщина полуграмотная, темная, и заветной мечтой ее было видеть в своей семье ученых людей. Увы, единственная дочь ее Нину в отца пошла, покойника, царствие ему небесное, — не дай господь Нину его судьбы, рано ушел, рано, а ведь глаза-то у Нину точь-в-точь отцовские! — так вот, Нину учиться не захотела, осталась недоучкой. И Чватния в их породу, — сокрушалась Кваквала. Подросток мальчонка, экий верзила вымахал, ему бы в самый раз учиться, а он, как и мать, книгу на дух не переносит, и ничего с ним не сделаешь. Зять, Цигу, тоже не ахти какой книжник и грамотей попался. На деревне Цигу славился как добрый земледелец, работяга, да и все его предки были земледельцы и пастухи. Но что до учебы, так дальше пятого класса Цигу не пошел. Сам Цигу, в отличие от тещи, учебу и просвещение не очень-то высоко ценил, однако, поддаваясь давлению женщин, подпевал им, когда они Чватнию бранили и пилили — дескать, ты старший сын, учись, негодник, учись, лентяй, человеком станешь, хоть подсобишь меньших растить.

Чватния для отвода глаз брался за книгу, некоторое время делал вид, будто читает, потом, заскучав, вертел книгу в руках, внимательно рассматривал ее со всех сторон, вздыхал шумно, тяжело и вдруг незаметно исчезал, как сквозь землю проваливался. Его долго искали, кликали, отчаявшись, кляли на все лады, угрожали, бранили... Все было тщетно. А Чватния в это время спокойно лежал в пыли и паутине кухонного чердака и безмятежно, будто не его все это касается, наблюдал из чердачного оконца за родными.

«Не хочет ребенок учиться, оставьте его в покое», — говорил в подобных случаях Цигу, устав от бессмысленной кутерьмы. Нину вторила ему: «Да про-

пади он пропадом, пусть уж лучше пойдет завтра со мной на плантацию, мы как раз удобрения вносить будем, поможет мне...».

Но идти на чайные плантации Чватия не имел никакого желания. Наоборот, если бы не заниматься!.. Заниматься смерть как не хотелось. Правда, учителя ему не досаждали, к доске не вызывали почти, справедливо считая, что он все равно ничего не знает. Чватия, в свою очередь, не рвался отвечать, сидел себе из года в год на любимой последней парте. Классу он не мешал, сидел тихо, ничего не портил и делать ничего не делал. В каждом классе он сидел по два года — программу изучал основательно, и если сказать правду, ходил он в школу благодаря лишь стараниям и усилиям бабушки Кваквалы. Это она уравнивала педагогов — ужю потерпите, как-нибудь десятилетку кончит, аттестат получит, ведь совсем недолго осталось!.. Учителя, как известно, двоечников не любят. Чватия был, вероятно, единственным двоечником на свете, которого учителя не только терпели, но к которому относились весьма благодушно. Когда они стыдили его — дескать, такой большой мальчик, как тебе не совестно, учиться не хочешь, зря сидишь в классе, только штаны протираешь, — Чватия молчал, опустив голову и добродушно улыбаясь. Учителя умилялись... «До чего же тихий, спокойный мальчик!» — и в итоге им самим совестно становилось корить и ругать Чватию — ну что с ним сделаешь, не может ребенок учиться, способностей никаких!..

Встречали ли вы доброго бездельника? Вежливого лентяя?.. Чватию нельзя было назвать отъявленным бездельником, нет, не был он таким, не был! Например, попросит его сосед подсобить — Чватия тут как тут, сломя голову бежит по поручению, весь день веретеном вертится на чужом дворе — помогает. В деревне так и говорили, что Чватия ради соседа по горло в воде стоять будет и не пожалуется, не попрекнет и взамен ничего не потребует. Конечно, рыцарем его тоже нельзя было назвать, но обычным лоботрясом Чватия не был, это точно, и не могла деревня махнуть на него рукой, мол, не будет из него никакого толку. Одним словом, Чватия он был, и весь сказ. Ни на кого в семье он не походил, и на него никто не был похож. Скорее белокур, чем рыжеволос, глаза — бесцветные, водянистые, зубы желтоватые, крупные, как клыки. Длинный, нескладный, неуклюжий. Когда он разговаривал с вами, глаза его все по сторонам бегали, он переминался с ноги на ногу, приподнимал левое плечо, то правое, отвечал почему-то невпопад, неразборчиво гнусавил под нос, слова искажал и коверкал, глотая либо конец слова, либо начало.

Цигу и Нину не до воспитания Чватии было. Где уж там, кроме Чватии еще пятеро росли, мал мала меньше, семья ютилась в бывшей кухоньке, правда, пол в ней настлали, да и потолок фанерой обили, и крышу шифером перекрыли. Настоящая кухня помещалась в отдельной пристройке из двух крошечных комнатенок: в одной держали скотину — корову и свинью, во второй был устроен очаг и все прочее. Усадебка была ухоженная, аккуратная, в винограднике кудрявились четыреста лоз, плодоносили яблоня, груши, шелковица, хурма. Все это было нажито Кваквалой, ее трудом и потом. Цигу, войдя в семью затем, обещал, правда, теще и жене выстроить двухэтажный дом, да никак у него руки не доходили, а когда, наконец, наскреб он кое-как деньги, на грех строительный материал в продаже исчез, котом самому Цигу что-то неужилось, а тем временем народились ребятишки, пришлось пояс потуже затянуть, да так они и остались в кваквалиной кухне. Ничего, — думали супруги, — лишь бы здоровье было, авось нужда не заест, как-нибудь перебьемся. Ни Кваквала, ни Нину, ни Цигу на судьбу не жаловались, единственное, что их заботило, — дети. Дети должны обязательно получить образование — так они считали. Но Чватия в этом отношении не подавал ни малейшей надежды. Кое-как добрался он до восьмого класса, но в восьмом классе на третий год его уж ни за какие коврижки не оставят, это ясно. Не сегодня завтра выгонят из школы, и тогда должен Чватия взять в руки мотыгу. Так думала бабушка Кваквала, но Чватия так вовсе не думал. Чватия мотыгу не любил, его больше техника прельщала, он все на машины поглядывал, все вертелся возле колхозного гаража, водил дружбу с шоферами — как он считал, а на самом-то деле шофера хорошо пользовались его услужливостью и добротой. То попросят машину вымыть, то мотор промаслить, и Чватия исполнял все просьбы с охотой и рвением, машины его очень интересовали, в гараже любую работу ему не лень было выполнять. Так он и решил: если выгонят из школы, он поедет в районный центр на шоферские курсы. Окончит их, получит книжку — удостоверение шоферское, приедет обратно, сядет за руль колхозного грузовика и — айда, гоняй, Чватия, взад-вперед, вверх и вниз по деревенским улицам. А пока, околавываясь в гараже, он почти научился водить машину. Раза два шофера сажали его за баранку. «Дружил» Чватия не только с шоферами — возвращаясь из школы, он обычно, не торопясь, брел себе по проселку и, как увидит двух-трех беседующих крестьян (а наши крестьяне любят устраиваться где-нибудь под изгородью, присев на камешек либо на

буторок, и, покуривая папиросу, судачить о том о сем), тотчас остановился, так чтобы не очень далеко, но и не очень близко — совсем близко, вроде неудобно, неприлично, как-никак взрослые люди беседуют. И стоял он, стоял, слушал, аж дохнуть боялся, как бы слова не упустить. Про всякое говорили про баб да про мужиков, про городских девок гуляющих и наших деревенских дурней, которые, попав в город, только глазами хлопали. Наконец кто-нибудь из собеседников замечал Чватию и посылал его либо за водой к роднику, либо в ларек за папиросами; а Чватии того и надо было — деловито, большими шагами рано возмужавшего подростка вышагивал он по поручению. Так и проходили дни за днями, в бестолковом шатании по улицам.

Выходила бабушка Кваквала, поджидавшая внука, становилась у калитки и начинала его кликать да бранить — до хрипоты: Негодник ты, Чватия, лодыр, шатун, пропасти на тебя нет! Где тебя черти носят, отзовись хотя бы, откликнись! Чватия слышать-то слышал бабушкины вопли, да в ушах у него в такие минуты сквозняк случался, он продолжал свои скитания и приходил домой — позже некуда. Бабушка Кваквала выбегала навстречу с палкой, а Чватия, хохоча, затевал игру с бабушкой: то палку у нее отнимет, то за обе руки ее схватит и держит, двинуться не даст, а потом начинает целовать бабушку, обнимать, а сердце бабушки не выдерживает, и все кончается миром. Ради бабушки Чватия брался за книгу, садился и смотрел в нее — будто читает.

Вот такой он был, Чватия. Таким знала его вся деревня, но однажды... однажды произошло чудо!..

Чватия в тот день по обыкновению поздно явился домой. Сумку швырнул в кухню, есть не пожелал, ни слова не говоря, вышел, уселся возле колодца, взял точильный камень и давай нож натачивать. Бабушка Кваквала страшно удивилась, зачем ему понадобилось нож точить, и она поспешила это выяснить. Подошла к внуку, стала над его головой и стоит, смотрит, а Чватия будто и не видит ее вовсе, знай, водит ножом взад-вперед по камню — точит.

— Зачем тебе этот нож, внучек? — заговорила наконец Кваквала.

Не понравилось ей поведение внука, она даже испугалась.

Чватия не ответил.

— Пойдем, голубчик, в дом, небось весь день куска в рот не брал, пойдём, поешь, а потом и точи свой ножик. — очень ласково сказала Кваквала. Чватия с явным презрением поглядел на бабушку.

Кваквала онемела.

Она постояла еще секунду, потом повернулась, вошла в кухню, позвала туда ребятшек. С испугу, видно, согнала их всех в кухню, заперла там и направила к Чватии уже с более решительным видом.

— Зачем тебе этот нож, негодник?! — напустилась она на внука, затопав для устрашения ногами. — Отдай сейчас же, не то отцу скажу!

Чватия поднял голову, сурово и внушительно поглядел на бабушку и прогундосил:

— Значит, нужно, раз точу.

Посторонний человек, может, и не разобрал бы, что изрек Чватия, но Кваквала никогда ни слова не упустила из речей внука — она всегда знала, что у него на уме.

— Пообедай, а потом и точи на здоровье. — посоветовала бабушка.

— Ничего вашего не хочу!

На этот раз Чватия необычайно внятно и четко выговорил все слова, к тому же «ничего» произнес с особым ударением — «н-нич-чего»!

— Ну если не хочешь обедать, скажи, зачем тебе нож? — очень-очень ласково спросила бабушка.

— Зачем мне нож? — глаза у Чватии заблестели, он вскочил, взмахнул наточенным ножом и стукнул себя в грудь кулаком.

— Зачем мне нож?! — вращая глазами, заорал он, уставился на бабушку и бросил ей в лицо страшные слова: — Всем вам горло перережу, всем! И этих креинов, твоих внуков, тоже уюкошу! — протягивая руку по направлению к кухне, добавил он.

— Мать честная! — вскричала насмерть перепуганная Кваквала. Она вдруг тихо осела, приоткрыв рот и выпучив глаза, потом и вовсе легла навзничь на траву и осталась лежать как мертвая.

Чватия вошел в кухню, облачился в новый костюм, до блеска начистил туфли, сбрызнул водой чуб и тщательно пригладил его. Взял наточенный сверкающий нож и спокойно, как ни в чем не бывало, направился к калитке. Бабушка Кваквала, которая все это время без чувств валялась у колодца, постепенно пришла в себя, отверзла очи и, увидев внука таким расфранченным, в новом костюме, сперва не могла ничего понять. Нет, верно, пошутил мальчик, — подумала она и, как нельзя ласковей, обратилась к нему.

— Ах ты, озорник, ну и напугал меня, старую, досмерти напугал. Ты ведь пошутил, сыночек, верно, пошутил? Для смеху брякнул, небось?

— Ничего я не пошутил. Сказал как есть. Всех прирежу, если ума не наберетесь, — заверил ее Чватия с мрачной решимостью.

— А-ай, ай-ай-ай! — завопила Кваквала.

— Тихо! — прикрикнул на нее Чватия, испугавшись, что услышат соседи, и — совсем обнаглел, совсем спятил! — замахнулся на нее ножом: — Тихо, не то сию же минуту исполню свое слово!

Кваквала не того испугалась, что Чватия ее убьет, а того, что внук в уме повредился. Это ее ужаснуло, поразило, и она решила лаской его образумить. Сперва она довольно долго издали глядела на него с умильной улыбкой — завожжила, потом рискнула ближе подойти и наконец вкрадчиво проворковала:

— Что ж, внучек, убей твою бабушку, убей, если так уж тебе хочется, но хотя бы скажи, за что, чего ради убиваешь...

— А того ради, что я жениться решил! — сурово и значительно проговорил Чватия и, сделав несколько шагов в сторону, остановился под шелковицей. Постоял, постоял, не глядя на Кваквалу и не поднимая головы.

— Жениться?! — Кваквала захлопала глазами и, подойдя вплотную к внуку, стала его рассматривать, заглядывать ему в лицо то с одного боку, то с другого, смешно изгибая при этом вытянутую шею.

— Да, жениться!

— И что же? — Кваквала вдруг рассмеялась.

— Чего смеешься!..

— И потому ты меня убиваешь? Потому всех перерезать грозись?

— А что еще мне делать!..

— Нет, родненький, из-за этого не убивай... жалко меня, — смеясь, она опасно сгладывалась вокруг, не слышит ли их кто-нибудь. Бабушка и внук стояли во дворе перед своей кухней, под развесистой густолистой шелковицей, и оба, равно удивленные, взирали друг на друга. Чватия никак не мог понять, чего это бабушка смеется, а бабушка все никак не могла взять в толк, зачем Чватия такие страсти развел.

— Так и скажи отцу и матери, если они мне эту девку не сосватают, я всех вас поубиваю, вот и весь разговор!

— Ты и вправду не шутишь? Неужто я твоей свадьбы дождусь?! — от души радовалась Кваквала. — Неужто ты у меня такой взрослый стал, неужто дожила я до радостного дня?! Ах ты, чертенок, ах, баламут! — Кваквала, осмелев, подошла к внуку и, схватив его за загривок, потрепала ласково.

А Чватия-то думал, стоит ему только заикнуться о женитьбе, свет перевернется. Он был обескуражен тем, что бабушка с такой радостью встретила это известие, и все недоверчиво поглядывал на нее — а не врет ли? Может, прикидывается?

— Кто же невеста, светик, скажи, порадуя свою старую бабушку?

— Мзэвинар.

— Мзэвинар?... Которая ж это Мзэвинар?

— Джондо дочка.

— Джондо-о? Которого Джондо?

— Да того... ну... которого Фасолеедом зовут...

— Ух ты, да разве у него такая взрослая дочь, уже и заневестилась? Что ж, хорошо, внучек, хорошо, ай, до чего ж все это хорошо! Пошли-ка теперь в дом, обговорим все, обсудим...

— Ухожу я...

— Куда это ты собрался? Обожди, мать придет, скажем матери, отцу скажем, ужо и решим.

— Это решено! А мне некогда.

— Погоди, родной, погоди... Ты чего, к ним, что ли, собрался?

— Это мое дело.

— Погоди, говорю! — Кваквала бросилась следом, схватила внука за плечо и остановила. — Ладно, ступай, куда хочешь, только... нож! Отдай мне нож, для чего тебе эта проклятая железка?

— Я их тоже зарезать должен! — опять взревел Чватия, вырвался из рук бабушки и с быстротой молнии перескочил алаге! Кваквала — за ним. «Кого это «их»? Постой, скажи!..» — кричала она вслед, но ее внук, точно с цепи сорвавшись, ветром пронесся по проулку и исчез за углом, не вняв ее душераздирающим воплям.

Кваквала в ошеломлении стояла возле алаге. Пора была вечерняя. Нину и Цигу должны были вот-вот с работы вернуться, какой вестью она их встретит? Что ей делать, как поступить? Запереть детей в кухне нельзя — очаг горит, опасно, так и до беды недалеко. Она решила, что лучше погасить очаг, а детей во двор выгнать, пусть их резвятся... кухню надо запереть, а потом и бежать за Чватией. Она бестолково металась по кухне, наконец погасила огонь

¹ Алаге — в западногрузинских селах род перелазы через изгородь.

и спровадила ребятшек во двор, наставляя каждого, что делать, пока не придут старшие.

В это время зашуршало, зашелестело за кухней, и из зеленой чащи кукурузных стеблей появился Цигу. Цигу шел задами, накоротке, через кукурузные поля. Сегодня он опрыскивал виноградник, и его темная рубашка прострела голубыми пятнами медного купороса. На штанинах — репы. Потом пахло от него, потом и купоросом. Он бросил под навес, в угол, где дрова колот, мотыгу, вошел в кухню, взял влажный прохладный кувшин, приник к его горлышку и с жадностью стал пить.

— Пришел? Слава богу! Скорей, голубчик, скорее пошли искать Чватию, дело худо... — Кваквала, выпалив это одним духом, с нетерпением ждала, пока зять напьется.

Цигу пил, не отрываясь, большими глотками. Вода булькала в глотке, а он все пил, запрокинув голову, жадно и не спеша. Напившись вволю, он поставил кувшин на место и, утирая тыльной стороной ладони губы, спросил тещу:

— В чем дело, с чего это ты решила Чватию искать?

— Как пришел он из школы, весь день ножа точил.. Жениться, говорит, должен... И убежал, через алаге перескочил и исчез!

— Жениться?.. — пробурчал Цигу, взял скамеечку, вынес под навес, где мотыгу бросил, уселся, вынул сигарету и начал шарить в карманах — спички искать.

— Ты чего расселся? — Кваквала, выйдя следом, в недоумении уставилась на зятя. — Или не идешь?

— Нину вернется, пусть она и идет.

— Нет, тебе следует идти, мужчина как-никак!..

— Куда идти-то?

— Почему я знаю куда, туда же, куда сын твой женихаться пошел.

— Да так ли это спешно — идти туда?

— Ничего более спешного быть не может! Он с ножом убежал, наточенным!

— А зачем, говорит, нож?

— Всем вам горло перережу, говорит... отцу, матери и тебе — мне, значит, — и детей — сестер, братьев — всех прирежу...

— Почему же, чем все мы так провинились? — усмехнулся Цигу.

— Какой ты беспечный человек! Время ли сейчас смеяться и тары-бары разводить? Мальчик жениться хочет, потому и беснуется.

— Жениться! Да у меня тысяча забот, не придумаю, как все здесь до ума довести, а Чватия, видите ли, — жениться желает!

— Тшш-ш! Не дай бог Чватия услышит, ребенок и так не в себе! Не ровен час что-нибудь такое сделает...

— Что он сделает, что? Кабы он мог что-нибудь путное сделать! Какое время Чватии семьей обзаводиться? А они? — Цигу махнул рукой на младших своих детей, которые играли неподалеку.

— Ох, Цигу, молчи, не говори таких слов! Не видел ты сегодня Чватию, не то призадумался бы сейчас, клянусь этими вот детьми! Пойми, с огромным ножом в руках убежал твой сын!

— Ладно, ладно... Видали мы эти огромные ножи...

— Стало быть, по-твоему, нам и беспокоиться незачем?

— Незачем.

— И ребенка не искать?

— Придет этот ребенок своими ногами и нож назад принесет.

Невозмутимость зятя заставила Кваквалу замолчать на время и задуматься. Действительно, куда мог деваться Чватия? Вечерело, до дома Джондо Фасоледа путь не близкий, когда еще Чватия туда доберется... да и вообще, пойдет ли он к Джондо? А может, он сейчас возле кино торчит и поджидает свою избранницу?

Кваквала тоже вынесла из кухни скамеечку и уселась подле зятя. Некоторое время оба сидели молча. Ребятишки весело играли под грушей, рыли яму, наливали в нее воду.

— А-а, чего я тут сижу, чего жду! Бежать надо! — пришла к выводу Кваквала. Решительно поднялась, затворила дверь кухни и направилась к калитке.

Только она вышла на дорогу, навстречу ей показалась Нину. Уставшая, возвращалась она с чайных плантаций.

— Поворачивай и шагай обратно, — издали крикнула дочери Кваквала. — Твой сын женится!

— Чего-о? — опешила Нину и остановилась посреди дороги.

— Сними с себя эти тряпки, стыдно, ты теперь свекровь! — Кваквала сорвала с поясицы Нину дырявый полушалок и швырнула его за трифсلياتо-

вую изгородь к себе во двор. — Пойдем, пойдем, дорогой я все тебе расскажу.

Они шли быстро. Кваквала подробнейшим образом рассказывала чери о странном поведении Чватии. Нину слушала и тихо вскрикивала, те же дело переспрашивала, обе говорили почти шепотом, чтобы не дай бог соседи не услышали, и только изредка повышали голос в самых драматических моментах.

— Это которая же Мзэвинар? Говоришь, Фасоледова дочка? Эта пига-лица?! Да, таскал ее отец на плантацию, помню, помню, — Нину сошла с дороги, нагнулась, подобрала с земли хворостинку, показала ее матери и сказала: — Видишь, да? Вот на это если платье надеть, будет тебе твоя Мзэвинар.

Солнце зашло. Село готовилось встретить ночь. Во дворах томились коровы, ожидая дойки, и нетерпеливым мычанием напоминали о себе хозяйкам. В переулке отчаянно визжала чья-то свинья в деревянном треугольном ошейнике — просилась во двор. Смеркалось, ночь тихо и незаметно входила в село по благоухающим акацией, темнеющим улочкам-аллеям.

— Какое время моему дурню жениться! — раздалось в одной из таких улочек.

Женщины шли торопливо, деловито. Куда они спешили? Зачем? Они и сами не знали.

В то время когда Нину и Кваквала направлялись к дому Джондо, Чватия стоял во дворе совхозного гаража, перед кузней, прислонившись плечом к столбу, и глядел на дорогу. Мзэвинар должна была пройти по этой дороге. Кузня была закрыта, в гараже тоже почти никого не осталось. Чватии не пришлось долго ждать — Мзэвинар возвращалась из булочной домой с двумя огромными буханками хлеба под мышками. Шла она, вытянув тонкую длинную шею и задрал кверху голову. Коротко остриженные волосы не скрывали уродливо приплюснутого от лежания в детстве в люльке затылка. Ни груди, ни бедер, плоская, с тощими, без икр ногами — точь-в-точь хворостинка в платье.

Завидев свою даму сердца, Чватия почему-то спрятался за кузню и стал смотреть на нее оттуда. Несколько минут он наблюдал таким образом, потом его осенило: а ведь Мзэвинар и не увидит его! Он вышел из-за укрытия, остановился перед кузней и, подбоченясь, уставился на Мзэвинар. Девчонка метнула ястребиный взор на палившего на нее парня и величественно прошествовала мимо. Мзэвинар знала Чватию в лицо, они, хотя и жили в одном селе, учились в разных школах. Она жила на одном краю села, он — на другом. Мзэвинар ходила в школу в соседнее село — так ей было ближе от дома.

Две недели назад именно здесь, на этом самом месте, встретился ей этот парень. Очень странно он на нее смотрел. Она тогда же вспомнила, кто он, где еще она его видела и в какой школе он учился. В первый раз она его обнаружила, когда развешивала белье у себя во дворе: ей показалось, что на трифолиатовой изгороди что-то лежит. Она подошла поближе, пригляделась — господи! — голова мальчишечья! Он и был, Чватия. Кусты скрывали туловище, и видна была только голова. Стоя на цыпочках за изгородью, он смотрел на Мзэвинар. А ей-то почудилось — голова лежит поверх подстриженных кустов. Вот и все! Вся их любовь с того начиналась, тем и кончалась. Сейчас, когда Мзэвинар со своими буханками прошествовала мимо кузни, Чватии показалось — крылья у него выросли. Она была уже далеко, а Чватия, как и тогда, за изгородью, приподнялся на цыпочки и, вытягивая шею, глядел ей вслед, потом подпрыгнул высоко-высоко, чуть не до кровли кузни, глянул на свою лань, снова подпрыгнул и скакал так перед кузней до тех пор, пока Мзэвинар не исчезла за поворотом. Но идти за ней следом или окликнуть ее он не смог, не сумел, словно судьба лишила его дара речи и способности нормально, по-человечески действовать, а взамен дала ему крылья. Он все взмывал в воздух, наш Чватия, пока не грохнулся вдруг оземь. И тут грусть-тоска на него накатила. Как ни скажи, очень обидно! Даже разозлился он, почему она хоть раз не остановилась, никакого внимания на него не обратила! Наверное, другого кого-то любила — да, да, и такое он подумал. Для подобного подозрения Мзэвинар повода не подавала, да и вообще — меж ними и слова-то не было сказано. Но по разумению Чватии, не это было главным. В тот раз, когда он наблюдал за Мзэвинар из-за трифолиатовой изгороди и взоры их вдруг встретились и Мзэвинар бросила вешать белье и направилась к нему, глаза Мзэвинар так сияли, так смеялись, такая вся она была милая и красивая с засученными рукавами цветастого платица, что Чватия и тогда подпрыгнул ввысь, и кто знает, сколько бы он там прыгал, за изгородью, не появившись вдруг этот леший,

Джондо. Вышел он из виноградника небритый, босой, грудь нараспашку. Вышел, остановился и — зырк на дочку грозными глазами, потом прямым оком Чватия как ринется: — Ты чего здесь ошиваешься, сукин сын! — рывкнул он, цапнул за плечо и стал камень искать.

Оказывается, прошлой ночью кто-то у них алычу обобрал, и Джондо решил, что Чватия и есть один из тех воришек, что его на разведку послали. А Чватия, увидев, что Джондо за камнем нагнулся, припустил во все лопатки, до самого совхозного сада драл без оглядки. Влетел в сад, забился в кусты, затаился. Ведь Чватия-то что подумал? Подумал, Джондо разгадал, что он на его дочку метит. Про воровство алычи он и слыхом не слыхал, да и то сказать — откуда!

Так вот, во всей этой катавасии главным-то было то, что Мзэвинар бросила это свое белье развешивать и направилась к Чватии. Чватия счел этот факт знаком взаимной любви и с того дня, с того часа нарек Мзэвинар своей невестой. Вот и скажите сами, после всего того, что было, мыслимо ли, возможно ли, чтобы невеста с женихом холодно встречалась? Да не только холодно, просто ни во что она твоего Чватию не ставит — и все!

«Глянула на меня разок, будто ничего между нами и нет, и не было, мол, и не знаю я тебя вовсе! Как вам это нравится, а?» — думал ошарашенный Чватия. Он почувствовал себя униженным и оскорбленным до глубины души и страшно разозлился. Как раз в это время один из его знакомцев-шоферов остановил самосвал перед гаражом, вылез из кабины и вошел в гараж, а мотор не выключил и дверцу кабины не захлопнул — дескать, сейчас вернусь и поеду дальше.

Чватия вдруг сорвался с места, подбежал к самосвалу, вскочил в кабину, выключил тормоз, включил скорость, нажал на газ и — самосвал понесся по дороге и вмиг исчез в клубках пыли. Раз — поворот, два — поворот, три — поворот... а Мзэвинар нет как нет. Чватия так гнал машину, что все встречные в страхе шарахались в разные стороны и недоуменно разводили руками — какой-то ненормальный едет!

Мзэвинар же тем временем приближалась к своему дому. И вдруг она услышала шум машины, обернулась и увидела мчавшийся на большой скорости самосвал. Она сошла с дороги и пошла вдоль трифолнатовой изгороди. Под самой изгородью тянулся ров. Мзэвинар остановилась на кромке рва и оглянулась. Она оглянулась, и тут же раздался визг и скрежет тормозов, поднялась туча пыли, из пыли вынырнуло рычащее чудище и ринулось прямо на Мзэвинар. Та отскочила назад, одна из буханок вывалилась у нее и плюхнулась в ров, вторую она непроизвольно прижала к груди и замерла, прилипнув спиной к изгороди. Передние колеса машины провалились в ров, капот оказался у самых коленок Мзэвинар, и перепуганная девушка запричитала.

Джондо и его супруга, Ивлита, незадолго до того вернувшись с работы, хлопотали по дому. Услышав пронзительные крики, оба побежали к калитке и, поднеся ладонь к бровям козырьком, глянули в ту сторону, где кричали.

Чватия в полуобморочном состоянии сидел в кабине, вцепившись в руль, совершенно не соображая, что же теперь делать. Когда машина провалилась в ров, мотор заглох. Чватия наконец очнулся, включил мотор и попытался выбраться задним ходом. Руки плохо его слушались, машина не двигалась с места. В это время Ивлита увидела свою дочь, зажатую между самосвалом и изгородью, и как закричит дурным голосом. Она сразу разобралась, кто тут виноват, вспрыгнула на подножку и давая костылять Чватию. «Ах, мерзавец, паскудник! — кричала она, — убивец!» А Чватии наконец удалось сдвинуть машину, он выбрался из рва, и Ивлита несколько метров прокатилась, стоя на подножке и визжа со страха.

Уже собирались соседи. Сперва выглядывали из-за калиток, а потом выбегали на дорогу.

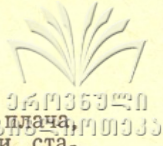
Чватия остановил, наконец, самосвал с Ивлитой у обочины и выпрыгнул из кабины. Джондо рвался к Чватии, но соседи крепко держали его за руки.

Чватия, недолго думая, выхватил из кармана свой нож с черной рукояткой и синью сверкающим лезвием — этим ножом свиной закалывали. Выхватил, значит, он этот нож и как крикнет:

— Всех заколю, всех!

Джондо вместе с державшими его соседями откатили назад. Женщины окружили Мзэвинар и наперебой расспрашивали ее, что произошло и чего надо этому народу.

— Не знаю, почему я знаю, чего ему надо! — голосила Мзэвинар. — Сперва он мне встретился возле кузни, потом на машине за мной гнался... Что я ему сделала, за что?!

Когда Чватия выхватил нож, Ивлита в ужасе бросилась к дочери:

— Гляди, нож! Да это же сын Цигу, шалолай!..

— Чего ему надо, чего? — Мзэвинар впала в амбицию и, уже не метнувшись для виду в сторону Чватии, но женщины, конечно, не пустили, стали успокаивать.

Один из ближайших соседей Джондо, почтенный, убеленный сединами старец, рискнул: бесстрашно подошел к Чватии, взял его за руку и, с серьезным, деловым видом отведя в сторонку, сказал ему так:

— Что случилось, Чватия? Ты ведь Цигу сын, верно? Как тебе не стыдно ножом угрожать соседям?

Чватия стоял окаменев, опустив голову. Такого задушевного разговора он никак не ожидал и растерялся.

— Что тебя заставило за нож взяться, парень? Дай-ка его мне.

Чватия завел за спину руку с ножом.

— Не могу я его вам отдать...

— Ладно, милый, ладно, не отдавай, только уходи сейчас отсюда и нож с собой забирай, видишь, Джондо обезумел совсем.

— Никуда я не уйду, — упрямо проговорил Чватия. — Эта девушка моя возлюбленная, добром не отдадите — убью кого-нибудь, а ее заберу!

— Возлюбленная? — удивился старик. Стало быть, эта сопливая девчонка, недотепа Джондоева, уже и влюбиться успела?

— Возлюбленная, оказывается! — подхватил стоявший поблизости мальчуган и подбежал к Ивлите и Мзэвинар.

— Возлюбленная?.. — Мзэвинар тотчас услышала это слово, хотя Чватия отделила от нее довольно большое расстояние. Причем ни Ивлита, ни остальные женщины этого слова не услышали.

— Возлюбленная! — Мзэвинар с неудовольствием, раздраженно повторила его и вдруг разбушевалась: — Это кто же его возлюбленная?.. Бездельник, лоботряс, наглец! Да как он смеет!.. — Мзэвинар потрясала в воздухе своими худыми руками и ругательски ругала Чватию. — Двоечник! Бездарь! Лодырь! Тушица! По пять лет в каждом классе торчит! Ту-пи-ца!.. — от волнения она не могла найти слов, захлебнулась гневом и зарыдала.

Речитатив продолжил Джондо.

— Возлюбленная?! Убью этого сопляка и отвечать не буду, так и знайте! — выкрикнул он.

— Что за возлюбленная, какая еще там возлюбленная! — немедленно подхватила Ивлита, размахивая кулаками перед носом Чватии. — Кто тебя полюбит, недоросль, уу-у, недоносок!

— Почему он позорит мою дочь, этот сын нищего! — все более распалялся Джондо. — Убью я его, на месте убью! — он подскочил к изгороди, в ярости рванул кол, пытаясь его выдернуть.

Чватия сменил, что настал тот самый момент, когда ему лучше убраться подобру-поздорову, и поспешно направился к самосвалу.

В это-то время и появились на дороге Кваквала и Нину. Завидев родных, Чватия почувствовал прилив сил, подбежал к Джондо и, взмахнув ножом, вскричал:

— Ничего тебе не поможет, заколю, как свинью!

— А-а-а! — завопила Нину.

— Помогите! — закричала Кваквала и бросилась между внуком и Джондо. Джондо выдернул, наконец, кол из изгороди. Это вызвало новый взрыв воплей и криков, соседи набросились на Джондо, связали его, а Чватия вскочил в кабину самосвала и умчался.

— Кто дал ему машину, люди?! Да что ж это на мою голову обрушилось, а? Что творится! — причитала Нину, обращаясь ко всем и к каждому.

— От твоей семьи мне погибель, и ты еще спрашиваешь, что творится?! — вырвавшись из окружавшей ее толпы, холодным голосом вопила Ивлита.

— Почему вы с ума свели моего сына?! — продолжала звать Нину.

— Это мы-то?! А вы мне девушку с пути сбиваете!

— Девушку! — с насмешкой вскричала Нину. — Да где у вас девушка! Мальчик разок взглянул на вашу образину, и вы такой переполох устраиваете! Вы кого отвергаете, вы, фасолееды?!.. Кого бракуете?!

— Фасолееды? Джондо! — взвизгнула Ивлита. — Ты слышишь, Джондо? Она обзывает нас фасоледами, эта притча во языцех!

— Что, что? — взревел Джондо и рванулся, но его держали. — Где твой болтус муж, почему сам не пришел, а тебя прислал? Значит, мы фасолееды,

а вы, видать, Даднани светлейшие? Да? Горохоедами-то вас зовут, не нас, а горох знаешь кто ест?

— Кто ест горох, кто?! — требовала уточнения Нину.

— А свинья ест горох, вот кто!

— Фасоль и свинья не ест, в каком хочешь виде, хоть с орехами, хоть с маслом! Не ест, не ест, не ест!

— Мы хуже свиней, ты хочешь сказать, да? — рвался из рук соседей Дjonдо.

— Нет, я не хочу это сказать, — пошла на попятный Нину, испугавшись бешеных глаз Дjonдо.

— А что же ты мелешь, что?! — Дjonдо замахал рукой под самым подбородком Нину. — Твоему придурку я свою дочь не отдам, нет! Кончен разговор! — Он схватил за руку рыдавшую Мзэвинар и потащил за собой во двор.

Наэлектризованная толпа продолжала шуметь.

— Ой, мама родная, — со вздохом проговорил кто-то из публики. — И чего эти люди старые дела ворошат! Наши деды друг другу какие-то прозвища давали, ну и бог с ними, экая важность! К чему сейчас это вспоминать? Да разве не все мы фасолееды и горохоеды? Ну-ка, скажите, кто здесь из вас Дадешкелиани, а? — он обратился к соседям.

— Как же, Дjonдо у нас Дадешкелиани! — язвительно отозвалась Нину, — Почему он моего сына хулит, чем мой мальчик хуже его дочери? Худа как палка, черна как галка! Да пусть я умру, прежде чем такая невестка в мой дом войдет! — кричала Нину, бия себя в грудь. — Да если бы она была порядочная девушка, парень не врвался бы к ней в дом!

— Порядочная!! Что слышат мои уши! Что она болтает, лю-ди добры-е! Перед всем миром нас позорит! — Ивлита бросилась к калитке и стала звать мужа: — Дjonдо! Дjonдо! Нас грязью поливают!

— Полно тебе, Ивлита, успокойся, — попыталась унять будущую сваху Кваквала. — И ты, Нину, замолчи, слышишь! — рассердилась она на дочь. — Идем домой, завтра потолкуем.

— Добрый совет, Ивлита, ей-богу, добрый совет, — поддержала Кваквалу соседка. — Заклинаю тебя всеми святыми, ступай домой...

— Домой?! — пуще рассвирепела Ивлита. — Конечно, тебе-то что за беда, Кваквала-коварная, Кваквала-ведьма! Опозорили нас, обесчестили, а теперь и домой можно, да?

— Пожалуйста, стой на дороге хоть всю ночь и твякай, как собачонка, — ответила Кваквала и взяла за руку Нину. — Пойдем, Нину, она здесь до утра ляжется будет.

— Нет, вы только поглядите! Это она обо мне говорит, а у самой язык аж до конторы тянется! И почему смерть тебя не берет за то, что такого внука вырастила, змея ты подколодная, Кваквала!

— Не проклинай, трухлявая баба, или я выпотрошу тебя, как курицу! — живо обернулась к ней Нину.

— Чего тебе надо, корова ты, корова, — взвизгнула Ивлита и нырнула в толпу соседок. Нину она побаивалась. Нину была женщина крупная, внушительных размеров, и голос у нее был низкий, зычный. Все знали — если Нину разозлится — берегись! А Ивлита и вправду как шавка из-под лавки твякала на Нину и Кваквалу, особенно на Кваквалу, несмотря на то, что от Нину-то ей больше попало, чем от Кваквалы.

— Прикуси язык, не то разложу тебя на земле и буду колотить столько, сколько и барабану не доставалось! Уж не думаешь ли ты, что я людей постесняюсь?

— Идем, Нину, полно тебе, пошли! — прикрикнула на дочь Кваквала. — И ты, Ивлита, попридержи язык!

— Не из-за чего теперь ругаться, парень-то уехал, — начали успокаивать Ивлиту соседи.

— Кто знает, может, вы и в самом деле породнитесь, потом стыдно будет! — вмешался в бабью перебранку кто-то из мужчин.

— Нет, ты мне скажи, каким таким зельем вы моего сына опонили, что он по улицам с ножом бегаёт? — завела опять свое Нину.

— Белены обьялся твой сын, белены! — немедленно отозвалась Ивлита. — Другого дела у меня нет, только твоего обалдуя зельем опаивать!

— Ты для таких дел и создана, конечно, опонила мальчика! Только все равно: свою высохшую стрекозу ты мне в невестки не подсунешь, так и знай!

— Люди, скажите, зачем мне мою дочь кому-то подсовывать?! Дjonдо! Дjonдо! Разве у меня такая дочь?! — Ивлита с криками выбежала на дорогу и стала подбирать камни. Соседи подскочили, схватили ее.

— Не сводите с ума женщину, ступайте с миром, — соседи стали угрожать Нину и Кваквалу и кое-как увели их.

Тем временем совсем стемнело. Очевидцы и участники сенсационного происшествия расходились по домам, неторопливо, группами брели по темной дороге, останавливаясь и беседуя совсем уже о другом.

Нину и Кваквала шли вдвоем. Долго еще доносились до них брань и проклятия разъяренной Ивлиты, но они уже не обращали на это внимания и даже не прислушивались.

— Горохоеды! Неучи! Побирушки!.. — разорвалась Ивлита, стоя на дороге перед своим домом.

В тот вечер обе семьи бодрствовали допоздна. Мзэвинар узнала, что в нее, оказывается, влюблен Чватия, а Джондо и Ивлита узнали, что сын Цигу, оказывается, намеревается стать их зятем. Родители были в полном смятении, поинтересно они звали Мзэвинар и выясняли у нее то одно, то другое.

— Может, вы вправду любите друг друга, а от меня скрываете? — сказал Джондо дочери. — Вот твоя мать, я выйду, а ты скажи все ей.

— Откуда я знаю, любит или нет? — расплакалась Мзэвинар, — Клянусь Хутией (Хутия был младший любимый братишка Мзэвинар), он только один раз смотрел на меня издали...

— Смотрел?!

— Как это смотрел?! — Ивлита подошла к ней поближе. — Где это он смотрел?!

— Да здесь, он стоял за изгородью, под цитрусами, и смотрел.

— А ты что сказала? — заинтересовался Джондо.

— А я ничего не сказала, ты его прогнал и камнями стал в него швырять.

— Когда ж это было-то?.. Не припомню...

— Ты думал, что это вор, который алычу обобрал.

— Ну, ну, дальше!..

— Да ничего дальше...

— И в другой раз тоже смотрел? — вмешалась Ивлита.

— Да, смотрел, возле кузни стоял и смотрел.

— Ты видишь?! И возле кузни стоял! — воскликнул Джондо. — Чего хочу, зачем смотрю, не сказал?

— Ничего не сказал.

— Совсем ничего не говорил?

— Совсем ничего, совсем!.. Мы и словом ни разу не перемолвились!..

— Какая же это любовь такая? — удивился Джондо.

— Дурачество одно, и никакая это не любовь! — постановила Ивлита.

— Нет, бывает, бывает такая любовь! — заупрямилась вдруг Мзэвинар и... покраснела.

— Эге! Да ты смотри, а! — проговорил Джондо, вытаращив глаза.

— Значит, запал он тебе в сердце, а? — Ивлита устремила на дочь испытующий взгляд.

Мзэвинар заерзала, отвела глаза.

— Любит меня этот человек, что же я могу поделать! — пролепетала она.

— Что значит «любит»? Школу-то ты должна закончить?

— Да осталось всего два месяца, и я получу аттестат.

— Она все решила, чего же нам ссориться с этими людьми, — воскликнул Джондо и ладонью хватил себя по лбу.

Всю ночь в доме не спали. Бесспорно, Мзэвинар запал в сердце этот недоросль, сын Цигу. Что было делать Джондо и Ивлите? Как быть, как себя вести? Взвесив и обсудив все «за» и «против», они пришли к заключению, что дело не так уж и скверно. Даже и понравился им предполагаемый зять. Действительно, Мзэвинар спустя два месяца будет иметь в руках аттестат. В вуз она экзамены не выдержит, это точно. Она останется дома, в родном селе, и пойдет работать в совхоз. Разве не лучше ей обзавестись своей семьей, чтобы был у нее хозяин и покровитель? Ведь кроме Мзэвинар у Джондо с Ивлитой еще двое детей да старики-родители, всех их кормить-поить надо. А Мзэвинар — что ж, подростка дочка, и если пойдет она замуж, всем будет хорошо — баба с возу, кобыле легче. Коли судьба сама в дверь стучится, может, не надо ее прогонять, а? Джондо с Ивлитой долго судили, рядили, спорили, шепчась под одеялом, и только к рассвету ненадолго уснули.

...В семье Цигу тоже не было покоя. История с самосвалом волновала Цигу намного больше, чем «рыцарство» Чватии. За угон машины Чватию пригнут к ответу, — думал Цигу. Женщинам же — Кваквале и Нину — все мерещилась Чватия с ножом в руке, и они ежeminутно ждали чего-то страшного.

Наконец, уже за полночь, пожаловал герой дня — «зять Фасолеедов». Так Нину прозвала Чватию. Вошел мрачный, ужинать не изволил, словом не подарил,

сел в сторонке, в угол, сидел как каменный и только сверлил родителей злыми глазами.

— Что случилось, сын мой, почему ты таким злым на нас глядишь? — спросила мать.
— Перед тобой провинилась? — нарушила молчание Нину.

Чватия отвернул лицо к стене, на мать не взглянул.

Цигу, полулежа на тахте, смотрел на сына, пряча усмешку в усы.

— Где ты был после того, куда угнал чужую машину, может, скажешь нам все-таки?.. А?.. — продолжала монолог Нину.

— Ладно, Нину, оставь его, видишь, мальчик не в настроении, завтра расскажет, пусть лучше ложится спать, — вмешалась Кваквала.

— Завтра может быть поздно, — заметила Нину. — Видишь, чужую машину угнал, потом чуть не задавил ни в чем не повинную девочку, потом ножом людям угрожал! Не простят нам всего этого, нет, не простят!

— Убью я кого-то и дело с концом! — возгласил Чватия.

Наступила могильная тишина. Кваквала и Нину обратили взоры на Цигу. Цигу засмеялся. Нину поднесла указательный палец к своему виску и повертела им, без слов говоря мужу: «Ты что, тронулся? Чему радуешься?». Кваквала тоже дала понять ему сердитыми глазами, что смех неуместен, — «родитель ты как-никак, скажи ему что-нибудь!». Чватия сидел, отвернув лицо к стене, и не видел замешательства родных.

Убедившись, что Цигу ничего не собирается сказать, Нину снова заговорила:

— Чего ты взъелся на эту девушку, или не хочет она тебя?

Чватия, точно его пуля пронзила, вскинулся, обернулся на мать и засверкал своими бесцветными глазами. Кваквала, не давая произнести ни слова матери и сыну, бросилась между ними и давай ласково увещевать Чватию, заговорила сладко-сладко:

— Где твой ножик, внучек, любимый, отдай мне, уж я его схороню, в такое место запрячу, надежное, а понадобится, тотчас верну... сжался ты над своей бабушкой, ласточка, я сегодня не усну, если своими глазами этот нож не увижу!

Чего только она ни говорила, какие только ласковые слова ему ни сказала, и хвалила его — захваливала!

— Если хочешь, женись на этой девочке, мы совсем даже не против! Но коли умом пораскинешь да не будешь спешить, во сто крат лучше невесту найдешь, вот увидишь, ведь такого, как ты, второго во всем селе не найдется!..

— Не хватало нам дочки этого дурня Джондо! — вышла из терпения Нину. — Ты такой же дурак, как и твой отец! Эх, да что говорить! К нашему берегу — только чурки и щепки, уж я знаю! Всегда так было и впредь так же будет!..

— Что ты от его отца хочешь! — заговорил Цигу. — Лежит он себе, никого не убивает, никому не мешает...

— Ты не видишь, что твой сын вытворяет?.. Ты ничего не должен ему сказать?

— А что мне ему говорить, что? — Цигу сел. — Разве он не знает, что свататься с ножом и кинжалом не ходят? Разве того, кого любишь, колесами давить надо? Нет, тому надо сказать: я тебя люблю, ты мне всего дороже, без тебя мне жизнь не в жизнь, — что, он этого не знает? Все он знает, но... у него, видишь ли, свой метод, чего же вы от него хотите?

— Полно, полно, Цигу, нельзя все упрощать... Вот приведет он девочку в дом, тогда попляшешь... — с неудовольствием сказала Нину мужу.

Чватия все эти речи в одно ухо впускал, в другое выпускал. Ничего не помогало — ни ласка, ни уговоры, ни увещевания, ни просьбы. Как говорится — волку евангелие читали, а он в ответ: подождите, овца бежит, поймаю. Чватия так упрямо и злобно посверкивал своими бесцветными глазами, что было ясно — добра не жди. А ложась спать, он разжал губы и произнес те самые страшные слова, которые привели женщин в полное смятение:

— Кровь должна здесь пролиться, кровь!

На второй день, едва рассвело, Цигу вызвали в контору и сообщили: только из уважения к тебе прощаем Чватию и не отдаем его под суд за угон машины. Цигу сказал спасибо водителю самосвала, директору совхоза и радостный отправился восвояси. Угон машины — нарушение закона, раз Чватия это простили, остальное уже не страшно. Жизнь, как река, течет по своему руслу, и течение это ни Джондо, ни Нину и никто на свете изменить не в состоянии, — думал дорогой Цигу.

Прошло несколько дней. Все эти дни Чватия ни свет ни заря убежал со двора, шел куда-то по дороге к лесу и пропадал до самого вечера. Никто не знал, где он ходит, что делает...

А однажды ранним утром перед калиткой дома Цигу остановился Джондо. Кваквала в это время вышла во двор и, протирая глаза, глянула на дорогу.

— Это ты, что ль, Джондо? — окликнула она. — Не узнала я тебя, разбогатеешь, входи, входи, чего же ты!.. — приветливо, по-соседски, пригласила она гостя, будто бы и не было ничего между ними.

— Цигу дома? — миролюбиво спросил Джондо.

— Дома, дома, где же ему быть в такую рань? — Кваквала уже совсем по-домашнему говорила с Джондо, она сердцем учуяла, что Джондо пришел не со злом.

— Скажи ему, пусть выглянет на минутку, дело у меня...

— Сейчас!.. Цигу! — крикнула Кваквала в кухню. — Входи во двор, Джондо, не бойся, собаки у нас нет.

Джондо вошел и сел на лавку под шелковицей. Это был хороший знак — если бы Джондо пришел со скандалом, он не стал бы во двор входить.

Цигу вышел из кухни, потирая руки, и, настороженно глядя на Джондо, подошел к нему. Джондо встал и протянул ему руку.

— Доброе утро, Цигу.

— Утро доброе, Джондо.

Оба сели на лавку.

— Может, войдем в дом?

— Нет, лучше здесь, на свежем воздухе.

— Как тебе угодно, — согласился Цигу, вынул сигарету, протянул Джондо. Обоим трудно было начать разговор. Они сидели, молчали и курили. Из кухни глядели на них женщины. Чватия спал и понятия не имел, что происходит у них во дворе.

— Батоно Цигу, — тихим голосом заговорил Джондо, дымя сигаретой, — что сделал я тебе и твоей семье, что вы на меня с ножом пошли, смертью угрожаете?

— Кто тебе угрожает, Чватия, что ли? — усмехнулся Цигу.

— Именно Чватия.

— Да ну его, дурня! Стыд и позор тому, кого Чватия убьет!

— Когда убьет, все одно, буду я Чватией убит или Петром или Иваном! Человека убить большого ума не нужно, пырнет ножом, а ты потом смейся, Цигу, сколько душе угодно...

— Батоно Джондо, Чватия вообще не знает, что такое нож! Схватил он этот нож и давай баб пугать — всех, говорит, перережу. Что с ним делать, жениться парень хочет!

— Ну, а ты-то разве готов к женитьбе Чватия?

— А если другого выхода нет?

— Нет другого выхода?..

— Не знаю, пока что не видно.

— Что же делать-то будем?

— Не знаю, что делать.

— Как же, так и будем меж небом и землей болтаться? Кликни-ка Чватию и дай мне с ним поговорить. Я не могу так больше. Надо решать.

— Нину! — крикнул Цигу жене. — Разбуди Чватию, пусть к нам выйдет. Видишь, какого мужика наш сын напугал, — не преминал он хихикнуть.

— Эх, Цигу, такой человек, как ты, сто лет жить будет!

— Беспечный я человек, верно? А что мне сейчас плакать, а? Или убежать отсюда из-за Чватии куда-нибудь на край земли? Не время ему пока жениться, если он меня послушает. А не послушает, пусть ведет сюда жену и пусть живут вон, в хлеву. Другого места у нас в доме нет.

— Моя дочь тоже еще не в невестах, ты знаешь, но если дети любят друг друга, кто уж тут нас спрашивать станет! Ни мы, ни вы не Даднани и не Дадешкелиани, и если мы Фасолееды, так вы Горохоеды, ты тоже все это знаешь. Ни родовитостью, ни богатством мы друг друга не удивим. Давай-ка возьмемся дружно за руки и поможем нашим детям, как сможем. Что скажешь?

— Что я скажу, что... Мои хоромы ты и сам видишь, какие сокровища нам с тобой в совхозе дают, не хуже меня знаешь. А в общем, что ж, я не против... Если согласны они так мыкаться, пускай живут здесь, что ж... По правде говоря, ведь и мы с тобой так же женились, — ухмыльнулся Цигу. — Что ж, будет своим горбом добро наживать, пускай женятся!

Появился Чватия. Он шел, на ходу застегивая штаны. Остановился неподалеку, поклонился гостю и уставился в сторону. Стоял он босиком на росистой траве, покачиваясь из стороны в сторону, мешковатые штаны пузырились на коленках.

— Хе-хе! Вон и зять Фасолеедов! — усмехнулся Цигу.

— Чем я тебе не угодил, Чватия, почему ты мне ножом грозить? — спросил Джондо будущего зятя.

Тот не ответил, понурил голову и пальцами ноги стал ковырять землю, — Ты хочешь в жены мою дочь и потому всю эту кашу заварил?

Чватия опять не ответил, поднял голову и устремил бессмысленный взор куда-то вдаль, на горизонт.

— Да, да, он хочет ее в жены, — пришел на помощь сыну Цигу.

— Так чего ж ты, языка у тебя нет? Или ты просил и тебе отказали? Зачем ты с ножом по улицам бегаешь, ровно как Ушанги-полоумный?

Чватия все молчал. Джондо ждал довольно долго, но Чватия рта не раскрыл.

— Так и будет твой сын стоять, ничего не скажет? — осведомился Джондо.

— Да, так он умеет.

— Что же нам делать? — спросил Джондо у Цигу.

— Да что хотите делайте, я на все согласен.

— Слушай, не я ведь должен делать, вы должны что-то сделать! Я отец девушки, вы должны прийти и увести ее, как у людей полагается! — разгорячился Джондо.

Вдруг у Чватии глаза расширились, нос покраснел и, скаля свои желтые зубы, он быстро, горячо заговорил:

— Мзэвинар через два месяца школу кончит! А я брошу эту самую школу и уеду в район на шоферские курсы... Курсы я мигом закончу, и мы оба будем работать.

— Ну, милый мой Джондо, у них, как видишь, все уже расписано. Пошли-ка в дом -- надо же благословить зятя Фасолеедов!

— Нет, нет, не сейчас, — возразил Джондо. — Придет время, и мы благословим по обычаю невесту Горохоедов!

Так мирно закончилась бурная история женитьбы Чватии. Нашли соседи общий язык, и в доме Цигу появился новый член семьи — старшая невестка.

Теперь у Чватии уже трое детей, со дня на день он ожидает четвертого. Чватия возмужал, раздался в плечах, на человека стал похож, да и Мзэвинар формы обрела, и ничем они не хуже других.

Главное, детей побольше иметь, а все остальное — дело наживное, — твердит сыну и невестке Цигу.

Чватия ухмыляется в белокурые усы и, в ожидании четвертого ребенка, подумывает о пятом.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Листья ПАПОРОТНИКА

● Роман

I

О ТОМ, что Джибраила Хелтуплишвили все-таки сняли с работы, шахтеры узнали в столовой. Раздали харчо, и одноглазый Герасиме Цнобилидзе потянулся за хлебом, как вдруг в столовой распахнулась задняя дверь и на пороге показался смуглый, тощий, похожий на зяблика, взбудораженный Иорам Носелидзе. Он перевел дух, оглядел столовую, увидев своих, подбежал к столу и, словно они провинились перед ним, сердито крикнул:

— Сняли!

Герасиме выронил из рук кусок хлеба:

— С чего ты взял?

— Маргарита приказ повесила.

— Да... — Герасиме взял со стола кусок хлеба, машинально положил его на тарелку, сложил руки на груди и замер. Молчали и другие шахтеры. Наконец заговорил высокий, сутулый Архипо Цалуглишвили:

— Значит, сняли... Кого же назначили на его место?

— Спроси у них!

И снова воцарилось молчание.

— Хм! — Герасиме вздохнул, вытащил из кармана носовой платок и вытер выступивший на лбу пот. — Что же нам теперь делать?

Никто ему не ответил. Иорам ногой придвинул стул, стоящий возле соседнего стола, сел, закурил, да так глубоко затянулся, точно собирался зараз выкурить всю папиросу «Казбек».

— Сам-то он знает? — Герасиме, видно, питал еще какую-то надежду.

— Знает, наверное, — безнадежно махнул рукой Архипо.

— Когда позавчера в шахте Голетиани сломал ногу, я тотчас понял, что Джибраилу не сдобровать, — сказал кто-то.

— Недаром говорится: причину найду, сковородником хвачу.

— Конечно, было бы желание, а причина найдется.

— Поймите, людей без дипломов уже не оставляют на должностях.

— Так вот, пришел черед и Джибраила.

И снова надолго воцарилось молчание.

— Разве это дело? — Герасиме отодвинул тарелку с харчо и безнадежно обвел друзей своим единственным глазом. — Наконец-то у нас наладилась работа, каждый день выполняем план, и заработки у нас хорошие. Когда я прихожу домой, знаю, что среди ночи никто меня не поднимет: одевайся, на участке авария... Да и не помню уже, когда была последняя авария на нашем участке. И вот — все рушится, все прахом идет... — Герасиме нащупал

Печатается журнальный вариант.

в нагрудном кармане сигареты, задумавшись, механически достал спичечный коробок и дрожащими руками чиркнул спичкой.

— Перейду на другой участок, — зло бросил Иорам.

— Можно подумать, на других участках только нас и ждут.

— Как же! Держи карман шире!..

— Нет! — Водитель комбайна, седой, статный красавец Юло Сопромадзе покачал головой. — Нет, Иорам! Не о том мы говорим. У нас единственный выход — мы не должны уступить Джибраила.

— Да кто нас спрашивает? — удивленно развел руками лысый Архипо.

— Разве это местком? Не может постоять за своего работника.

— В этом деле наверняка замешан начальник горной инспекции.

— Подождите! — Юло снова тяжело покачал головой. — Подождите! Горный инспектор — это понятно, но кроме него существуют трест, райком... Там люди не лыком шиты, поймут что к чему!

— Э-эх!

— Напрасные разговоры.

— Ты выполни план, а кто будет начальником участка — Джибраил или Иорам — райкому не все ли равно...

— Не можешь не куснуть меня! — вспылил Иорам.

— Да угомонитесь вы...

— Можно подумать, секретарю райкома делать нечего, как помнить, кто на каком участке начальник.

— Это дело начальника шахты.

— Точно! Сардион именно за это и получает зарплату.

— Райком тут ни при чем.

— Как вы думаете, Сардиону нравится вся эта история?

— Как бы не так!

— Да он ошарашен не меньше нас.

— Но не может же Сардион идти против закона.

— Нет, брат, перед законом не устоять и Сардиону.

Иорам закурил вторую папиросу и снова глубоко затянулся. Юло бессмысленно устался на входную дверь. Молчал и Герасиме.

— Люди! — Архипо Цалуглишвили мизинцем почесал лоб, — Знаете, что я вам скажу? Давайте есть харчо. Может быть, наступит и такое время, когда на дне у нас будет по три аварии, и тогда нам будет не до еды. А с голодного толку мало. И потом, надо поговорить с самим Джибраилом. Он лучше знает свое дело. Может, он сам не хочет быть начальником этого участка — так чего мы к нему пристали? А в конце концов нам все-таки придется обратиться к Сардиону. Другого союзника в этом деле у нас нет и не будет, разве я не прав?

— Прав!

— Точно!

Шахтеры нехотя пообедали, Архипо рассчитался за всех — прошлую получку ему пришлось всю до копейки отослать в деревню — жена захворала — и всю неделю его кормили товарищи.

Все встали и один за другим покинули столовую.

Дверь шахтерам отворила Иринеэ, изящная, с красивыми, чуть раскосыми черными глазами. При виде шахтеров ее глаза еще больше потемнели, между бровями пролегла морщинка.

— Вам кого?

Шахтеры растерянно переглянулись.

— Не узнаешь, Иринеэ?

— Узнаю.

— Мы хотим видеть Джибраила.

— Джибраил! — резко выкрикнула она, повернулась и пошла в кухню, хлопнув дверью.

Шахтеры растерялись еще более, удивленно переглянулись и, сняв шапки, один за другим прошли в боковую комнату.

— К тебе можно, Джибраил?

— Входите! — Джибраил встал и отложил в сторону газету.

Это был молодой человек, приятной наружности, чуть выше среднего роста, плечистый, с русыми, слегка поседевшими на висках волосами. Ему можно было дать не больше тридцати лет... Открытый лоб, прямой красивый нос, умный и твердый взгляд темных глаз...

Джибраил крепко пожал всем руку, указал на стулья.

Шахтеры молча расположились кто где.

— Твоей половине наш приход, кажется, не доставил большой радости, — прервал наконец молчанье одноглазый Герасиме, вытащил из кармана платок и вытер лоб.

— Женщин разве поймешь, — сказал Джибраил и улыбнулся. Потом не спеша закурил, положил спичку в пепельницу.

— Ты догадываешься, почему мы здесь?

— Допустим.

— И что же?

Джибраил пожал плечами.

— Так вот и покидаешь нас на милость божью?

— Почему божью? Между нами и богом еще много людей.

— Верно, но...

И снова все замолчали. Шахтеры только теперь поняли, что Джибраил уже ничего не может сделать. Пока он был начальником участка — он работал и был честен и прямодушен как с недругами, так и со своими друзьями, а теперь, когда его сняли, он ничего не может поделать. Ничего.

— А если мы обжалуем? — Юло обратился с этим вопросом скорее к Герасиме, нежели к Джибраилу.

Герасиме безнадежно махнул рукой.

Джибраил вдруг встал, потушил в пепельнице сигарету и в задумчивости прошелся по комнате. Видимо, сейчас, в эти минуты, он вновь пережил ту обиду, то чувство какого-то унижения, которое испытывает человек, когда его незаслуженно оскорбляют, оскорбляют недоверием. Таким мрачным шахтеры Джибраила никогда не видели.

— Об этом я больше не хочу говорить, — Джибраил сказал это всем, хотя обращался только к Герасиме. — Да и что я могу сказать вам? Будь Сардион тверже, этого бы не случилось, но... Не захотел, а может, одолели его, закон ведь на их стороне. А теперь что я могу?..

Шахтеры тоже не знали, что ему делать. Потому они молчали. Архипо и Юло взглядом дали понять остальным, что, пожалуй, им лучше удалиться.

— Мы понимаем... — Герасиме вздохнул и вдруг неожиданно для самого себя ласково улыбнулся Джибраилу: — Скажи-ка, почему сердита на нас твоя жена?

— Я сама скажу вам это, — послышался голос Иринэ, и она стремительно вошла в комнату. Щеки ее пылали, а узкие раскосые глаза метали искры. — Мне нечего скрывать, да и стесняться перед кем-либо. Да! Я знаю, почему вы сюда пришли: просить не оставить вас! Знаю! Всегда, всегда додается таким людям, как он, да! Но теперь, извините. Ноги Джибраила на этой шахте не будет. Да! Хватит! — Иринэ выкрикнула эти слова и выбежала в лоджию.

Шахтеры молчали. А Джибраил неожиданно громко рассмеялся. Исчезли куда-то следы вчерашней боли и обиды, бывший начальник участка от души хохотал, закинув голову и обнажив белоснежные зубы.

Герасиме вздохнул.

— Ничего не скажешь, она права. Мы в самом деле пришли просить тебя остаться на участке. Ты пойми нас, Джибраил: я шахтер и всю свою жизнь, каждый божий день спускаюсь под землю. Я должен знать, почему и куда посылает меня начальник моего участка, должен быть уверен, что там я не сверну себе шею и не оставлю сиротами детей. Начальнику своего участка я должен доверять как самому себе. Вот почему мы пришли к тебе. Кто знает, кого хотят назначить вместо тебя, может, вчерашнего мальчишку — зато с дипломом. Так вот, пока он привыкнет к новой работе, я, наоборот, раз десять сверну себе шею. Понимаю, что ты ни при чем. Пока ты был на шахте, мы были спокойны, и видит бог, ничего, кроме благодарности... Да!.. Но теперь тебя сняли и... Что поделаешь?.. Что ж, сынок, будь счастлив, всего тебе хорошего.

Шахтеры встали, встал и Джибраил. Он снова помрачнел, левая бровь у него нервно задергалась.

— Пойдешь учиться? — спросил Архипо.

Джибраил молча пожал плечами.

— Иди, брат, иди! Да и жена не даст тебе покоя. Получи этот проклятый диплом и потом... возвращайся к нам, а?

— Посмотрим! — Джибраил грустно улыбнулся.

— Что будем делать? — не обращаясь ни к кому, произнес Архипо. Шахтеры стояли на улице возле подъезда Джибраила. В город и его окрестности прокрались синие сумерки. Кое-где в домах уже зажгли огни.

— Мы ведь собирались пойти к Сардиону. — В голосе Иорама шахтеры уловили упрек.

Ему никто не ответил. Все вопрошающе смотрели на Герасиме.

— Сардиона сейчас уже не будет на шахте, — Герасиме махнул рукой. — К тому же сам Джибраил уже не хочет быть начальником участка...
— Не хочет?! Да он обижен! И правильно! Пять лет трудился, не жалел себя...

— Знаем.

— Так что же?

— Ничего. Сардион здесь ничего не может поделывать.

— Была бы воля Сардиона, он бы не тронул Джибраила.

— В самом деле.

— Что же нам делать?

Снова все устались на Герасиме.

— Чего вы все на меня глазеете, как на красну девицу?!

— Посоветуй, что делать?

— Да что я могу советовать? Надо ждать. Утро вечера мудренее. А собственно говоря, меня никто не венчал с этим участком. Я свою дорогу найду, а вы ищите свою. Так-то! — Герасиме сердито нахлобучил шапку и, не попрощавшись, быстро свернул за угол.

II

Джибраил Хелтуплишвили ушел из деревни лет двенадцать назад. Он оставил дом с хорошо ухоженным участком младшему брату — Акакий с детства был слаб здоровьем — и в поисках счастья отправился в город каменного угля.

На первых порах он приютился у товарища и привезенные с собой деньги — то ли триста, то ли четыреста рублей — пустил на ветер — хочу, мол, испытать сладость городской жизни. Девушки так и льнули к нему. Особенно Ламара, та самая, которая работала в управлении торговли и была вся увешана драгоценностями. Чего только не обещала она Джибраилу, каких только райских картин не рисовала, а взамен просила только одного — чтоб жил Джибраил у нее и ни о чем не тужил! И сбила-таки парня с толку. Поселился он у нее, пожил дней пять-шесть и понял: нет, это не дело. И в одно прекрасное утро он сказал Ламаре, что не нужны ему ее магазины и склады, не нужна ее квартира, — и распрощался. Навсегда.

В жилах его текла здоровая кровь рабочего человека, и потому пошел он на шахту на самую простую работу — учеником крепильщика.

Так он начинал, а три года спустя Джибраила знал уже весь город.

— Спросите меня, люди добрые, — говаривал нередко старый Отиа Мехи, первый наставник Джибраила на шахте, — спросите, что ты сделал в своей жизни? Все доброе, совершенное мною, я не забываю. Так вот, активным революционером я не был, но в царских стражников и я кидывал камни. Огромный с кулак камень именно я швырнул в проклятого Коциа Сулаквелидзе. Потом он три года доискивался, кто швырнул в него бульжник... Тридцать лет работаю я на шахте, жене в жизни не сказал грубого слова. Вырастил двоих детей, выдал замуж Тамунию, а Ноэ, вы сами знаете, кандидат наук, не сегодня завтра профессором станет. Вот... А на старости лет воспитал я такого шахтера, как наш Джибраил. Можете сказать о нем что-нибудь дурное? В шахту, где он работает крепильщиком, я могу пустить дитя малое и не побоюсь — там все надежно. Говорил я вам: берегите его — он прославит нас. Ведь говорил... Так скажите, мог ли сделать больше в своей жизни такой неуч, как Отиа Мехи, а?... Что с меня еще требовать?

Никто ничего, естественно, и не требовал от Отиа Мехи.

А Джибраила как-то позвали к начальнику шахты Сардиону Рачвелишвили.

— Здравствуй, Джибраил! — полноватый, грузный Сардион привстал и протянул Джибраилу руку.

— Здравствуйте.

— Садись. — Сардион указал на стул и сам тоже сел. — Скажи-ка, брат, кто дал тебе это татарское имя?

— Татарское?

— А как же! Джибраил — грузинское Габриэл. Но это так, к слову. Слышал, наверное, украинскую поговорку — аби чорт, аби бис, лишь бы яйца нис! Ха-ха-ха! Украинский я изучил в Донецке, на практике. Ты был на Украине?

— Нет.

— Пошлем. Всюду пошлем. Хотя, собственно говоря, зачем ехать на Украину. Разве что только так, чтоб прогуляться, отдохнуть, а то у нас в Грузии уже столько шахт, что, того и гляди, на практику к нам будут присылать.

Джибраил улыбнулся и пожал плечами.

— Добро, мой Джибраил. Вот видишь, передо мной сейчас твое личное дело. — Сардион указал на голубую папку. — Кажется, я изучил его от корки до корки. Я коротко изложу, что знаю о тебе, и если что не так, не стесняйся, останови меня и поправь. Идет?

— Ваша воля!

— Хорошо... Так вот... Родился ты в тысяча девятьсот тридцать втором году, шестнадцатого января, в деревне Бедисеули, в крестьянской семье. Рано начал работать. Не знаю, то ли это было твоим желанием, то ли тебе надо было помочь семье... Об этом тебе лучше знать. Закончил... закончил восемь классов, потом вновь — колхозные поля. Затем армия, артиллерийская часть, демобилизация. И снова — колхозные поля... Потом уже — шахта, вот эта наша шахта, не так ли?

— Точно. — Джибраил снова пожал плечами и улыбнулся.

— Добро! — Сардион встал, положил на стол папку с надписью «Дело», сложил руки за спиной и прошелся по комнате, остановился возле окна и посмотрел на Джибраила.

— Да, ученым человеком тебя не назовешь, а? Почему?

— В деревне была только восьмилетка.

— А в городе?

— В городе... — Джибраил пожал плечами и, покраснев, опустил голову.

— Здесь — простая профессия, хорошие заработки, почет... так?

Джибраил молчал.

— Эх-эх-эх! — Сардион покачал головой. — Избалованное нынче поколение пошло. В твоём возрасте... Хотя мои слова для вас как об стенку горох. Разве только тебе, скольким я говорил не раз: пользуйтесь благами, предоставленными вам, возьмитесь за ум, учитесь, читайте, растите... Как бы не так! Все мимо ушей пропускали мои слова, а насильно за книги не засадишь, не заставишь учиться, что толку в таком учении.

Сардион махнул рукой и снова сел за стол.

— Дело вот в чем, дорогой Джибраил. Отиа Месхи уходит на пенсию, и бригадиром крепильщиков мы думаем назначить тебя. Тебе это дело хорошо знакомо — тебе и карты в руки. Согласен?

Джибраил молчал, потом не спеша кивнул головой.

— Я надеюсь на тебя. Шахтер должен верить крепильщикам. Спускаясь в шахту, он должен знать, что кровля не обрушится на него. Поищи теперь Отиа Месхи, вместе обойдите участки и, если что не так, запиши. Завтра в это время жду тебя здесь. Да, за бригадирство будешь получать надбавку, процентов пятьдесят. Не мало?

— Достаточно.

— Ну, теперь дело за тобой.

Сардион встал и похлопал Джибраила по плечу.

Не только Сардион, и другие не раз говорили Джибраилу — учись, заканчивай хотя бы десятилетку, придет время, и ты станешь хозяином этой шахты. Но Джибраил не обращал внимания на все эти разговоры. Ему и в самом деле было не до книг. Теперь же слова, сказанные Сардионом, признаться, задели его. Одно дело, когда об этом говорят рабочие, хотя бы твои друзья и доброжелатели, другое — когда это говорит человек, от которого зависит твоя судьба.

Слова Сардиона что-то да значат, нельзя не обращать на них внимания. «В самом деле, надо учиться, — думал Джибраил, идя в поисках Отиа Месхи к проходной. — Десятилетку закончить хотя бы, а то не ровен час вспомнит Сардион свои сегодняшние слова. Не любит он, когда с ним не считаются. И то верно, не век же мне в крепильщиках ходить».

Но благому намерению не суждено было осуществиться. Поначалу бригадирство принесло Джибраилу немало хлопот. Отиа Месхи был хорошим крепильщиком, но, как говорится, у старого коня не по старому ходу — на участке все было запущено, вот и пришлось Джибраилу налаживать крепёжные работы. Спустя время, когда он немного вздохнул от работы, он вспомнил об учебе, приобрел нужные книги, но не смог заставить себя заниматься — отвык. А потом он узнал, что для продолжения учебы необходимо собрать какие-то документы, поленился, махнул на это дело рукой и отложил учебу на будущее.

Начальником участка Джибраил стал опять-таки по воле Сардиона. Прежний начальник участка Лавросий Абжандадзе в последнее время не справлялся с работой. Долго не могли найти ему замены, на участке же дела шли из рук вон плохо. Из месяца в месяц не выполнялись планы. Участились аварии и несчастные случаи, снизились заработки и не раз уже шахтеры этого участка грозились, что, если будет так продолжаться, они перейдут на другую шахту. И секретарь парторганизации Минаго Чарквиани наседали на Сардиона — сколько можно мириться с тем, что планы не выполняются и заработки у шахтеров низкие? Да и трест не щадил его.

Сардион всячески старался обнадежить шахтеров — еще немного, и все уладится, но сам-то отлично видел, что зашел в тупик с этим участком.

А у крепильщиков дело было на мази. Чем хуже положение на шахте, тем больше работы было у крепильщиков. Выходили на работу почти в каждую смену. К примеру, укрепят они нижний штрек, разойдутся по домам, как через полчаса по тревоге им необходимо бежать в конвейерный. Правда, они уставали от работы, зато заработки были у них высокие, и потому на усталость никто не жаловался.

Джибраил, признаться, был удивлен, когда однажды вызвали его к Сардиону.

— Что ему от меня надо? — спросил он у шахтера, принесшего ему эту весть.

— Не знаю. Велел сейчас же явиться.

Джибраил недавно поднялся из шахты. Разморенный горячим душем, он мечтал только об одном — выспаться. Потому про себя он послал к черту и шахту, и того, кто ее выдумал, и Сардиона...

Сардион сидел за столом хмурый и что-то писал. Когда вошел Джибраил, он поднял голову, однако не поздоровался и снова склонился над бумагой. Не дожидаясь приглашения, Джибраил сел — ему было не до церемоний.

Сардион долго корпел над какой-то бумагой, потом отложил ручку, еще раз пробежал бумагу глазами, встал и, по-прежнему не глядя на Джибраила, прошелся по кабинету.

— Два года занят я этой писаниной, все оправдываюсь, что потому-то и потому-то мы не выполнили плана. Завалена штольня потому-то и потому-то! В лаву ворвалась вода — потому-то и потому-то! Пострадал шахтер — потому-то и потому-то! Сижу как школьник, уставившись в потолок, и сочиняю. Сам толком не уразумею, что правда в этой моей писанине, а что ложь. А там читают и... И верят в мои каракули так же, как в бабушкины сказки. Эх! — Сардион махнул рукой. — Ну, как ты?

— Да ничего...

— Конечно, тебе грех жаловаться. Весь заработный фонд участка забирате вы, крепильщики. Вы сыты, зато другие... Э-эх! Нет, брат, с этим надо кончать, я так больше не могу. Как у тебя с учебой?

Джибраил покраснел и опустил голову.

— Тебя спрашивают! — в голосе Сардиона зазвучали сердитые нотки.

Джибраил молчал.

— Не понимаешь?

— Да нет... понимаю.

— И что же?

— Буду учиться, Эрастович... Обязательно.

— Да, обязательно выучишься, чувствуется. До меня дошли слухи, что ты каждый день проглатываешь по одной книжке. Оказывается, ты уже вы зубрил всю высшую математику.

Джибраил молчал, зная, если добродушный Сардион вспылит, то не найдется человек, способный его утихомирить. В такие минуты окружающие старались не попадаться ему на глаза.

— Эх! — Сардион снова махнул рукой. — Не будешь ты учиться. Что я могу поделывать? Пострадаешь от этого ты, друг мой, не я. А теперь... — Сардион замолчал и посмотрел Джибраилу прямо в глаза, — теперь... тебе надо принимать участок.

— Что? — Джибраил вскочил со стула.

— Что слышал! — Сардион сел за стол, механически пробежал глазами бумагу, отложил ее в сторону и снова уставился на Джибраила. — Примешь, другого пути нет. Мне за это де...

— Эрастович!

— Не перебивай!.. Мне за это дело выговор влепят, я знаю, но что делать?..

— Эра...

— Подожди! Ты не можешь сказать мне ничего такого, чего бы я уже не знал. Чем слоняться так, закончил бы десятилетку. Да! Так вот: участок ты примешь. Это решено, об этом больше говорить не будем. Ты другое мне скажи... — Сардион встал, снова прошелся по комнате, — Ты скажи мне...

— Вам в самом деле влепят выговор.

— Еще какой! Есть закон: в шахте начальником участка может быть если не инженер, то хотя бы техник. Дамианэ Чкониа снесет мне голову, это точно...

— Кто?

— Чкониа. Начальник районной горнотехнической инспекции. Не знаешь его? Или тебя ничего не интересует, кроме твоих креплений? Живешь, как врот...

— Да знаю я его...

— Так вот, коли знаешь, должен знать и то, что все мы в его власти. Ему не указ ни трест, ни управление и вообще, сам черт ему не брат. Эти дела контролирует он, и он в самом деле снесет мне голову. Но что поделаешь? Я знаю, на что иду... другого выхода нет! Я еще не такое выдерживал...

— Сардион Эрастович!

— Ну?

— Выслушайте меня...

— Говори!

— Ради бога, не впрягайте меня в это дело! Какой из меня начальник участка?! Я...

— Знаю, тебе придется нелегко, но... кому все давалось легко? Неужто не сможешь работать лучше Лавросия? Тогда тебе в самый раз повеситься. Молчи... И чтоб я не слышал жалоб... Только... Хм... — Сардион опять сел за стол, обхватил голову руками и задумался. — Ты скажи мне... — Он снова замолчал, потом поднял голову и посмотрел внимательно на Джибраила: — А если определиться тебе на какие-нибудь курсы, а? — Он снова умолк, потом решительно махнул рукой и встал, — Хорошо, об этом подумаем после! Посмотрим... А теперь ты иди, только пока никому ничего не говори, а завтра в восемь утра я жду тебя.

На следующий день в назначенное время Джибраил был в кабинете Сардиона. Сардион встал, пожал молодому шахтеру руку, усадил его на диван и присел рядом.

— Ну как?

Джибраил пожал плечами.

— Как спалось?

— Да так...

— И мне было не до сна. — Сардион закурил. — Вечером мне пришлось здорово попотеть в тресте, но... убедил я их в правильности моего решения. Утвердили тебя, поздравляю! Только...

— Что еще?

— За год техникум окончить, конечно, ты не сможешь, но какие-нибудь курсы — обязательно.

— Руководить таким участком и в то же время учиться?

— Это мое условие.

— Сардион Эрастович!

— Знаю! Это нереально, но если вытянешь участок, может, простят, а? Вытянешь?

— Буду стараться...

— Надо стараться, Джибраил, надо. Мы в долгу перед государством, два года шахта не выполняет плана... К тому же и о шахтерах не грех подумать, об их заработках. Вот у Архипо Цалуглишвили жена четвертый год болеет, у Доментия Сургуладзе шестеро малышей дома, о них ведь надо позаботиться...

— Сардион Эрастович...

— Дело сделано... Теперь все зависит от тебя, не подведи...

— Вы говорите так, словно участок доверяется мне одному.

— Почему же... Я всегда буду рядом, знаю...

— А если случится авария?

— Тогда нас уволят. Тебя за аварию, меня — за твое назначение.

— Ха-ха-ха! — неожиданно для самого себя засмеялся Джибраил.

— Да, таковы дела, брат, — Сардион хлопнул Джибраила по колену и заглянул в глаза, — не знаю, как ты, но я предпочитаю не быть директором, нежели жить и работать так, как мы сегодня живем и работаем.

Шахтеры приняли известие о назначении Джибраила Хелтуплишвили с удивлением и радостью, не лишенными однако некоторых опасений. С удивлением, потому что — все хорошо знали об этом — Джибраил имел всего восьмилетнее образование, никогда не учился ни на каких курсах и потому не имел права быть начальником участка; с радостью, потому что Джибраил был из их среды, рос и мужал у них на глазах; а страшно им было потому, что не покидало их чувство сомнения — а вдруг не справиться Джибраилу, не собрать потерявших веру в себя и в шахту рабочих, не разобратся в этих сложных механизмах и установках, и окажутся они тогда в худшем положении, чем были.

Говоря по справедливости, после Лавросия Абжандадзе начальником по закону должен был стать его заместитель — Антимоз Чахунашвили, но...

Антимозу Чахунашвили было уже пятьдесят лет. В далекой юности закончил он какие-то курсы, которые дали ему возможность стать заместителем начальника участка. О большем он и не мечтал. Однако, когда Лавросий Абжандадзе заболел и на шахте стали серьезно подумывать о том, что Лавросию уже необходимо уходить на покой, Антимоз потерял сон — вдруг весь этот, будь он неладен, участок поручат ему и тогда придет конец его спокойной безоблачной жизни.

Чахунашвили лучше других знал себе цену, знал, что, будь он начальником участка, он не осилит этой работы, того и гляди, попадет он в беду. Шахтеры не любили Антимоза. Этот всегда вежливый и улычивый человек на первый взгляд безобидный и робкий, был хитер, как сто чертей. Почти двадцать лет работает он на шахте, и все двадцать лет ему удается избегать работы, связанной с риском, уйти от ответственности, взвалить все на плечи других. Что бы ни приключилось на шахте, Антимоз всегда выходил сухим из воды, всегда во всем виноватыми оказывались другие, порой даже вовсе не причастные к этому делу люди. И всего этого он добивался с ласковой, скромной улыбкой, спокойно и невозмутимо. Бедный Лавросий Абжандадзе не раз говаривал, что, правда, он сам не очень-то годится как руководитель, но, если уберут от него этого ужа, он, может быть, чего-нибудь да добьется. Но убрать этого «ужа» из шахты было невозможно. Он был так сладкоречив, что мог легко усыпить и врага, и доброжелателя, знал наизуток все параграфы трудового кодекса и, что самое главное, умея легко выворачиваться из всех опасных ситуаций, всегда выходил сухим из воды. А должность заместителя начальника участка и оклад Антимоза вполне устраивали, и он, конечно, по доброй воле никому и ни за что не уступил бы своего спокойного места.

— Антимоз, кажись, скоро у нас будет новый начальник, — сказал Антимозу кто-то из молодых шахтеров в тот день, когда стало известно о назначении Джибраила.

— Новый начальник?

— Да, ты что не слышал об этом?

— Об этом, мой дорогой, я и слышать не хочу. Такого начальника, как Лавросий, мы не найдем. Правда, в последнее время наш участок не выполняет плана, зато у нас самый внимательный, самый добрый и сердечный начальник... Нет, дорогой, зря ты радуешься приходу нового начальника, наш Лавросий заслуживает только любви и уважения...

— Так не я же выдумал это.

— Что?

— Не я же выдумал, говорю.

— О чем ты?

— Да о том, что начальником назначают Джибраила Хелтуплишвили.

— Кого?!

— Джибраила Хелтуплишвили.

— Перестань шутить.

— В самом деле, — подтвердили и другие шахтеры. — Уже и приказ подписан.

— А я ничего не знаю.

— Видимо, с тобой не согласовывали, — съязвил молодой шахтер.

— Выходит. Что ж, значит, Лавросий покидает нас. Жаль... Жаль, клянусь я вам. Такого приятного, честного, доброго человека... Но и Джибраил у нас становится знатным шахтером, а? Правда, Лавросий прекраснейший человек, но и о планах нам следовало бы думать, верно? Государство ведь, дорогие мои, государство, говорю я вам, спрашивает с нас? Да... Что поделаешь? Говорите, Джибраил, да? Если это в самом деле так, то весьма радостно, весьма...

— Ну так радуйся!

Что и говорить, Антимозу не очень-то по вкусу пришлось назначение Джибраила. Лавросий был слабым начальником, все это знали, и что бы ни случилось на участке, вину вваливали на него. Антимоз же всегда выходил сухим из воды. Откровенно говоря, Антимоза не так уж часто беспокоили, спрос с него был невелик, ибо все знали, что Чахунашвили ничего, кроме зарплаты и своего спокойствия, не волнуется, и его лучше не теревить, с его присутствием на участке надо просто примириться.

А теперь начальником участка будет молодой, энергичный Джибраил Хелтуплишвили, человек смелый, решительный и непреклонный. Антимоз хорошо знал молодого крепыльщика. Как же он будет вести себя в должности начальника? Как поведет дело? Будет ли Антимозу так же вольготно при новом начальнике, кто знает?... Одно было ясно: Антимоз не сможет обводить вокруг пальца Джибраила, как делал он это с Лавросием...

Новый начальник участка должен был приступить к своим обязанностям во вторник. В семь часов утра, когда заканчивалась третья смена, в дежурку Сардион ввел немного смущенного Джибраила.

— Знакомьтесь. Это ваш новый начальник.

— А мы уже знакомы, — послышались голоса.

— И даже очень хорошо.

— Наш человек! Что его представлять?!

— Отлично. — Сардион сел за стол. — Лавросия нет?

— Он звонил! — Антимоз Чахунашвили вскочил. — Он звонил мне в шесть утра. — Антимоз улыбнулся. — Говорит, что у него температура и он не сможет прийти. Просит меня показать Джибраилу участок. Позже он сам подпишет акт. Я сказал ему, что Джибраила незнакомить с участком, ему и так все хорошо знакомо. «Поступайте, как считаете нужным», — сказал мне Лавросий. — Видимо, ему неловко, стыдится он...

— Чего? — нахмурился Сардион.

— Кто знает... Участок в таком состоянии. Куда ни глянешь...

— Это не разговор, — прервал его Сардион. — Лавросий Абжандадзе честный и добросовестный работник. Что поделаешь, если он постарел и уже не справлялся со своими обязанностями. Многие на шахте еще помнят, как работал Лавросий. Что, забыли?

— Помним! Конечно, помним! — раздались голоса.

— В свое время это был шахтер что надо.

— Он был очень добр и внимателен к рабочим.

— Да, очень.

— Нет, товарищи... — Антимоз приложил правую руку к груди, — вы меня не так поняли... Я не с дурной мыслью сказал, я...

— Да что говорить, — прервал разглагольствования Антимоза Сардион. — Лавросия мы проводим с почетом...

— Ты прав, Сардион!

— Точно!...

— А теперь... вернемся к делу. Ваш новый начальник не нуждается в моей характеристике. Вы его знаете лучше меня. Но сегодня, в эту, как я считаю, решающую для всего вашего участка минуту, я прошу вас об одном; как следует взвесьте и обдумайте положение на вашем участке. Хуже, чем есть, быть не может. Вы знаете это. Так вот, лучшего начальника, чем Джибраил, я не могу для вас найти. Но один в поле не воин, если все вы не станете рядом с ним плечом к плечу. И еще одно. Я обязательно должен предупредить вас. За малейшую провинность, за незначительную ошибку — о серьезных авариях я и не говорю — с него и с меня спросят вдвое больше, чем с других. Почему. Подумайте сами. Так что нам необходима ваша поддержка, ваша помощь, ваше единодушие. Теперь дело за вами, товарищи.

Сардион попрощался со всеми.

Шахтеры проводили его молча.

Едва Сардион вышел, Антимоз вскочил, подошел к столу начальника участка, выдвинул стул и обратился к Джибраилу:

— Что ж, товарищ начальник! Прошу вас, садитесь и руководите нами!

Шахтеры смотрели на Антимоза с откровенной насмешкой.

Джибраил покраснел, нахмурился, отвел взгляд от Чахунашвили и в задумчивости устался на стул. Казалось, он все еще раздумывает; принимать или не принимать участок. Но это длилось мгновение, не больше. Джибраил встал и твердым шагом направился к столу. Шахтеры переглянулись. Куда исчез вчерашний беззаботный, всегда веселый Джибраил? За столом начальника участка сидел серьезный, задумчивый человек, с которым уже не переброшишься шуткой.

Герасиме за свою жизнь перевидал немало начальников и знал, что тот, кто хочет добиться уважения и почета, прежде всего должен суметь завоевать доверие подчиненных, а также уметь вовремя поставить точку где нужно. Герасиме понравилось поведение Джиграила. Он огляделся, перехватил взглядом Архипо Цалуглишвили и многозначительно подмигнул ему единственным глазом.

Накануне ночью Джиграил обошел весь третий участок — свои новые владения. Он спустился в шахту, прошел около двух километров по освещенному главному штреку, потом свернул налево в темные конвейерные штреки, прошел, согнувшись, шагов пятьдесят и вошел в длинный, метров в сто, нижний забой. Здесь, приблизительно в полутора метрах от каменноугольного пласта, выстроились крепежные столбы, которые терялись где-то далеко в темноте.

Казалось бы, на участке полный порядок. Темный, серый, слегка влажный свод надежно укреплен, машины ухожены, конвейер налажен, но Джиграил знал, что на участке далеко не все так гладко, как это кажется на первый взгляд. Могла, например, соскочить цепь на конвейере, и тогда нарушался ритм работы. Самые незначительные повреждения электрокабеля выбивали из строя весь участок порой на целые сутки. В неширокой и низкой просеке из конвейерного штрека в забой трудно было устанавливать крепежные столбы. Джиграил знал, что лесогонны на такой работе долго не задерживались и в поисках более выгодной работы нередко переходили на другие участки или шахты. Бедняга Лавросий Абжандадзе в течение нескольких месяцев добывался, чтобы расширили просеку, по которой спускали в забой лес, но усилия его оказались напрасными.

Но то, что увидел Джиграил в конвейерном штреке, совершенно расстроило его. Он понял, что шахтеры на этом участке вовсе махнули рукой на работу.

В бремсберге, ведущем из главного забоя, стоял конвейер, который поднимал из забоя уголь.

С первого взгляда конвейер, казалось, был установлен как положено. Но была одна незначительная деталь, которая мешала работе конвейера. Навлон у конвейера был меньше положенного, и из-за этого он то и дело наполнялся водой. Поэтому и цепь часто рвалась, и нарушался ритм работы. А на участке ведь все дела взаимосвязаны: остановился конвейер — значит, забой заполняется углем, пока не вывезут уголь — нельзя укреплять забой, если не укрепить вовремя забой — может обвалиться кровля и, следовательно, под угрозой жизнь шахтеров. И так — до бесконечности. Из этого заколдованного круга единственный выход: на участке все звенья должны работать согласованно, сорвался одно кольцо — распадается вся цепь. И еще одна немало важная деталь — неполадки на одном участке отражаются на общем темпе работы всей шахты. Если внизу, в главном штреке, протаивают порожние вагонетки, потому что не рабтает конвейер, простой этот отражается на графике работы и других участков и обходится шахте слишком дорого.

А протаивают вагонетки по той простой причине, что никто не догадался поднять конвейер всего на полметра, чтоб он не заполнялся илом и водой, и тогда цепь скользила бы легче и свободнее и огромные глыбы каменного угля устремились бы к железному ложу вагонеток.

Неужели так трудно было заметить этот изъян? Джиграил — новый начальник участка — начал с того, что решительно заявил шахтерам: забудем на время, что одни из нас крепильщики, другие — комбайнеры, третьи — электрослесари. Все должны спуститься в конвейерный штрек, чтобы наладить работу конвейера.

Опытные, бывалые шахтеры, услышав это, даже покраснели. Разумеется, многие думали о том, что давно следует навести порядок в конвейерном штреке, но почему-то никто не решился вплотную заняться этим вопросом. Джиграил вместе со всеми спустился в конвейерный штрек и не ушел, пока не закончили работу.

Почти целую смену проработали шахтеры в конвейерном штреке. Нелегко им пришлось. В низком штреке не выпрямиться во весь рост, работали полу-согнувшись, обливаясь потом, зато, когда включили конвейер, погрузили на него уголь, добытый предыдущей сменой, и убедились, что цепь легко за-скользила, все облегченно вздохнули.

Первые шаги Джиграила старые шахтеры одобрили. Им нравилось, что у нового начальника участка зоркий глаз, что он человек слова. А это немало для начала! Но старики заметили также, что некоторые молодые шахтеры, в особенности электрики, люди своенравные, были недовольны Джиграилом. А электрики — народ коварный, они кого угодно могут сбить с толку. В первый раз они не рискнули перечить новому начальнику, но попробуй Джиграил еще раз мобилизовать всех, электрики, конечно, подложили бы ему свинью. Надо

помочь Джибраилу, решили Герасиме Цнобиладзе и Архипо Цалуглишвили, переговорив между собой.

На следующий день Герасиме работал в нижнем штреке. Ему надо было укрепить шесть рудстоек. Пять из них он установил по обыкновению мастерски, а шестую просто приладил, да так, что между столбом и кровлей забоя оставил щель. Он еще раз оглядел свою работу и, довольный, подмигнул Архипо. Потом они поднялись наверх, Герасиме пошел в душевую, Архипо же направился в дежурку, где мог в это время находиться Джибраил.

Начальник участка в самом деле оказался там. Архипо снял шлем и присел на стул. Увидев Архипо, Джибраил оторвался от бумаг, которые он просматривал, и спросил:

— Ну что, закончил работу?

— Да...

— Чего же не идешь домой?

— Эх... — вздохнул Архипо.

— Что-нибудь случилось?

— Эх, — снова вздохнул Архипо.

— Ну говори, что случилось?

— Хорошо... — Архипо огляделся, убедился, что в комнате нет посторонних, и придвинулся к Джибраилу: — Только заклинаю тебя, не думай, что я сплетник. Просто я считаю, что никто не имеет права работать плохо, будь ты молодой или старый.

— О чем ты?

— Я все скажу, только...

— Говори же!..

— Да что говорить... Спустись в нижний забой и посмотри, как Герасиме поставил столбы.

— Герасиме?

— Кто же!.. Если он может сделать такое, чего же требовать от других.

Мы все обязаны...

Но Джибраил уже не слушал Архипо. Он схватил со стола шлем и выбежал из комнаты. Через несколько минут он был уже в нижнем забое и осматривал столбы. Неужели это дело рук Герасиме, самого опытного, самого знающего крепильщика?!

Джибраил поднялся и приказал немедленно разыскать Герасиме.

— Он в душевой.

— Я ему покажу душ! Сейчас же пусть идет ко мне!

Герасиме не заставил себя долго ждать. Потный, чумазый, так и не успев попасть в душевую, он пришел к Джибраилу, снял шлем и сдержанно поздоровался.

— Я слушаю тебя, Джибраил.

— Слушаешь!... — В ярости Джибраил даже позабыл слова, которые собирался выпалить старому шахтеру — Ты... Что ты делаешь? Ты... еще опытный крепильщик!..

— Что случилось, не понимаю?

— Ничего не случилось, слава богу! Ты лучше сейчас же спустись в забой икрепи как следует последнюю рудстойку!..

— Слушай!..

— Не хочу тебя слушать... А когда закончишь работу, поднимись и подойди к доске приказов, там ты прочтешь все, что тебя касается!..

— Джибраил!..

— Не хочу тебя слушать! — Джибраил стукнул по столу кулаком. «Испуганный» Герасиме недоуменно пожал плечами и вышел.

Работу он завершил за полчаса, поднялся и, как велел ему Джибраил, подошел к доске. На ней уже висел приказ, подписанный Сардионом, который гласил, что за халатное отношение к работе крепильщику Герасиме Цнобиладзе объявлено предупреждение. За подобную работу впредь он будет строго наказан.

Архипо и Герасиме понимающе переглянулись. Что ж, дело сделано! Посмотрим теперь, кто из молодых посмеет ослушаться нового начальника.

Отныне любое задание Джибраила выполнялось неукоснительно. В самом деле, можно ли ждать поблажки от человека, который не пощадил Герасиме — известного на всю шахту Герасиме Цнобиладзе?

Спустя почти год Герасиме и Архипо открыли Джибраилу свою тайну...

В выборе и распределении работы Джибраил никогда не ошибался. Шахтеры скоро убедились в этом. Причем для него не существовало правила, навечно узаконенного, порой он заставлял шахтеров отложить в сторону такую работу, которую, все думали, надо исполнить в первую очередь, и наоборот, то-

ропил там, где никто не видел ничего спешного. И всегда он бывал прав. Результаты работы говорили сами за себя.

Хорошо продуманная работа скоро принесла свои плоды. Уже на двенадцатый день после назначения Джибраила участок добыл четыреста тонн угля и впервые за последние два года выполнил дневной и ночной планы. В диспетчерской тогда после подсчетов пришли к выводу, что уголь, добытый на третьем участке, помог выполнить норму всей шахты. От радости диспетчер Абибо Мемаришвили даже пустился в пляс и бросился к черневшему на стене рычагу. Над бункером шахты вспыхнула огромная звезда. Со всех сторон слышались радостные голоса, кто-то захопал в ладоши.

Были такие люди на шахте, которые считали первый успех Джибраила случайным. Не выдюжит, думали они, Джибраил. Но день шел за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, а над бункером каждый вечер вспыхивала красная звезда. И тогда весь город заговорил о новом начальнике участка.

Однажды вечером в кабинете Сардиона зазвонил телефон.

— Я слушаю!

— Сардион, здравствуй! Это говорит Дамианэ Чкониа!

— О, здравствуйте... Как поживаете?

— Спасибо. А ты? Ты-то как поживаешь?

— Да ничего.

— В самом деле?

— А что вас интересует?

— Что ты сказал?

— Что интересует вас, спрашиваю?

— Да вот хотел поинтересоваться, читаешь ли ты газеты?

— А как же?

— Так, значит, ты в курсе того, сколько инженеров выпускает ежегодно наш политехнический институт? Знаешь ты это?

— Конечно, знаю...

— Ну и что же? Выходит, вы там, ты и твои начальники треста, ни в бога ни в черта не верите? Вот я готовлю годовой отчет. Скажи, что мне написать? Что мы в этом году освободили от работы начальников без дипломов и на их место назначили инженеров с дипломами или же, наоборот, освободили от работы знающего инженера и на его место утвердили человека без образования, а?

— Да как сказать...

— А что ты можешь сказать! Болтался у тебя там на участке один, закончивший какие-то курсы, так ты на его место назначил Джибраила Хелтуплишвили, неуча, человека без знаний. Что ты можешь сказать мне? Для чего же государство выпускает ежегодно столько инженеров? Что говорит нам государство? Шахта — дело государственное и не вверяйте ее судьбу людям незнающим и неграмотным. Говорит?

— Говорит...

— И что же?

— В этом году к нам не приезжал ни один инженер.

— Мне нет до этого дела!

— Я понимаю...

— Понимаешь? Что же мне сообщить в Москву?

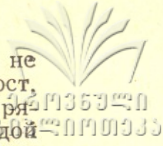
— Я понимаю вас...

— Понимал! Ты все понимаешь! В прошлом году к вам приехало три инженера, но один удрал, а двоих вы посадили в тресте и заставляете копать в бумагах. Так вот... Упаси бог, чтоб на участке этого вашего Хелтуплишвили случилась беда. И если там у шахтера будет поврежден на работе даже ноготь, вам не сдобровать. А теперь — будь здоров.

Дамианэ Чкониа повесил трубку.

«Я еще легко отделался, — подумал Сардион и вытер выступивший на лбу пот. — Ох уж эти бюрократы! Видите ли, он печется о шахтерах! А что здесь годами не выполняется план, он будто бы и не знал. Да ты, Дамианэ, лучше меня знаешь цену тем инженерам, но хочешь выслужиться... Бумажная моль! А Джибраила, конечно, надо бы предупредить, а то не ровен час случись беда, Дамианэ не пощадит нас».

Но Джибраил, видать, родился в сорочке. На протяжении последующих трех лет на его участке не было никаких происшествий. И к такой безоблачной жизни все так быстро привыкли, что все, и в первую очередь сам Сардион, были бы просто удивлены, случись что-нибудь на участке Джибраила. Вообще на шахте действует неписаный закон: чем лучше дела на участке, чем успешнее выполняются планы и больше выработка у шахтеров, тем с большей охотой и лучше работают шахтеры и потому меньше несчастных случаев на этих участках.

Эти три года были самыми счастливыми в жизни Джибраила. Ему было не больше двадцати восьми, внешне — привлекательный, в обращении — прост, приветлив, положение — почетное... Слово его стало законом для всех — от рядового крепыльщика до начальника шахты. Он был желанным гостем в каждой семье, за каждым праздничным столом. На собраниях в президиум первым делом избирали Джибраила. Если из Тбилиси приезжал корреспондент, его обязательно знакомили с Джибраилом. Случись кому-либо не поладить на шахте — просили вмешаться Джибраила. Только вот тамада из него так и не вышел. Не любил, да и не умел Джибраил витиевато говорить, облекать свои мысли в красочную оболочку...

О чем речь, такой парень недолго ходил бы в холостяках. И выбор у него был большой. Но женитьба Джибраила оказалась несколько неожиданной.

На лето из Кутаиси приезжали к ним на практику студенты политехнического института. Руководство треста распределило студентов по лучшим шахтам и участкам. Однажды, придя на работу, Джибраил застал у дверей дежурки невысокую, худенькую девушку с раскосыми глазами. Таких глаз Джибраил еще не встречал! При виде Джибраила девушка почему-то зарделась и протянула ему какую-то бумагу.

— Что это? — Джибраил взял бумагу и, улыбаясь, смелым взглядом избранного успехом мужчины заглянул девушке в глаза.

— Направление, — в черных, цвета спелой ежевики, раскосых глазах девушки вспыхнула неожиданно грозная искорка. Очевидно, девушке не понравилась смелая улыбка Джибраила.

— Направление? — Джибраил улыбнулся еще ласковее.

— Да, — раскосые глаза девушки уже метали искры.

— Хм... — Джибраил, признаваясь, несколько растерялся. — Вы на каком факультете учитесь?... — Джибраил пробежал глазами бумагу. — На горном?!

— Да!

«Ого! — подумал растерянно Джибраил и, признаваясь, сам тоже рассердился: — Смотри, как разговаривает!.. А сама еле сдерживает слезы».

Но со студентами, прибывшими на практику, не следовало излишне шутить. Начальник участка распахнул дверь в дежурку и как можно вежливее пригласил ее.

— Пройдите.

Минуту спустя оба сидели в дежурке — Джибраил за столом, на своем обычном месте, а девушка — напротив, у стены на длинной скамье. Она выглядела более спокойной, но в ее раскосых глазах то и дело мелькал гордый вызов — если что, я и не посмотрю, что ты здесь начальник!

— Значит... — Джибраил не нашелся, что сказать, и спросил: — Практику будете проходить у нас?

— Да.

— Очень... приятно... Мы, конечно, постараемся всячески...

— Благодарю вас.

— Да... Обязательно... — «Я должен еще что-то спросить, — подумал Джибраил, — неудобно» — Да... когда вы приехали?

— Сегодня утром.

— Уже устроились?

— Да. В гостинице.

«Ого, — подумал Джибраил, — видать, у нее есть кто-то за спиной. Иначе у нас в гостиницу не попадешь. Студенты с трудом находят место даже в общежитии».

— Хорошо устроились?

— Неплохо.

— Отлично... — Джибраил выдвинул ящик стола, словно для того, чтоб положить в ящик направление, а сам, пробежав глазами бумагу, прочел имя и фамилию девушки! — Очень приятно, Иринэ, что вас направили именно к нам... Мы, разумеется, всячески... А пока вы свободны... Смена уже приступила к работе, вам, так сказать, нет смысла... Отдохните, посмотрите город. А завтра, когда хотите, приходите... Желательно, конечно, утром.

— Спасибо, — девушка встала и попрощалась с Джибраилом.

На следующий день Иринэ спозаранку уже стояла в дверях дежурки. При виде ее у Джибраила почему-то сжалось сердце. Он вежливо поздоровался с ней, завел в дежурку и представил ее шахтерам. Гостью из города, по-модному одетую и привлекательную, шахтеры встретили недоверчиво.

— Не могла найти себе поспокойней профессию, доченька? — улыбнулся Герасиме.

— В самом деле, — поддакнул, тоже улыбаясь, Архипо Цалуглишвили, предлагая девушке стул.

- Мы сами того и гляди сбежим отсюда, а вы... — заговорили другие.
 — Такая красивая девушка...
 — Не грешно ли? С такой внешностью, да под землю...
 — Тебя в кино должны снимать.
 — Эх, девушка, наверное, надеется, что здесь все механизировано?
 — Наверное, думаете: нажму кнопочки и уголь потечет как речка.
 — В городе все так думают.
 — Ха-ха-ха!..

Джибраил вовремя прервал развеселившихся шахтеров.

— Гостью, дорогой дядя Герасиме, я поручаю тебе. Практикантке надо все показать на шахте. Через неделю Ирине уже будет знать, чем занят под землей такой почтенный человек, как ты, что тебе поручено, как ты с этим делом справляешься. Если она это усвоит, мы будем считать, что ты свое дело сделал. Дядя Герасиме — крепильщик, — пояснил Джибраил девушке.

- Я знаю, что должен делать крепильщик, — сказала Ирина.
 — Знание — одно, а видеть работу своими глазами — другое.
 — Точно, — подтвердили шахтеры.

Ирине тотчас окружили помощники Герасиме, повели ее в гардеробную, подобрали спецодежду.

Женщина под землей — не столь уж редкое явление на наших шахтах. Во-первых, нередкие гости на шахте женщины-инженеры, служащие треста или же сотрудники планового, финансового, технического отделов. Нарядятся они в спецодежду и так смело топают по бремсбергам и штрекам, словно родились и выросли на шахте. Шахтеры относятся к ним доброжелательно и сердечно. Есть на шахтах женщины, которые разносят аммонал. Они постоянно находятся в шахте и пользуются всеобщим уважением.

Шахтеры знали, что женщине под землей работать нелегко, тем более горожанке, такой как Ирина. Но проходил день за днем, а шахтеры не переставали поражаться новенькой. Эта стройная, худенькая девчушка с лукавливкой в раскосых глазах словно рождена была для работы в шахте. Ей не составило труда поменять шелковое модное платье на грубую брезентовую спецодежду и резиновые сапоги. Но не это главное. В самых сырых, темных и душных закоулках шахты Ирине могла проработать восемь-десять часов, ни разу не вспомнив о том, что наверху светит солнце.

Что было тому причиной? Самолюбие? Или любознательность? А может, несколько мальчишеский, дерзкий характер? Трудно сказать... Потом уже, когда прошло время, некоторые говорили — девушке с первого взгляда понравился молодой начальник участка, и все, что она потом делала, диктовало ей сердце. Кто знает...

Герасиме полюбил эту прямодушную, порой резкую и вспыльчивую, но справедливую девушку, как родную дочь. Не отпуская от себя ни на шаг. Шахтеры подтрунивали над ним — не думаешь ли ты, что эта девушка прибыла сюда лишь для того, чтоб изучить крепейные дела. Она должна ознакомиться и с другими профессиями на шахте. Герасиме никого не хотел слушать. Он шутя утверждал, что на шахте главный человек — крепильщик, и снова всюду таскал Ирине за собой. И когда однажды в нижнем забое к отдыхающему Герасиме подсел Архипо и прошептал, что вчера Ирина и Джибраила видели в кино, Герасиме оторопел.

- В кино?!
 — Да потише ты. Ирине рядом, услышит.
 — С Джибраилом?!
 — Тише, говорят тебе.
 — Хм, смотри ты на этого кобеля!
 — Да что ты мелешь?
 — Знаю, что говорю! Мало ему других девушек, он и это дитя стал обхаживать!.. Я ему покажу!..
 — Ты что, взбесился? Парню с девушкой и в кино уже пойти нельзя, по tvoemu... К тому же...
 — Что к тому же?
 — И твоя Ирина уже не ребенок. Знает, наверное, что делает.
 — Ничего, закончит она практику, вернется в город.
 — Скажешь тоже. Можно подумать, что по окончании института она не может вернуться к нам. А вдруг они поженятся. Тебе откуда знать?
 — Поженятся... Она с высшим образованием и...
 — Какое это имеет значение?
 — Имеет.
 — Ну это ты уже хватил! Конечно же, потому Джибраил не может справиться с работой на участке, что закончил всего восьмилетку! Бедный, несчастный Джибраил!

— Да не о том я! Нечего Джибраилу сбивать девочку с толку...

— Знаешь, что скажу я тебе, Герасиме? Никто не назначал тебя защитником Иринэ Карцивадзе. Ей лучше знать, что делать. И потом, не так уж плох наш Джибраил. Хотя, что с тобой разговаривать, все равно все без толку. — Архипо махнул рукой и скрылся в темноте.

Кто знает, может быть, Герасиме и в самом деле решился бы поговорить с Иринэ, предостеречь ее, но Архипо опередил его. Он все рассказал шахтерам. И когда закончилась смена и все повалили в душевую, Иорам Носелидзе, первый защитник Джибраила, накинулся на Герасиме.

— Ты чего вмешиваешься в чужие дела?!

Герасиме, зная нрав Иорама, который бывал невменяем в ярости, решил отмолчаться. Но когда поднял голову, то увидел, что все товарищи осуждающе уставились на него. Понял он, что сболтнул, видать, лишнее. И в самом деле — как он мог подумать такое? При чем тут высшее образование Иринэ? Чем Джибраил хуже инженера с дипломом? А, может, они в самом деле полюбили друг друга? Как же он мог подумать плохо про Джибраила?

— Да перестаньте вы дуться, ребята. Ну виноват я, виноват... Не буду ни во что вмешиваться.

— Так-то вот...

Однажды, возвращаясь из кинотеатра, Джибраил предложил Иринэ прогуляться по берегу реки. Ночь была на редкость лунная и тихая. Они облюбовали на берегу огромный валун, присели и стали слушать приглушенный ропот ночной реки. Прохладная полночь, тишина, разлитая вокруг, глухое бормотанье реки — все было окутано таинственностью. Взглянув на девушку, Джибраил увидел, что она сидит как воробушек, сжалась от холода в комочек. И невольно он почувствовал к ней такую теплоту и нежность, что, сам не сознавая того, обнял ее и привлек к себе.

Иринэ вздрогнула, удивленно взглянула на него и высвободилась из его объятий.

— Ты что?

Джибраил растерялся. Иринэ вскочила, огляделась. На берегу ни души.

— Проводи меня, — резко бросила она.

Они дошли до гостиницы, не проронив ни слова. Иринэ кивнула ему головой на прощание и скрылась за дверь.

Джибраил возвращался в общежитие в смятении. Что с ним творится? Как он мог не сдержаться? А вдруг она выкинет что-то. С нее станет!

Джибраил долго не мог уснуть. Утром он проснулся с головной болью и целый день не находил себе места.

На третий день он встретил Иринэ в дежурке. Она сидела у стены на длинной скамье и тихо разговаривала с Архипо. Старый шахтер явно был польщен беседой с ней.

— Конечно, о чем речь... — повторял он, — конечно же... Да, верно...

Иринэ окинула Джибраила безразличным взглядом и продолжила разговор с Архипо.

Джибраил молча сел за стол. Шахтеры, конечно, тотчас заметили, что Джибраил смутился, увидев Иринэ. И едва распределили работы, как все поспешили покинуть дежурку.

Иринэ и Джибраил остались одни.

— А мне куда идти? — девушка посмотрела Джибраилу прямо в глаза. А у самой глаза лукавые, так и искрятся.

— Вы... Скорее всего, снова к Герасиме Цнобиладзе.

— Цнобиладзе уже научил меня всему, что знает...

— Тогда...

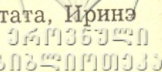
— Что тогда?..

— Воля ваша... К кому хотите...

Иринэ резко вскочила, схватила свой шлем и, бросив на Джибраила презрительный взгляд, выбежала из комнаты, громко хлопнув дверь.

А поздно вечером, когда звезды щедро усеяли небо, они лежали в высокой траве на берегу реки.

Они уже не могли жить друг без друга. Осенью Иринэ получила диплом, приехала к Джибраилу и устроилась на работу в техническом отделе треста. На той же неделе они поженились.

А то, что у Джибраила не было не только диплома, но даже аттестата, Иринэ узнала через год.

В тот вечер Иринэ чувствовала себя особенно счастливой. Джибраил лежал навзничь на широкой тахте. Иринэ легла рядом, обхватила его руками и положила голову ему на грудь.

— Бьется... — Она произнесла это таким тоном, словно обнаружила что-то необычайное.

— В самом деле? — улыбнулся Джибраил.

— Как бьется!.. Вот что значит быть молодым... А ты сильный, Джибраил?

— Так себе, — снова улыбнулся Джибраил.

Иринэ потрепала его по волосам, приподнялась и посмотрела в глаза.

— Сколько тебе сейчас лет? Двадцать девять, так?... Когда тебе будет тридцать пять, ты будешь уже управляющим трестом!

— Не выдумывай!..

— Кто же еще, как не ты, может быть здесь управляющим?

— Найдется...

— Нет, не думаю... Только ты молчи, не будем говорить об этом, хорошо?

Об этом должны знать только ты да я.

— Будь по-твоему.

— А потом тебя переведут в Тбилиси. Да! Если ты захочешь, ты можешь стать даже министром...

— Не то время, Иринэ...

— Что?

— Говорю, не то время, чтоб министром назначали человека с восьмиклассным образованием.

— С каким?

— С восьмиклассным.

— У тебя что, всего восьмиклассное образование? — недоуменно спросила Иринэ.

— Нет...

— В чем же дело? — Иринэ уперлась локтем о диван и уставилась на мужа.

— Помнится, недели две я еще ходил в девятый класс.

— И что же?

— Да ничего.

Иринэ вскочила, села на стул, поправила волосы: в ее раскосых глазах застыло недоумение.

— Ты говоришь правду, Джибраил?

— Конечно...

— Значит...

— Об этом, Иринэ, нам, наверное, следовало поговорить раньше.

— Повремени. Ты что, шутишь?

— Нет, Иринэ, это правда.

— А как же назначили тебя начальником участка?

— Не нашли лучшего...

— Почему ты молчал до сих пор, Джибраил?

— А ты не спрашивала... Да и потом... Скажи я тебе об этом, ты бы не вышла за меня замуж.

— Теперь.. Как же это... — Иринэ не находила подходящих слов. — Значит, ты все время лгал?..

— Ну-ну! — Джибраил вскочил, подхватил ее как ребенка и прижал к груди. — Что ты говоришь, соображаешь?

— Отпусти.

— Нет, скажи, ты соображаешь, что говоришь?

— Отпусти...

— И не подумаю, — Джибраил бережно опустил ее на тахту и припал к ней горячими губами.

Перевод Викторни ЗИНИНОЙ

Продолжение следует

Вахта у огненного ручья

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ начинание руставских металлургов «Ни одного отстающего, ни одного нарушителя социалистической дисциплины — рядом!» всколыхнуло трудящихся нашей республики. Оно одобрено Центральным Комитетом Компартии Грузии, его подхватили коллективы

всех предприятий Грузии. Колхозники из села Тквири Абашского района последовали этому почину, они поставили вопрос о том, что колхозное крестьянство республики может и должно трудиться так же организовано и эффективно, как трудится наш славный рабочий класс. Ткви-

цев поддержали сельские труженики Кахетии, Западной Грузии, Аджарии, Абхазии, Юго-Осетии.

Образно говоря, почин обрел крылья, стал действенным инструментом превращения десятой пятилетки в Грузии в пятилетку качества.

«Ее огненное величество» — так величают иногда мартеновскую печь. Что сравнится по красоте с той минутой, когда сквозь летку ослепительной струей льется жидкая сталь!.. В эти минуты землю и стены и даже небо над цехами красит зарево от расплавленного металла, похожее на утреннюю зарю. И сколько бы раз ни приходил я на Руставский металлургический, сколько бы раз ни глядел на сказочный поток, неизменно охватывает меня чувство восторга и гордости за тех, кто стоит у печей.

Именно в мартеновском и возник почин.

...На заслуженный отдых провожали Григория Берекашвили, сталевара, «огненных дел мастера», отдавшего мартену целую жизнь — двадцать лет. Теплые, идущие от сердца слова говорили ветерану товарищи по труду, секретарь парторганизации мартеновского цеха Ношреван Шеварденидзе, друзья.... Внезапно возникла пауза. Наступившую тишину взорвал срывающийся от волнения голос Омара Цитлидзе, ученика Берекашвили, сталевара с семнадцатилетним стажем.

— Мы провожаем Григория. Все мы, остающиеся, обязаны ему... Обязаны очень многим: мастерством, волей, мужеством... Да, работать мы научились. Он научил нас этому. Но научил быть и людьми, настоящими людьми. А раз так, то можем ли мы терпеть рядом прогульщиков, лодырей, нерадивых? Мы, коммунисты, отвечаем за все. Я предлагаю — работать так, чтобы не было рядом ни одного отстающего, ни одного нарушителя дисциплины!

Так родился почин. Родился как логическое продолжение перемен, позитивных процессов, происходящих в нашей республике. Родился в условиях всеобщей борьбы за претворение в жизнь решений XXV съезда партии и июньского постановления ЦК КПСС по партийной организации Грузии.

Время само выдвинуло задачу развития борьбы за укрепление социалистической дисциплины вширь и вглубь, люди ощутили, почувствовали ту огромную роль, которую могут и должны сыграть моральные факторы, ставшие экономическими.

Главным была, конечно, нравственная атмосфера в республике, курс, взятый Центральным Комитетом Компартии Грузии на укрепление социалистической дисциплины, повышение роли партийных организаций и каждого коммуни-

ста в отдельности. Это основа, на которой родился замечательный почин ру- ставцев.

Борьба за укрепление дисциплины на Руставском металлургическом заводе как бы составной частью борьбы за человека вообще. Ведь не секрет, что встречаются еще люди хотя и дисциплинированные, но равнодушные, без того горения, которое делает любой труд не только эффективным, но и красивым.... — ...Таким, как труд Омара Цитлидзе, Юрия Гургенидзе, Георгия Цирамуа и других прославленных мастеров, — уточняет секретарь парткома Руставского металлургического завода Котэ Бакарадзе.

Почему инициатором этого движения стал именно Омар Цитлидзе? У него на это было моральное право. Право, завоеванное семнадцатью годами, проведенными у первой печи, которая была для него первой не по одному лишь ее номеру. Право, подтвержденное его особой нравственной силой, которую чувствует в нем каждый. Право человека, не допустившего за все годы работы ни одного нарушения трудовой дисциплины. И наконец, право первого ученика прославленного учителя — Берекашвили.

Сегодня Омар Цитлидзе варит сталь в среднем за шесть часов тридцать минут вместо положенных по норме восьми.

Но он не только варит сталь. Он воспитывает Нодара Шаншинашвили и Георгия Гургенидзе, совсем недавно пришедших на завод из ПТУ. Он учит их трудному искусству повелевать огнем, учит быть честными и смелыми, добрыми и строгими. Учит так, как учил его самого Григорий Берекашвили.

...Если заглянуть в завалочное окно работающего мартена, можно увидеть, как рождается сталь. Но не сразу рассмотрим главное... Оглушительно ревет огненный ураган под хромомангезитным сводом, дыбятся гребнистые оранжевые всплески и стекают по доломитовому порогу золотистые ручейки.

Но вот подручный разделяет отверстие, и огненная струя устремляется по желобу в многоотный ковш.

Омар доволен. Он смотрит на часы. Заносит в записную книжку еще одну цифру, свидетельствующую о том, что плавка опять выдана раньше времени. А это — новые десятки сверхплановой грузинской стали.

Омар Цитлидзе:

— О нашем почине написано уже немало, сделаны экономические выкладки, подсчитано, что даст производству каждый сэкономленный час, каждая сэкономленная минута. И это правильно. Ведь труд наш измеряется не красотой и звучностью слов, которые мы произносим, а конкретными тоннами металла. Но и к словам, я думаю, тоже надо относиться с почтением. Ведь когда наш товарищ Отар Ломидзе получил телеграмму от Леонида Ильича Брежнева, это вызвало огромный трудовой подъем, и в результате — сотни тонн сверхпланового металла. Вот я сказал о сэкономленных минутах — а считая у них по часам, по своим стареньким наручным часам, которые отец подарил мне, когда я кончил десятилетку. Я понял отцовский подарок так: береги время, оно уходит навсегда... Отец знал цену времени: он отвоевал войну, вернулся израненный и не успел в своей жизни сделать многого из того, что хотел и мог. Я часто думал об этом, и для меня любое нарушение дисциплины, любое отставание стало означать попросту потерю времени... Вот Леонид Ильич Брежнев говорил на Пленуме, что мы теряем из-за расхлябанности, из-за безответственности миллионы человеко-дней. Но ведь это и есть попросту растраченные жизни — жизни людей, которые живут рядом с нами.

Омар прав. Он переводит сложный язык экономики на доступный всем язык нравственности.

Уходя на пенсию, Берекашвили сказал Омару: «Я оставляю тебя, Омар, ты можешь и должен работать хорошо, но ты не можешь быть спокоен, если товарищ рядом с тобой не так хорош, как ты сам». Слова эти упали на благодатную почву. Их подхватил Омар, подхватили Гургенидзе и Цирамуа, подхватили все сталевары. «Рядом с нами не должно быть ни одного отстающего, ни одного нарушителя социалистической дисциплины» — стало их девизом. Вот так и родился почин. Из простых, но мудрых слов.

Древний город ремесленников и кузнецов, город мудрецов и воинов Рустави, стоял на семи ветрах, был богат и славен... Жители его писали книги, ковали мечи, чеканили, ткали... Но черной тучей налетели на Грузию орды Тамерлана. Огнем и мечом пронеслись они по всей земле грузинской, оставляя за собой развалины и пепелища. Город Рустави обратился в руины.

Было это много столетий назад...

Шел 1944 год. Советская Армия вела большие наступательные бои. А в руставской степи царил тишь и безлюдье. И вдруг степь наполнилась грохотом автомашин и строительной техники. Сюда прибыли первые отряды строителей Руставского металлургического завода. И едва забрили в сухую неподатливую землю первые колышки, как на металлургические заводы Донбасса были

направлены тысячи грузинских юношей... Через несколько лет они вернутся в Рустави уже знающими металлургами.

..Еще пылает война. Но тут, на этой опаленной солнцем и историческими грозами земле, поднимается, словно сказочная птица Феникс, Рустави. Он будет давать Родине металл и минеральные удобрения, цемент и башенные краны. Он будет творить, созидать, расти и мужать год от года. И смело смотреть в будущее.

Вы спросите, почему именно здесь решено было возвести новый город? Что это — прихоть проектировщиков или желание романтиков воскресить красивую легенду?

Нет. Древний Рустави не случайно стоял на перекрестке торговых путей. Центром нового Рустави стал металлургический гигант. Собственно говоря, город начинался с завода. Руда — из гор Азербайджана, из Дашкесана, уголь — из Ткибули и Ткварчели. Заводу и городу требовалась вода — ее дала Кура.

И как символично, что к возрождению древнего Рустави советский народ приступил, когда еще лежали в развалинах города, безлюдны были деревни и села.

Когда-то великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе, мечтавший о том, чтобы Грузия имела хотя бы двадцать—тридцать своих инженеров, написал вещице строки:

Настанет день, и на земле жестокой
Вражда и скорбь исчезнут без следа
И утвердится светлый мир труда
Во всеоружье истины высокой.

Да, это оказались вонстину пророческие слова. Со всех концов страны шли в Рустави эшелоны, груженные строительными материалами, заводским оборудованием. С жарких полей войны сюда приходили отслужившие свой срок танки, самоходные артиллерийские установки, бронетранспортеры. Те, кто снимал солдатскую шинель, принимался за мирный созидательный труд. Металл должен был вновь пройти через горнила мартенов, чтобы возродиться к новой жизни.

Сегодня Руставский металлургический — одно из крупнейших предприятий страны.

Качество... Творчество... Рабочий-творец... Инженер-творец. Сегодня специалистов, о которых мечтал Илья Чавчавадзе, в Грузии десятки тысяч. Именно они зажгли яркий огонь всенародного почина.

Почин недаром родился в Рустави. Здесь трудятся люди сорока национальностей. На примере Рустави прекрасно видна великая сила союза свободных наций.

А улицы Рустави сливаются в площадь, которая названа площадью Дружбы народов.

Это сама жизнь, точнее — наш советский образ жизни.

Советский образ жизни, ленинская дружба народов — вот куда уходят корни рождения и нынешнего почина руставцев.

И здесь нельзя не вспомнить слов из выступления Емельяна Курганидзе: «На октябрьском Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «Наша пятилетка — это ленинская политика дружбы народов, переведенная на язык экономики». Формула эта прозорлива и мудра. И можем ли мы, люди, читавшие это высказывание, выпускать низкокачественную продукцию? Ведь наш металл идет буквально во все уголки страны! Что же скажут, что подумают о нас наши друзья, если Руставский металлургический завод станет им поставлять некачественный прокат или трубы с дефектом? Они скажут, что руставцы не выполняют своего братского долга, что они — плохие братья. Допустить этого мы не можем...».

Первая руставская сталь была выплавлена более четверти века назад — 27 апреля 1950 года, а с конца 1955 года завод стал работать по полному металлургическому циклу, выдавая сталь, чугуны, кокс, трубы, лист, мелкосортный прокат.

Побывайте сегодня в цехах Руставского металлургического завода: десять лет назад скоростную плавку давали за десять часов. Сегодня ее выдают за два с половиной часа. А мартен, если и изменился, то совсем ненамного. Изменились люди. Может быть, они стали сверять свои часы с часами Омара Цитлидзе? Да, именно так. Наверное, это и называется «подхватить почин».

Превратить десятилетку в пятилетку эффективности и качества — такую задачу поставил XXV съезд КПСС. Выступая на октябрьском Пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК нашей партии тов. Л. И. Брежнев подчеркнул, что «...надо научиться более эффективно бороться за повышение эффективности. Это позволит значительно увеличить выпуск промышленной

продукции со Знаком качества — не в два раза, как намечено проектом пятилетнего плана, а в гораздо больших размерах».

Трудящиеся Грузии призваны взять и этот рубеж. Значит, нужен план-дарм. Где он? В дисциплине, в сознательной, социалистической дисциплине. Руставские металлурги, если говорить образно, сумели ухватиться за главное звено в цепи, они нашли ту точку приложения сил, на которую сделал такой четкий упор Генеральный секретарь нашей партии в своей речи на октябрьском Пленуме ЦК КПСС. На заводе разработали план социального развития коллектива, он будет претворяться в жизнь вместе с реконструкцией завода. Для этого здесь есть все предпосылки.

— Леонид Ильич Брежнев в своей речи на Пленуме прямо подчеркнул: потребности наши растут, и мы должны давать дополнительные задания по производству нефти, газа, угля, стали, проката и цветных металлов. Сталь — это о нас сказано, а прокат — просто-напросто касается лично меня, — говорит Емельян Куртанидзе, трубопрокатчик Руставского металлургического завода, депутат Верховного Совета Грузинской ССР. — Тысячу тонн проката сверх плана дадим мы в четвертом квартале. И стали тысячу тонн. И пятьсот тонн готовых труб. Работы столько, что, как говорят, только успевай поворачиваться.

Наверное, не многие знают, что стан для проката был изобретен Леонардо да Винчи. Конечно, современные станы лишь отдаленно напоминают модель, созданную великим итальянцем. Но примечательно, что именно он, художник и мыслитель Возрождения, стоял у колыбели прокатного дела. Прокатка — высокое искусство. И сегодня ее стремятся усовершенствовать на Руставском металлургическом.

Здесь уверенно осуществляется курс на автоматизацию и механизацию производства. В свое время за комплексную автоматизацию трубного стана группа работников завода была удостоена Ленинской премии.

А недавно Государственной премии СССР за 1975 год удостоен Андрей Аполлонович Руруа, заведующий отделом Всесоюзного научно-исследовательского проектного института «Автоматпром» в Рустави.

Член технического совета Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР, он получил ее за создание и промышленное освоение на Первоуральском новотрубном заводе адаптивной системы с идентификатором («АС») для управления технологическим процессом горячей прокатки труб.

...Раскаленная трубная заготовка подплывает к прошивному стану, забьется, словно пойманная птица, и последует дальше, к раскатному стану. И здесь уже за дело принимается автоматика...

Руставские трубы, известные сейчас не только в нашей стране, но и за рубежом — почти в тридцати странах мира, продолжают совершенствоваться.

— Недаром на эмблеме нашего завода изображена труба, а в ней ковш, из которого льется расплавленная сталь, — стараюсь перекричать рев мартена, говорит Омар Цитлидзе. — Не раз ее, огненную, сравнивали с огнем, принесенным людям легендарным Амირани.

...И вновь я возвращаюсь к мартенам, туда, где родился почин. Рвутся, хлещут флаги ослепительного пламени. Без синих очков смотреть на него безнаказанно можно всего несколько секунд. Нестерпимо жарко, даже на расстоянии десяти метров от печи. Вблизи же, если ты не закален огнем, не простоишь и двух-трех секунд. И его все-таки Омар Цитлидзе назвал любимым и добрым. Он любит этот цех, этот труд, эти печи.

Человеком свободного труда, поистине подлинным хозяином своей судьбы, творцом, созидателем стал за эти годы грузинский рабочий. Всмотритесь сегодня в лица инициаторов руставского почина. Вы увидите увлеченность и вдохновение. Человек творит главное дело своей жизни, посвящая стране, республике свой талант, свое умение, свой труд.

Ни днем, ни ночью не гаснут огненные сполохи над домами и мартенами, не знают покоя прокатные станы. Трудная, мужественная профессия металлурга с поразительной силой влечет людей.

Бернарду Шоу принадлежат слова: «Счастлив тот, кого кормит любимое дело».

Так вот, для руставских металлургов — сталеваров, доменщиков, прокатчиков, словом, для тех, кто произнес призывные слова почина, их работа, их дело — дело всей их жизни, мало того — их трудное счастье.

Это только кажется, что река металла живет считанные минуты, когда идет плавка. Нет, у нее бессмертная жизнь. В арках мостов и трубах, в самолетах и кораблях, тракторах и космических ракетах — высокий труд сталеваров!

Серги ЧИЛАЯ

**Критика
и литературоведение**

...ПЕСНЬ БРАТСТВА НАПОЛНЯЕТ ГРУДЬ

РЕВАЗ МАРГИАНИ пришел в литературу в начале тридцатых годов, в период, когда в грузинской советской литературе и в развитии всей нашей духовной культуры наблюдался большой подъем. Этот взлет поэтической и художественной мысли произошел не без участия талантливой плеяды молодых поэтов. Двери грузинской литературы одновременно распахнулись для Ладдо Асатиани, Реваса Маргиани, Иосифа Нонешвили, Алеси Саджая, Мирзы Геловани. И в этой пятерке Р. Маргиани сразу же занял одно из почетных мест.

Его поэтическое крещение состоялось в студенческие годы, в Тбилиском государственном университете, где он впервые прочел свое стихотворение «Мирангула», которое, как паспорт, удостоверяет его поэтическую личность.

* * *

Где ты, сын мой Мирангула?
Валит снег над нашей башней.

Ночь в окошко заглянула,
и остыл очаг домашний.

Смокла наша чианури,
вся от дыма почернела...

Помнишь, как во время бури
ты играл на ней умело?

А теперь среди метели,
знать, забыл ты мать родную?

Вспомни, сын мой, не тебе ли
чоху сшила я цветную?

Над горами вьюга стонет,
замело тропу метелью;

ветер снег к Тетнульду гонит,
завывая по ущелью.

Ночью долгой и бессонной
глаз я нынче не сомкнула.

И поет очаг зажженный:

— Где ты, сын мой Мирангула?

На дворе сегодня холод,
воет пес о корке хлеба.

Распахнув свой черный ворот,
серебро швыряет небо.

Может, сбился ты с дороги
иль засыпан ты обвалом,
где ущелья, как берлоги
стонут в кашле небывалом,
где во мраке раздастся
сонный плеск воды падучей,
где туман холодный вьется,
как башлык, над горной кручей?

Если б к башне материнской
ты вернулся волей неба,
если б ты имеретинской
соли нам привез и хлеба,
не тужили б мы о пище —
хлеб в хозяйстве пригодится,
соль украсит нам жилище,
словно красная девица.

* * *

В башне темной и унылой
я сижу, обьята дрожью.
Как пройдешь ты, сын мой милый,
по такому бездорожью?

А ведь ты быстрее Энгური,
крепче Ушбы ты могучей,
что глядит на нас понуро,
увенчав вершины тучей!

Даже звезды в эту вьюгу
в небесах заледенели,
цепи гор, склонясь друг к другу,
стали белы от метели.

* * *

Пробиваясь сквозь заносы,
я иду к тебе навстречу,
вон обвал летит с откоса,
бедных пугников калеча...
Мирангула, сын мой милый,
не видать тропы вчерашней,
свет погас... Знать, я забыла
затворить ворота башни...

обновляющей струей, придав народной мудрости этого края возвышающий и обобщающий характер. Возьмем, к примеру, стихотворение «Она онале», в котором на ритме двух слов построена вся инструментовка стиха, а эмоциональная сила оригинальной интонации опирается на поэтизирование слов:

Она онале.
Сердце радо на земле
щедрым лозам винограда,
колосистым нивам радо.
Обойти всю землю надо.
Она онале.

Она онале.
Этот лунный свет во мгле —
только крохи сновидений.
Этот трепет светотени —
только след былых мгновений
на листе и на столе.
Она онале.

(Перевод А. Тарковского)

По этому же поэтическому принципу написано и стихотворение «Ойда нанаила»:

Ойда нанаила.
Жгло меня, палило, —
мне твой жар не страшен,
где твой пламень жгучий?
Вкруг меня — сто башен
да горные кручи.

По леднику — света
отблеск златокрылый.
Уж не ты ли это
глаза приоткрыло?
Ойда нанаила.

(Перевод А. Тарковского)

В стихи, написанные на сванские мотивы, оригинально вплетены песни солнца, гор, сванский ритм этих гимнов. Они так органически сочетаются с тканью воспоминаний и сказаний об Ушбе, Шхельде, Горваши, Ингури, Мулахи, что мы имеем все основания говорить об обогащении грузинской поэзии новыми интонационными мотивами. И именно Реваз Маргиани, открыл и утвердил в грузинской поэзии эту поэтическую интонацию.

Вижу я в Мулахской роше
Скот, ревущий поневоле,
Где с тоской средь трав нетощих
Отрубей он хочет, соли.

Вышел,
Посмотрел я, люди,
На Латпари — сердце просит,
А бараны на Тетгульде
Солнце на рогах возносят!

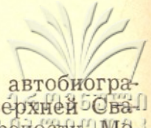
(Перевод Н. Тихонова)

В цикле стихов о Сванетии элементы историзма оригинально соотносятся с изображением современности, а поэтическая тональность, исключительное эмоциональное напряжение придают им большую внутреннюю теплоту. Народные песни, мотивы гимнов горам и солнцу использованы для утверждения на матери земле света, красоты и гармонии. Эта интонация позволяет объединять времена, века, пространства. На этой основе и происходит чередование «древних и новых историй». Поэт физически и духовно ощущает аромат и близость гор. Красота гор и лесов, храмы и крепости-башни, построенные предками ценой пота и крови и оставленные как завещание последующим поколениям, обязывают нас свято их хранить и оберегать. Этот мотив неразделимого психологического настроения между внешним миром и человеческим ощущением пронизывает весь сванский цикл стихов Реваса Маргиани. И все, что нарушает эту гармонию, вызывает осуждение поэта.

Преступное опустошение лесов Сванетии рождает у него непримиримость и страстный протест, он видит в этом опасность для продолжения жизни вообще и поэтому призывает глубоко задуматься над необходимостью гармоничной связи между природой и человеком. Чем больше на родной земле лесов и гор, садов, цветов и лугов, тем богаче человек, тем полноценнее каждое его соприкосновение с прекрасным.

Поэзия Реваса Маргиани просто дышит любовью к природе. Подлинная мера глубины его поэзии — это проповедь гармонии природы.

Реваз Маргиани родился в 1916 году в селе Мулахи. «Мулахи расположено в свободной Сванетии и удалено от Ушгули на 25 верст» (Виссарий Нижарадзе — «Историко-этнографические письма»). Семья Маргиани считалась в тогдашней Сванетии весьма просвещенной. Дед Дариспан Маргиани окончил учительскую семинарию. Все свои знания и энергию он посвятил распространению просвещения среди сванов. Детей воспитал тоже образованных. Один из них, отец Реваса Маргиани — Акакий Маргиани публиковал стихи под псевдонимом Свани. Мать поэта была из Имеретии. «Детство и отрочество я провел

в Сванетии и Имеретии, в имени матери, — пишет поэт в своей автобиографии. — В моей жизни сменяли друг друга пейзажи высокогорной Верхней Сванетии и гористой Верхней Имеретии, башни Мулахи и Месгиа, крепости Мудинахе и Шорапани». В родные места отца, в Мулахи, мальчика везли на сванской лошади с перекинутыми хурджунами проездом через Зугдиди — впереди следовал дед, а сзади ехал отец. Рокот Ингури и грохот гор сопровождали путников на всем пути их следования. Это путешествие продолжалось целых три дня. Ночи проводили в палатках, а днем продвигались все вверх и вверх, узкими тропами по берегам Ингури.

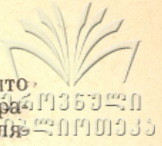
Высокое небо и роспись гор на нем, рокочущий Ингури — все это богатство красок с детства пленяло сознание будущего поэта. Любовь к этим горам и долинам, к Мулахи, Тетнульду, Ушгули, Ингури он пронес через всю свою жизнь как вечный источник вдохновения.

В доме деда в Мулахи, в кухне, пристроенной к большой башне-крепости, накрывали стол, и до поздней ночи звучали раскатистая грустная песня «Лилео», величальная солнцу, благословляющая животных, хвалебный гимн горам, умилосердствующий покровительницу охотников Дали. А ночью ему снилась она сама. По мнению сванов, писал Виссарион Нижарадзе, охота — это наследственный дар. Покровитель охотников — святой Георгий может послать охотнику тура. Дали, живущая в скалах, жалует охотника своим расположением, и тогда он удачлив в добыче. Но охотник, увидевший Дали, не должен выказывать это, потому, что тогда «Дали разгневется и бросит его на скалы».

Рядом с крепостью-башней Маргиани на возвышении стояла маленькая церковь с огромными колоколами. Звон их оповещал о праздниках, нашествиях врагов или каких-либо иных событиях. А какое прекрасное зрелище представляет собой сванский праздник: рослые, осанистые мужчины, стройные как косули и грациозные женщины под горячие звуки бубна водят хоровод, потом затягивают песню, возвеличивающую солнце, — гимн Лилео. Осень сменялась зимой, участок Маргиани скрывался под большим снегом, каждое утро прокладывались дорожки к соседям, чтобы иметь возможность попросить соль или разделить с ними дичь, — контакты с соседями не прерывались даже в самые трудные зимние дни. Рассаживавшиеся вокруг очага дети слушали рассказы Дариспана Маргиани — главы большой семьи. На дворе шел снег, но вился огонь в очаге, и в доме все время поддерживалось приятное тепло. Мужественные сваны не сдавались суровой морозной погоде и шли охотиться за пределы деревни, возвращаясь с сосулей или оленем, серной или туром. По этому поводу возникал праздник, дележ и заготовка дичи впрок. Снег все шел, а в доме над огнем поворачивали большой шампур с добытым на охоте оленем. Стоял густой аромат приготавливаемой пицци. А потом эти картины откладывались в сознании юноши и рождались образы, не дававшие ему покоя долгими зимними ночами. Проходила зима, и лишь в конце весны, в апреле, сюда заглядывало солнце. Теперь село жило уже новыми, весенними заботами. Это было детство. Потом частый гость родных мест — поэт вновь и вновь переживал это, восстанавливая в памяти эпизоды детства, сидя у родного очага за накрытым столом, с большим деревянным блюдом. Сидели на низких сванских скамьях, ели и пили водку и по сванскому обычаю пели Лилео, вознося хвалу солнцу. Эти прекрасные дни детства стали неотъемлемой частью поэзии Р. Маргиани, запылавшей пламенем чудесных поэтических строк. И когда опорожнился его хурджин, набитый образами, мотивами, интонациями сванского стиха, поэт вновь устремлялся к своей родной Сванетии.

А потом он возвращался в любимый Тбилиси, где заканчивал среднюю школу, где пять лет учебы в университете навсегда остались незабываемой порой юности. В университете и произошла моя встреча с Ревазом Маргиани. Я был уже аспирантом, а Реваз Маргиани, Вахтанг Челидзе и Алеша Саджая студентами третьего курса... Это была золотая пора грузинской поэзии. В расцвете сил были Галактион Табидзе, Тицян Табидзе, Паоло Янвили, Георгий Леонидзе, Иосиф Гришашвили, Симон Чиковани, Алио Мирцхулава, Карло Каладзе. Происходило большое соревнование поэтических голосов, и Реваз Маргиани пока еще только наблюдал за ним. Потом он включился в него и стал младшим собратом его участников. И вот «Рассада» (название одного стихотворения Р. Маргиани), перенесенная из Сванетии в долину, крепко пустила корни в Тбилиси.

Именно в образе «рассады» представляются поэту золотые годы детства и юности. Сванетия же — как материнское лоно до конца остается неиссякаемым источником непоколебимости духа, что подчеркивается в его поэзии на протяжении всего творчества. Это патриотическое чувство не имеет ничего общего с местничеством, огражденным забором. Это истинный патриотизм, освещающий путь и укрепляющий чувство большой единой Родины.

Реваз Маргиани очень многогранен как художник. Литературу принято считать человековедением. Объектом любого жанра художественной литературы является духовный мир человека. Возможности его раскрытия и являются основным критерием достоинств любого художественного произведения и для поэтической лирики. Тем более что в ней все пристокает из личных, собственных переживаний и настроений.

Сменялись эпохи, видоизменялись формы раскрытия внутреннего мира человека. У различных литературных направлений было различное понимание отображения личности. Символисты, например, представляли свое «я» в отрыве от общества, великие реалисты же рассматривали личное «я» во взаимной связи с обществом. И именно советская литература утвердила в лирике принцип неразрывного единства личного и общественного. Каждое движение человеческой души должно быть отображено в лирике с позиций именно такого единства.

Лирический герой Реваза Маргиани полноправный член нового поколения советского общества, и потому в нем в высшей степени развито чувство ответственности перед ним. Критический ориентир в этой сложной общественной жизни он находит в слиянии своей судьбы с нею. Жизнь постоянно вносит свои коррективы в развитие нашего общества, и поэт обязан разглядеть, предвидеть и правильно оценить все сдвиги и тем помочь человеку — строителю будущего.

Творческий путь Реваза Маргиани пролегал по трудным жизненным дорогам. В годы Великой Отечественной войны он штыком и пером дрался на Керченском полуострове. Размышления о войне, страстная мечта о ее победном конце, боль и радость — все высказано в его стихах. И все это — не увиденное издали, а непосредственно пережитое.

На войне с особой отчетливостью выявляются и сильные стороны человеческого характера, и его слабости. В лирике военных событий и стихии войны более ясным становится смысл человеческой жизни, цена ее спасения.

Особенно глубоко это осознается поэтом — участником войны и бесспорно придает всему военному циклу стихов Реваза Маргиани большую непосредственность и своеобразие:

Вчера получил от тебя я конверт,
Его на груди я ношу,
Ношу, как сокровище, как амулет,
О нем никому не скажу.

О чем горевала ты? Жизнь без меня,
Я знаю, тебе тяжела...
А пишешь мне, втайне тревогу храня,
Что весело ты прожила!

Вчера лишь друзья его отдали мне,
И вскрыл я письмо, торопясь;
Шуршал снегопад, и снежинки во тьме
Спускались на плечи, кружась.

Утешься! Война отгремит, и опять
Увидим мы счастье свое.
Ведь вся наша жизнь — это Родина-
мать,

Свобода и радость ее.

С улыбкой не раз перечитывал я
Письмо, и — опять перечту;
И болью наполнена дума моя:
Я весь превратился в мечту.

Тебе покажу я письмо-амулет,
Вернувшись домой по весне,
А в сердце останется горести след,
Как память об этом письме.

Когда ты писала, родная, его, —
Не лги, — ты печальна была,
Хоть обе страницы письма твоего
Вещают, что ты весела.

Пока ж не вернусь, дорогие слова
Не раз прошепчу я в разлуке:
— Полевая почта 72,
Маргиани в собственные руки.

Неправда! Хоть плакала ты вдалеке,
Но слезы тебя выдают:
Они расплылись по чернильной строке —
Подтеки от них там и тут.

(Перевод П. Шубина)

Какая эмоциональность, образность в передаче душевных переживаний, связанных с получением поэтом-воином письма из дому. Беды этой войны вошли буквально в каждый советский дом. Победа добывалась ценой величайшего физического и духовного напряжения. В цикле стихов Реваза Маргиани об Отечественной войне непосредственные картины и эпизоды войны сменяются описанием глубоко личных, интимных, драматических эпизодов и так создается ткань обширной панорамы военных лет. Проблематика военной темы у Р. Маргиани отличается необычайным многообразием. Ужасы войны тесно переплетены с любовной лирикой, интимными переживаниями, и это порождает спокойствие духа, недолимую веру в победу над врагом. Поэт находит все новые и новые ракурсы изображения военных событий в окопах, в семье, в самых неожиданных ситуациях, новые грани для передачи человеческих переживаний.

Стихи Реваза Маргиани, написанные в окопах при вспышках взрывов, служили воинам отдушиной и утешением в их многотрудных боевых походах, поддерживали дух матерей, сестер и братьев, проводивших своих близких на фронт. Лично испытав жесточайший шквал войны, поэт в своем видении и отражении ее не находил повода для тоски и безысходности. Он понимал, что его стихи нужны, чтобы развеять боль матери и облегчить народу страдания, причиненные войной.

Проблемность и масштабность — бесспорные достоинства этого цикла стихов Реваза Маргиани. Здесь со всей отчетливостью раскрылись гражданский идеал и миропонимание поэта. В ходе смертельной схватки между добром и злом, в этой бескомпромиссной войне Реваз Маргиани постоянно внушал своим читателям глубочайшую веру в победу. Но и по сей день он вновь и вновь возвращается к теме войны, заново исследует, осмысливает и по-новому представляет события военных лет, нравственную и этическую чистоту советских людей, их красоту и величие духа. Здесь мы имеем дело с поэтично-эмоциональным отражением явлений, а не с иллюстрацией событий. Поэт заменяет модели военных лет новыми моделями, обогащает, наполняет ранее патетическое повествование эмоционально окрашенными лирическими акцентами. Эхо войны и по сей день звучит в его стихах. А может ли забыть солдат войну? И как забудет ее поэт, прошедший сквозь огонь и испытания военных дней, хотя все уже смотрят сейчас в безоблачное небо:

Возьми стакан! И плеч не сгорбив,
Скажи, исполнен юных сил:
Мы не забудем даты скорби,
Тех наспех вырытых могил.
Мой друг и брат, мы все — за плугом.

Но если мы их ратный труд
Забудем —
Братом или другом
Нас в мире сем не назовут.

(Перевод В. Соколова)

Война с особой остротой заявила о проблеме жизни и смерти. В стихах Р. Маргиани мы находим множество вариаций раскрытия этой темы. В этом смысле представляет интерес большое сюжетное стихотворение «Мирза Геловани»:

Думал ты о земле родной,
в огневой вступая бой,
дым рассеивая штыком,
не робея перед врагом.
Честным, доблестным мужем был,
чи кристальны и дух, и пыл,
с чистой совестью, полный сил,
человечности верный сын.

Словно ты от рожденья, брат,
и поэт был, и был солдат.
Пояс воина — на тебе.
И перо твое при тебе,
жадно жаждавшее труда
в час, как смертная шла страда.

(Перевод В. Соколова)

Истинная поэзия, утверждающая жизнь, добро и свет, — это активное проникновение в природу, в многообразие жизни и призыв к неиссякаемому стремлению к прекрасному.

И для меня самое главное и дорогое в поэзии — это умение будить мысли и чувства людей, звать их к вечному движению, заряжать стремлением к прекрасному, каждой и страстью к преобразованию жизни.

У поэта есть гражданское и общественное право говорить с одинаковой страстью и болью о жизни и смерти. Но я не сторонник поэзии, оплакивающей «самих себя еще при жизни». Поэтическая мысль о том, что не смерть, а жизнь является украшением этого мира, стремление пробудить в человеке ощущение прелести жизни, возбудить в нем чувство красоты, заставить преодолеть, поправить смерть — в этом истинное назначение поэзии. Все творчество В. Маяковского и Г. Леонидзе воспринимается как гимн жизни. Реваз Маргиани относится к той же поэтической когорте. Увидеть в красоте жизни, непреходящей первозданной гармонии природы оправдание существования, борьбы, труда, страданий — вот смысл подлинной поэзии. Этот патетический настрой с особым чувством меры прозвучал в цикле стихов Реваза Маргиани, написанных на тему войны, где использованы и форма диалога, и воспоминания о погибших соратниках, и чисто любовная лирика.

Реваз Маргиани горячо воспел в своих стихах дружбу и братство народов. Обращаясь к Расулу Гамзатову в стихотворении «Наш Кавказский хребет», он пишет:

საქართველოს
განმანათლებლო

...Наши горы с их водопадами —
Это дети единой матери!
Те же дали для нас раздвинулись,

Край наш утренний дышит сказкою.
Переметной сумой перекинулись
Села через гряды Кавказскую.

(Перевод Г. Левина)

И далее:

...Песнь братства потому мне наполняет
грудь,
и в силах я воспеть красу чужого края.
Я говорю ему: «Благословенен будь!»,
чтобы и он расцвел, как Грузия родная.
Куда я ни пойду, в моей душе всегда —

моя земля,
и солнце,
и звезды слюдяные.
А если бы я Грузию так не любил,
тогда
как мог бы полюбить края иные!

(Перевод М. Луконина).

В поэзии Реваза Маргиани есть все, чем сегодня живет его народ, есть в самом хорошем смысле дух современности. Поэт возвеличивает труд своего народа, в частности труд грузинских металлургов, рождение грузинской стали:

Покатились в огне и славе
Эти яростные года.
Пусть поможет мне сталь Рустави
Сердце выковать для труда.

Чтобы возле грузинской стали
Глубоко дышали меха,
Чтобы чувства мои рождали
Закаленную сталь стиха.

(Перевод А. Межирова)

Он ликует по поводу полета советского человека в космос, он везде видит героизм честного и трудолюбивого советского человека. Радуетя богатству и изобилию, достигнутому братством народов, трудовым героизмом. Ему, воевавшему солдату, как никому другому известна цена миру на земле. Вот почему его высказывания и заявления отражают мысли и настроения всего нашего народа:

Когда весной над куполом рейхстага
Взметнулось пламя алого крыла,

Сказал солдат, стоящий возле стяга:
Да будет Мир незыблем, как скала!

(Перевод А. Межирова)

Поэт яростно восстает против зачинщиков новой войны. Из стихотворения «Чтоб не повторилось!», направленного против американских апологетов атомной войны, которые сожгли дотла Хиросиму, слышится стон навсегда изувеченных людей:

С этого дня над землей опаленной
солнце и дождь потеряли права.
Не зеленеет в долине трава,
нет на деревьях листвы зеленой...
Пепел детей твоих, пепел священный
в сердце стучит мне ночью и денно.
О, Хиросима,

о, Хиросима,
имя твое неугасимо,
горе твое не дает мне покоя,
жаждет сказаться гневной строкою...

(Перевод М. Петровых)

Когда знакомишься с поэзией Реваза Маргиани, поражает многообразие тем, мотивов, образов, разноплановость любовной лирики, дивная сказка любви — «Да здравствует...», воспевающая Вис и Рамина. В сборник «Лилэ» вошел целый цикл стихов о горевосходителях («Встреча с героями», элегия «На смерть друга» — памяти известного альпиниста Илико Габлиани и др.). Размышления поэта о назначении искусства — это не декларация, а деликатный диалог с самим собой. Поэт до конца осознает всю меру своей ответственности перед обществом. И потому мысль о значимости и судьбе стиха, о ее ценности для родного народа не покидает его, как и каждого большого поэта:

Когда идешь тропинкой по подъему,
Поднимаешься, а там тебя не ждут,
Да еще кто-то вышутит, то к дому
Идти обратно —
Невеселый труд.

Нет, не хочу, забыв о верном даре,
Уйти, стыдясь, в молчанье ледяном.
Уж пусть меня припомнят, как
маджари,
Коль не успею сделаться вином.

(Перевод В. Соколова)

В этом сомнении — и чувство высокой ответственности перед поэзией, в то же время гамлетовская встревоженность с извечной дилеммой «быть или не быть?» — скорбный, беспощадный вопрос оценки и переоценки ценностей. Уже в самой постановке этого вопроса подразумевается спор с неизвестным оппонентом:

...В стихах моих, быть может, соли мало,
я костью слаб и не могу расти?
...Сомнений ночь — горька и солона.

И тут же звучит его горячая убежденность — «не смирюсь с тем, что в стихах моих и вправду не хватало бы соли.».

Р. Маргиани — художник-реалист. Художественная концепция и художественная фактура его стихов глубоко реалистичны. Незримые нити протянуты от его стихов к голосам Важа Пшавела, Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе.

Реликвии прошлого, патриотизм и оптимизм, в основном приподнятая тональность проистекают в его творчестве от самой прогрессивной основы традиционного реализма. В его стихах нет ничего туманного, искусственного, надуманного. В этом отношении он всистину земной поэт, народный поэт.

Реалистической ткани стихов Р. Маргиани, художественным приемам изображения сопутствуют простота, лапидарность, обогащенная новыми интонациями, средствами и приемами. В этих способах изображения рельефно проявляется интонационное сочетание сванского наречия с мелодией грузинского стиха. И все-таки его нельзя отнести к поэтам, ограниченным традиционными мотивами. В его поэтической душе вызрели новые, современные тенденции обновления стиха, связанные с именем Галактиона Табидзе, которому принадлежит величайшая роль в формировании эстетических принципов новейшего грузинского стиха двадцатого века.

Знакомство с поэтическим миром последующего поколения и Реваза Маргиани в том числе еще раз убеждает, насколько писатели младшего поколения обязаны той поэтической культуре, которую привнесли в грузинскую поэзию Галактион Табидзе и его соратники. Верный традициям классической поэзии, Реваз Маргиани многим обязан тем новым поэтическим достижениям и завоеваниям, которые связаны с именами Галактиона Табидзе и его единомышленников. Яркая иллюстрация тому стихотворение «Рица»:

Рица.

Рица.

Рица.

Глаз лазурный Дали.

Зелень. Гор граница

Заслоняет дали.

Бог древнейший, чудо,
над водою ровной

с грудой изумрудов
звезд кошель огромный...

И дождем — всей силой
верю, а не снится —
над моей могилой
ты пролешься, Рица.

(Перевод В. Соколова)

Ритм, музыкальные повторы, подбор слов, вся художественная фактура делают это стихотворение образцом высокого мастерства.

Стихи Реваза Маргиани наполнены такими ритмами и звучанием, что производят впечатление мелодий. Но иногда он обращается к краскам и в их прекрасной гамме создает полнокровные живописные полотна. Но в основе и того, и другого лежит один и тот же поэтический принцип, одна художественная манера: Реваз Маргиани пишет с большой внутренней экспрессией, следуя глубоким психологическим переживаниям.

Истинный мастер никогда не изменит ни своим принципам, ни слову, которому он служит горячо и преданно, даря ему каждый раз иную жизнь, иной смысл и свое поэтическое дыхание.

Всем этим жив и Реваз Маргиани, прекрасный поэт, подлинный мастер.

Об импульсах творческого процесса

ЛЮБАЯ теория в области психологии художественного творчества восходит к трем главам теоретической психологии и во многом зависит от установленных в ней точек зрения на восприятие, чувство и воображение. Обычно natura naturans художника и его произведение рассматривались в курсе психологии в одной из этих глав или во всех них одновременно. При этом главенствующая роль придавалась то фантазии, то восприятию, то чувству. В XX веке были четко зафиксированы два направления: последователи первого (К. Коффка, В. Келлер, Р. Арнхейм и др.) основу и изначальную силу художественного творчества видят в восприятии и инстинктивном побуждении образными формами выразить эмоциональные переживания — то есть обусловленные восприятием «впечатления о предметах»; другие психологические системы, пытающиеся объяснить искусство (Мейнонг, Целлер, Выготский и др.), в сущности, представляют собой комбинированное в том или ином виде учение о воображении и чувстве — иными словами, свое понимание искусства они строят на пересечении этих двух проблем (с одной стороны, оценивая фантазию как центральное выражение эмоциональной реакции, а с другой — усматривая в эмоциональной направленности воздействие фантазии).

Объективно и критически оценивая обе теории, мы пришли к заключению, что на современном этапе развития психологии художественного творчества теория восприятия как «субъективно-творческого восприятия» имеет почти столько же оснований считаться верным путем объяснения искусства, сколько и учение, в своих суждениях опирающееся именно на связь чувства и фантазии.

Такая противоположность почти равноправных пониманий обусловлена опорой их построений на взаимосвязанные, имеющие одинаково решающее значение для осознанной деятельности индивида факторы самого эмотивного мышления. Ведь чувство, восприятие и воображение сами по себе детерминированы бессознательным психическим. Поэтому без спора на тщательный анализ специфичности установки художника, как единственно возможной и реальной основы его творческой деятельности, всегда будет возникать роковое «но», ставящее под сомнение истинность каких бы то ни было глубоких рассуждений и многочисленных доказательств первичности чувства, восприятия или воображения.

Вопрос о первичности какой-либо из них невозможно решить обоснованно, если исходить из их же взаимоподчиненного действия — то есть из действия сознательной сферы. Поэтому мы должны обратиться к установке: сначала выяснить специфичность вообще установки художника, затем специфичность выявления ее направленности и лишь таким путем вникнуть в начало творческого процесса.

Наше понимание установки как основы творческого процесса, опирающееся на конкретное указание Д. Н. Узнадзе, согласно которому «основой художественному творчеству служит установка»¹, дает возможность подметить в вышеуказанных теориях три весьма важных упущения или неправомерные оценки:

1. Обе теории недостаточно четко указывают на роль и значение установки (как детерминирующей готовно-

¹ Узнадзе Д. Н. Труды, тт. III—IV, Тб., 1964, с. 601.

сти) в художественном творческом процессе. В ней, главным образом, видят побочно действующую или вспомогательную силу, а не к данному моменту специфически созданную основу как конкретное начало начала творческого процесса. Хотя представители этих теорий подчеркивают, что ближайшие причины художественного эффекта скрыты в бессознательном, ими не совсем правильно расценивается функциональное значение этой сферы психики конкретно для определения первоступени творческого процесса. Они не смогли полностью учесть, что «все внешне данные информации перерабатываются на основе предварительно сформированных или вновь формирующих установок»¹ и что «установка предreshает характер развертывания самых различных форм мозговой активности и обусловливаемых ею психологических явлений»². А поэтому не до конца поняты пути и способы ее воздействия на качество и черты уже осознанных форм художественных переживаний.

Ключ к правильному исследованию неосознанных сдвигов в творческом процессе нужно искать в теории установки Д. Н. Узнадзе — в этой экспериментально обоснованной научной системе психологического изучения бессознательной сферы и ее диалектического соотношения с интеллектуальным мышлением. Теория установки дает возможность всякое исследование искусства начать не с а priori признания «необъяснимого» как фактора X, а с самого «необъяснимого». Но даже и эту самую научную и многое объясняющую на сей день теорию ни в коем случае нельзя принимать и применять догматически. Тем более что в работах Д. Н. Узнадзе есть хотя и фрагментарные, но весьма важные указания, дающие возможность распространить эту теорию на специфическое выявление установки в разных областях духовной деятельности человека.

Считаю нужным подметить, что действие установки с ощутимой очевидностью прослеживается особенно в поэзии: ведь процесс объективации стиха представляет собой словесное опредмечивание интуитивных видений и постепенное осознание посредством первообраза и художественного чувства той направленности, которая «созревала» в установке.

Для наших исследований в сфере поэзии особенно интересным оказалось указание Д. Н. Узнадзе, касающееся акта «созревания» и «выяснения» установки в самой себе.

Анализируя психологию воображения, Д. Н. Узнадзе пишет: «В момент инспирации мы можем иметь дело лишь с актом созревания установки, и когда художник, стимуливаемый этой последней (т. е. созреванием установки. — А. В.), приступает к работе для ее выражения (курсив наш. — А. В.), это значит, что художник производит творческую, а не репродуктивную работу»¹.

Впоследствии это указание стало для нас не только научным определением и подпочвой тех предварительных умозаключений, которые возникли у нас в ходе исследования дневников, писем, «откровений» и произведений великих художников прошлого, но и навело на верный путь экспериментальных поручений и опросов современных поэтов.

Несколько выше Д. Н. Узнадзе так поясняет, почему в момент инспирации «концепция», «идея» рождается внезапно, почему она переживается как молниеносное явление, как бы извне нагрянувшее: «Все это стало бы довольно легко понятным, если вспомнить, что основой художественного творчества является установка. Она готовится в предшествующий период, и когда становится в я с н е и н о й (курсив наш. — А. В.), внезапно объявляется сознанию»².

Исходя из этих указаний об акте «созревания» и «выяснения» установки, мы понимаем «созревшую установку» как уже определенную в самой себе (т. е. готовую для фиксации, для перехода в сознание) диспозицию нового порядка, которая дана в виде итога действия первичной установки. «Созревшая установка» — это не вообще неосознаваемое психологическое состояние поэта, а та уже предназначенная для оценки готовность, которая выводится из еще неведомых комбинаций внутриустановочных направленностей. Ее можно осмыслить в качестве выясненной в самой установке направленности, интегрированной опытом, — условно определяя как «бессознательную мысль» или «догадку», уже законченную в самой себе и готовую для формирования в понятиях.

«Созревшая установка» является таким стимулом возникновения художественного процесса, в которой намечен как первообраз, так и план будущего интеллектуального действия; значит, «созревшая установка» является не только таким стимулом, который намечает образ будущего действия (т. е. общую структуру), но и той силой, которая контролирует выполняемые поэтом операции при создании стиха. Д. Н. Узнадзе лаконично указывает на это, исследуя активную фантазию в связи с работой художника: «Когда художник

¹ Басин Ф. В. Проблема бессознательного, М., 1968, с. 233.

² Там же, с. 227.

¹ Узнадзе Д. Н. Труды, тт. III—IV, Тб., 1964, с. 602.

² Там же, с. 601.

19367-21
191033

завершает работу, он оценивает ее, и если заметит, что его установка (внутреннее предрасположение. — А. В.) не полностью реализовалась в картине, или если картина не соответствует ей, он изменяет и исправляет произведение. Так он продолжает работать, пока не осуществит ту форму, которая будет адекватной его установке»¹.

Это значит, что «созревшая установка» подразумевает не только общесоциальный аспект, но и момент контролирования процесса объективации — то есть содержит в себе как информативный аспект (бессознательный опыт, образ, идея), так и аспект упорядоченного контролирования (запланированность). Говоря о регулирующем воздействии установки на осознаваемые формы психики, Ф. Б. Басин справедливо и метко подчеркивает, что «она является не только способом проявления... но и подлинным ее существом»².

Но «созревшая установка» — это все же не феномен сознания, а совершенный акт действия первичной установки в самой сфере бессознательного, что и доказывалось психологической картиной художника при объявлении ее в сознании в форме первообраза: возникновение первообраза предшествуют и сопутствуют необычайная и беспредметная эмоциональная возбужденность, более или менее длительная задержка, «порывистость» в понятийном мышлении и ментальное отключение сознания. Поскольку нервная энергия имеет тенденцию растрачиваться на одном полюсе, в творческом процессе всякое усиление энергетической траты в центрах «бессознательного мышления» влечет за собой ослабление реакции логический-рассудительного аппарата высшей нервной системы.

Следовательно, и природу первообраза нужно рассматривать, исходя из понимания первичной установки (как непосредственной «питательной почвы» творческого процесса) и из оценки «созревшей установки» (как непосредственного «толчка», «побудителя» творческого процесса).

2. Обе теории, и особенно теория восприятия, с недостаточной полнотой оценивая специфическое действие бессознательного психического, не смогли убедительно объяснить и, что самое главное, дифференцировать различную природу образов фантазии в творческом процессе. Ими или не отличается первообраз от предметно-чувственных символов, или психологически не обосновывается причина разновидности их природы, назначения и значимости.

Первообраз должен оцениваться как внезапное вторжение «созревшей установки» в сознание поэта (внезапное ее осознание), а не как непосредственное выражение той эмоциональной реакции, центральное разрешение которой обусловило восприятие. Во-первых, в бессознательных комбинациях первичной установки какое-либо конкретное восприятие и эмоциональное состояние не могли играть единственно решающую роль; кроме того, направленность «созревшей установки» выяснялась и готовилась в предыдущем периоде — то есть выво-дилась из всего предыдущего многостороннего опыта, существующего в целостной структуре установки. Ведь в самых различных аспектах эвристической деятельности «установка фигурирует... как доопытная целостная модификация личности... как целостная структура с постоянным набором характеристик»¹. Во-вторых, вторжение «созревшей установки» в сознание художника «внезапно потому, что установка не представляется собой феномен сознания» и у нее нет «никаких предшествующих ступеней, ведущих к сознанию»²; а также «внезапность» подразумевает и отличие, исключительную новизну, несоответствие значения осознанной направленности «созревшей установки» (т. е. значения первообраза) с какими-либо содержаниями восприятий и эмоциональных переживаний.

Учитывая описания внезапных, стимулирующих «видений», «стремлений», «образных идей» великих художников, а также оценивая данные экспериментальных опросов современных поэтов, мы можем с уверенностью сказать, что первообраз вытекает из тех направленностей, потенциальных возможностей, чувственного опыта и бессознательно отраженной специфичности объективного мира, которые содержит в себе установка.

Характерные черты и качества первообраза указывают, что в обычном смысле его даже нельзя назвать формой сознания. Первообраз не имеет не только четкой очерченности воображаемого представления, которое состоит из ассоциативно сопоставленных конкретных предметов, но и не дан даже в виде законченной идеи, лишенной определенного понятийного смысла. Он представляет собой осознанную потенцию мысли, еще не полностью охваченной, не утвержденной в понятии — то есть дает сознательную или осознанную возможность мысли. Это уже готовая осознанная направленность к постижению сути явле-

¹ Узнадзе Д. Н. Труды, тт. III—IV, Тб., 1964, с. 602.

² Басин Ф. В. Проблема бессознательного, М., 1968, с. 291.

¹ Прангишвили А. С. Исследования по психологии установки, Тб., 1967, с. 56—57.

² Узнадзе Д. Н. Труды, тт. III—IV, Тб., 1964, с. 601.

ния. Это forma informans — лишь форма смутного предвидения формы и данность всех последующих возможных представлений. Первообраз всегда затуманен еще не до конца осознанной направленностью «созревшей установки».

Первообразу присуща внутри своей же целостности беспредельность возможности объективирования, многозначность и абстрактность. Он предстает в сознании как интенция эмотивного мышления в творческом процессе, и эта интенция сама по себе (сама в себе) логическими понятиями не осознаваема. Первообраз и действует как «интенциональный предмет» на развитие осознанной деятельности в конкретном творческом процессе. Как раз на это намекает Д. Н. Узнадзе, анализируя работу художника над полотном: «Картина на него будто изнутри воздействует, но не в виде картины, а каким-то затаенным образом; и эта внутренняя картина направляет и указывает на пути реализации»¹. Первообраз познает самого же себя в процессе объективации, и при этом подразумеваемое в нем значение как бы «сковысывается», «суживается», «сокращается» — при конкретизации он не может полностью определиться в предметно-чувственные образы и в дискурсивные символы стихотворения. Первообраз находит свое символическое выражение и познается лишь в целом поэтического произведения, и то не полностью, не в совершенном виде его природы. Он никогда не находит своего адекватного выражения, и поэтому конечная «выразительная форма» стиха никогда не равна «замыслу». Как раз этим и предопределены «муки творчества» — муки недостигаемости, невозможности словами выразить переживаемое «видение».

Первообраз — это «субъект» целого стиха, как целостной метафоры, на который лишь намекают все «средства выражения» и которого они не в силах полностью определить. И что не только специфично, но и парадоксально в искусстве — это степень несоответствия наиболее полного опредмечивания первообраза со все углубляющейся невозможностью до конца выразить его природу и значение. Эта степень несоответствия и составляет эффект художественного произведения: чем совершеннее стих, тем больше он подразумевает, то есть, чем полнее и лучше выражен первообраз, тем больше он усугубляется в «подразумеваемость», в «завыразимость», в «непостижимость».

Поэтому-то ощущаемая между строк тональность и динамичность переживания имеет не меньше (а иногда и больше) значения для воспринимающего

стих, чем все дискурсивные символы, вместе взятые.

Итак, мы пришли к тому, что первообраз — это не непосредственно из восприятия возникшее «впечатление», не непосредственное преломление объективного предмета в фантазии, а «предмет» направленности «созревшей установки», то есть «предмет», автономно выведенный из первичной установки. Как раз поэтому поэт может «увидеть» в объективном предмете то, что «видится» в его бессознательной «созревшей» направленности: «в расщепленном дубе, одиноко стоящем на скале, — родину», «в звездах — глаза любимой», «в расцветшем персиковом дереве — прекрасную царицу невиданной страны». Определяя первообраз как первую ступень творческого процесса, мы приближаемся и к пониманию специфичности художественного чувства.

3. Ни одна из вышеуказанных теорий полностью не разъяснила отличия, разновидности и назначения художественного чувства, действующего конкретно в творческом процессе, а также подметила не все его специфические черты.

Исследуя проблему художественного чувства (в поэзии) и, в связи с этим, исследуя изначальные ступени развития поэтического творческого процесса, мы пришли к убеждению, что и эстетика, и психология должны решительно отмежевать природу и понимание художественного чувства как от обычных — жизненных, так и от эстетических эмоций (т. е. эмоций воспринимающего искусства).

По нашему мнению, главный недостаток почти всех исследователей чувства в художественном творческом процессе в том, что оно расценивалось ими как «то же самое обычное чувство (курсив наш. — А. В.), разрешенное чрезвычайной усиленной деятельностью фантазии»¹. Графически такое понимание можно изобразить так: $A \rightarrow B \rightarrow A^1$ (где A = обычному чувству, B = фантазии, A^1 = художественному чувству). Это значит, что вышеуказанные теории содержание и направленность художественного чувства в основном обуславливают предметным содержанием того эмоционального состояния художника, которое непосредственно возникло из восприятия объективных явлений, то есть из «впечатлений восприятия».

В противовес такому пониманию мы четко предопределяем направленность и содержание художественного чувства переживанием еще не испытанного, внешне возникшего в сознании поэта первообраза — то есть переживанием «со-

¹ Узнадзе Д. Н. Труды, тт. III—IV, Тб., 1964, с. 602.

¹ Выготский А. С. Психология искусства, М., 1965, с. 274.

зрелой установки». Последовательно мы пришли к заключению: художественное чувство не то же самое обычное чувство, разрешенное активностью фантазии («впечатления» восприятий), а конкретно в творческом процессе возникшее чувство, и его надо считать и исследовать как чувство особого качества и нового порядка. «Созревшая установка» прерывает связь между обычным и художественным чувством, осознание ее «подавляет», «заглушает» содержание пред-первообразных эмоциональных состояний. Именно поэтому в творческом процессе значение «придается» предмету, а не «вытекает» из предмета, на что с исключительной точностью указывают художники¹. Так, например, характеризуя творчество Водсворта, О. Уайльд пишет: «Водсворт пришел к озерам, но никогда не был поэтом озер. В камнях он нашел речи, которые он сам положил туда».

Художественное чувство отличается от обычных и эстетических эмоций не только основой возникновения, но и специфическими чертами, среди которых мы отметим лишь следующие: экстремную направленность², исключительную презентивность, стабильность, неэгоцентричность и изолированность. Специфичность и отличительность разных черт и качеств художественного чувства во многом обуславливаются

именно тем, что основой его является первообраз.

Следовательно, наше понимание процесса возникновения художественного чувства, его связи с первообразом и установкой, а также «прерванной связи» с обычным чувством графически будет выглядеть так: $A \rightarrow \infty \rightarrow B \rightarrow C$ (где A = обычному чувству, ∞ = установке, B = воображению, C = художественному чувству. По нашему глубокому убеждению: $C \neq A$).

Анализируя проблему художественного чувства, мы пришли к выводу, что оно имеет право на самостоятельное существование в ряду высших чувств.

Данная схема указывает и определяет также место и значение обычных чувств. Восприятия и всякие обычные чувства играют роль лишь «раздражителя» и не являются ни началом, ни фактически действующим фактором самого процесса поэтического творчества. Они стоят не только за пределами этого процесса (первой ступенью которого является первообраз), но и за гранью «созревшей установки». Комбинациями первичной установки обычное чувство настолько «трансформируется», что теряет характерные для него содержание, качество и черты.

Итак, художественное чувство нами понимается не как переживание объективных явлений, а как переживание осознанной в первообразе «созревшей установки». В поэзии мы имеем дело, главным образом с объективацией художественного чувства, которое в самом себе пронесит через весь творческий процесс направленность «созревшей установки», которая при этом (в форме первообраза) не только выражается, но и осознается. И все последовательно развиваемые предметно-чувственные метафоры в стихотворении представляют собой окольное постижение значения первообраза и подразумеваемой в нем «созревшей установки».

Художественное чувство, кодированное направленностью «созревшей установки» и значением первообраза, является двигательной силой всего последующего процесса объективации стиха.

¹ Насколько отличается как художественное чувство, так и целостный образ стиха от обычного чувства и «впечатлений» восприятия, мы показываем по данным исследований творчества Н. Бараташвили в своей работе «Стих и творчество» (Тб., 1975, с. 33—35) и Г. Табидзе в своей же статье «Кто была Мери Г. Табидзе...» (журн. «Мнатоби», 1976, № 6)

² Экстремная направленность, как специфическая черта художественного чувства, подчеркнута нами впервые, и поэтому считаю необходимым указать, что этим своим характером она особенно отличается от эстетических эмоций воспринимающего (этим последним присуща интровертность развития).

ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ ГОЛОСА

ПРИ ВСЕХ издержках процесса перестройки и становления, стимулируемого принятым пять лет назад постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», работа эта неуклонно набирает силу и высоту, становясь все более принципиальной, глубокой, профессиональной, «думающей», побуждающей к разбегу мысли. Таков на сегодня итог большой и напряженной деятельности отряда грузинских критиков, подобно всем представителям советской критической мысли воспринявших этот важнейший документ как выражение постоянной заботы нашей партии о росте и развитии советской литературы, как боевую программу, руководство к действию.

Проявлением серьезной озабоченности судьбой нашей культуры, литературы, искусства явилось и принятое недавно постановление Центрального Комитета КПСС «О работе с творческой молодежью». В ответ на него в республике предприняты первые шаги по активизации деятельности творческой смены, найдены новые организационные формы ее идейной и профессиональной закалки. Серьезное внимание этому делу уделяют партийные и комсомольские органы, соответствующие творческие союзы.

Творческая молодежь — будущее нашей культуры, нашей литературы, нашего искусства. Это, как говорится, «вопрос вопросов». И потому ее идейному, партийному воспитанию должна быть оказана самая действенная поддержка.

Роль молодого поколения в развитии литературы не подлежит сомнению. Прослеживая историю грузинской советской литературы со дня ее рождения в начале 20-х годов, нетрудно убедиться, что молодые силы всегда обновляли, освежали, обогащали ее, становились впоследствии ее опорой.

Тот же процесс наблюдается и в наши дни.

О больших потенциальных возможностях молодых, разнообразии их творческих индивидуальностей можно судить хотя бы на примере трех авторов, смело заявивших о себе в сегодняшней грузинской литературе. Это — Отар Чиладзе, Джансуга Гвинджилия и Александр Эбаноидзе.

Один из самобытнейших грузинских поэтов, Отар Чиладзе, как и ряд других его собратьев, обратился к прозе. Первый же его опыт в этом жанре — роман «Шел по дороге человек» вызвал большой интерес как у читателей, так и у критиков. Откликнулись на него и писатели.

Сегодня мы предлагаем вниманию нашего читателя два отклика на это произведение — молодого писателя Александра Эбаноидзе, известного также своими переводами на русский язык грузинской прозы, который недавно порадовал читателей своим первым романом из грузинской жизни «Брак по-имеретински», опубликованным в журнале «Дружба народов», и раздумьями молодого критика Джансуга Гвинджилия, чьи критические выступления пользуются признанием читательской и литературной общественности. У каждого из них свой взгляд, свой подход и восприятие романа Отара Чиладзе, что служит свидетельством многоплановости, глубины, своеобразия этого любопытного и знаменательного явления нашей литературной жизни.

Голоса этих молодых сил сегодняшней грузинской литературы, думается, звучат самостоятельно и обнадеживающе.

Поддержать их, помочь им зазвучать в полную силу, направить их в здоровое русло, как сказано в постановлении ЦК КПСС о работе с творческой молодежью, — наш первейший долг. Руководствуясь этим указанием, мы и впредь своими публикациями произведений молодых и о молодых будем стремиться посылить способствовать их выявлению и творческому росту.

ОБРЕТАЯ ТРЕЗВУЮ СИЛУ РЕАЛЬНОСТИ...

РОМАН Отара Чиладзе «Шел по дороге человек» был встречен литературной общественностью Грузии с большим интересом прежде всего потому, что его автором был один из самобытнейших грузинских поэтов, дебютировавший в прозе не рассказом, не повестью, а большим многоплановым полотном, что свидетельствовало о незаурядной творческой смелости и потенции создателя этого произведения. К тому же в нем оживлялись события трехтысячелетней давности, «когда Вани был приморским городом, когда первый грек ступил на землю Колхиды и робко попросил пристанища».

Сохранив лучшие черты поэта (страстную напряженность интонации, глубину и неординарность наблюдений), О. Чиладзе проявил себя в этом романе зрелым мастером прозаической формы — композиция его стройна, характеры очерчены ярко и вдохновенно, с мастерством, заслуживающим самой высокой оценки, достигнута достоверность всего происходящего в древней истории, одной из самых древних, какие только сохранила память человечества.

Роман состоит из трех частей, названных именами героев, которым отведена в них главная роль: первая — «Аэт», вторая — «Ухеиро» и третья — «Парнаоз».

Сюжетной основой для первой части послужил миф об аргонавтах, приплывших в Колхиду за золотым руном.

...Рыбак Бедиа спасает в море мальчика, плывущего вместе с огромным овном, и вытаскивает его на берег. Мальчика—грека по рождению берет к себе во дворец грозный царь колхов — Аэт. Фрикс — так зовут мальчика (см. «Аргонавтику» Аполлония Родосского) — растет вместе с детьми Аэта — его двумя дочерьми Карисой и Медеей и сыном Апрасионом...

Проходят годы.

Фрикс женится на Карисе; у них родится четверо сыновей. Но нет между супругами счастья. Фрикс хочет как-то отблагодарить Аэта и колхов за данное ему пристанище. Вместе с подростками сыновьями он затевает грандиозное по тем временам дело — прокладывает водопровод в город Вани. (И по сей день там сохранился так называемый «Греческий родник»). На какое-то время опустошающая усталость и сознание оплаченного долга успокаивают мятущуюся душу Фрикса. Однако затем неведомая болезнь опять одолевает его. Болезнь эта — ностальгия и чувство вины перед горячкой-женой, которую Фрикс обманывал, выдавая себя за сына греческого царя, тогда как был всего лишь подставной фигурой в большой интриге большого царя Миноса. Лекаря и волхвы не могут спасти Фрикса — он умирает, и Аэт с почестями хоронит зятя. Но беспокойство и тоска умершего, казалось, переселяются в его сыновей — четверо юношей не находят себе места в огромном дворце Аэта. Что с ними? Все последние годы отец рассказывал сыновьям о родине. Они мечтают вернуться туда. Тайно снаряжают корабль и бегут из Колхиды. Их ищут и не могут найти. Но через много дней, когда и мать—Кариса, и дед—Аэт потеряли надежду увидеть сыновей и внуков, юноши возвращаются. Их, потерпевших кораблекрушение и гибнувших на острове, подобрала аргонавты, во главе с Ясоном плывущие за золотым руном. Представ перед грозными очами деда, они ведут себя странно, вызывая, так как чувствуют поддержку своих земляков, прежде всего красавца Ясона. Затем происходят события, известные даже школьнику: младшая дочь Аэта Медея полюбила Ясона. Кариса просит волшебницу-сестру помочь чужестранцу добыть золотое руно и бежать, ибо только так она может спасти своих сыновей, на которых готов обрушить гнев грозный и могучий Аэт. «Огромный лев, живущий в выжженной пустыне его души, приподнялся с корот-

ким рыком и лизнул его шершавым языком». Медея усыпляет снотворным зельем своего отца и помогает Ясону, переодетому в женское платье, добыть золотое руно, висящее в тайнике за царским троном. Затем они вместе бегут из Колхиды. Воины Аэта во главе с сыном Апраксионом преследуют аргонавтов и догоняют их. Медея заманивает брата на греческий корабль, где Ясон убивает его; ночью аргонавты перебили всех преследователей; единственный выживший свидетель побоища лишился рассудка, и, когда корабль колхов прибывает к родным берегам, он с высоты мачты кричит землякам о неслыханном предательстве.

И наконец, у берегов Колхиды появляется очередная греческая волна — большой флот царя Миноса. Двадцать пять лет плел он сложную сеть интриг, чтобы получить повод для войны с Аэтом; с этой целью был заслан в Колхиду Фрикс — «ты должен пустить там корни, там должно быть твое гнездо, и твоя могила». С этой целью был отправлен в Колхиду герой Ясон — что может быть глупее и грубее, как явиться к грозному царю и потребовать у него шкуру барана?! По плану Миноса, Ясон должен был погибнуть в Колхиде — грозный Аэт не мог простить никому столь наглой выходки. Но он не учел одного — Медея! Медея изменила все. Медея спасла Ясона и помогла добыть шкуру барана. На кой черт ему — Миносу эта шелудивая шкура?! Ему нужна была окровавленная туника Ясона, которую он привязал бы к корме флагманского корабля. Если б Ясон погиб, повод для войны был бы изящным и совершенным, ибо он совершенен только тогда, когда окрашен кровью твоего ближнего, а не кровью врага. Однако медлить нельзя — лев-Аэт выманен из логова. И Минос, посадив на корабли греков, а также колхов, некогда бежавших от гнева Аэта и стремящихся вернуться на родину и вернуть себе потерянную власть, пускает флотилию в Понт Эвксинский — Гостеприимное Море, ведь берега его так плодородны и реки богаты золотосным песком!... Победенный Аэт отступает из Вани в глубь континента. Его последние слова о младшей любимой дочери Медеи: «Как ты будешь без меня, кто поможет тебе, о, бедная, несчастная дочь!».

Вот кощунственно-беглый пересказ богатой, насыщенной и многозначительной истории, умно и страстно рассказанной Отаром Чиладзе в первой части его романа. И если верно, что свозь фантастически-сказочную оболочку мифов пробиваются истинные духовные и социальные процессы жизни древних народов (а это безусловно так), то в данном случае мы имеем дело с одним из значительнейших социально-политических явлений древнего мира — началом колонизации Причерноморья. Просто удивительно, с какой необоримой силой история Медеи и Ясона в интерпретации О. Чиладзе сбрасывает с себя меланхолически-сказочный и фантастически-жуткий покров и обретает трезвую силу реальности.

Томас Манн, великий автор «Иосифа и его братьев», рассказал о том, каким лестным комплиментом показались ему слова машинистки, с которыми она вручила писателю перепечатанную рукопись первого романа из цикла об Иосифе: «Ну вот, теперь хоть знаешь, как все это было на самом деле!». Эту фразу я готов сказать и Отару Чиладзе. Потому-то и пересказ мой скорее похож на пересказ истории, имевшей место в действительности, а не на конспект мифа. (В скобках надо заметить, что в романе все-таки ощущается некоторая нехватка этнографического и археологического материала, что, безусловно, осложнило задачу писателя).

Однако не достоверное описание города Вани и не создание атмосферы древности я отношу к главным достоинствам романа. С редкостной глубиной и силой автор очерчивает главные действующие характеры в неотвратно зревающей и затем грянувшей трагедии. Сказать, что он пишет правду о своих героях, — мало; он пишет истину. Его страстно-напряженная проза подобно высоковольтной линии времени рождает разряды, освещающие самую сокровенную суть происходящего. Взять хотя бы сопоставление двух женских характеров, двух сестер — Карисы и Медеи. Первая из них — красавица, гордая, властолюбивая и честолюбивая женщина, мечтающая о страстной любви, как об утолении своей честолюбивой женственности. Еще при жизни мужа покинутая им, она хранит эту тайну от всего дворца и чуть ли не от себя самой. С какой захватывающей дух пронизательностью и страстью написаны ночи Карисы и Фрикса! Смерть мужа приносит ей облегчение, ибо ей лучше быть вдовой, чем покинутой женщиной... Интереснейший, многогранный, удивительно женственный образ, прохладный, живой и текучий, как вода.

Но сфера рока, сфера подлинных и трагических страстей — это не сфера Карисы. Это мир Медеи.

«Это была Муг-эм-энет, женщина роковая», — так не без иронии заканчивает Томас Манн первое описание жены Потифара в своем романе об Иосифе. Откровенно говоря, я как читатель ожидал и Медею увидеть «роковой женщиной». Но Отар Чиладзе пишет свой роман без тени иронии, с подкупающей

серьезностью. Исполненный любви, сочувствия и участия, он создает удивительный образ Медеи — тоненькой светловолосой веснушчатой девочки, молча следовавшей повсюду за своей тетушкой — волшебницей Кама. Вся ее жизнь — это подготовка к тому единственному поступку, который изменит, перевернет, разрушит все вокруг нее, сделает ее одной из самых трагичных фигур в мировой литературе (хочется сказать — в мировой истории, а не литературе)... Ясон после первой встречи с Медеей возвращается на «Арго» и все силится вспомнить, кого же напоминает ему младшая дочь Аэта. Краешком памяти он перебрал всех — довольно многочисленных женщин, с которыми сводила его судьба. Нет, среди них не было ни одной, похожей на Медею. И вдруг — без тайного страха он понял, что Медея похожа на море. Да, на море! Чем эта тоненькая светловолосая девушка может походить на море?.. Но мы разделяем тайный страх Ясона и видим, как и он, это грозное, пугающее и прекрасное сходство. Какая боль, какая мука и какое счастье быть вместилищем страстей, достойных пера Овидия и Еврипида, способных и через тысячелетия волновать людей. В какой невероятный узел способны переплетаться беда и счастье, любовь и горе!.. Именно такую Медею показал нам Отар Чиладзе.

Нет задачи более благодарной, чем короткий пересказ совершенного произведения. Хочется рассказать и о достойном герое языческого романа, неотразимо обаятельном красавце Ясоне, до поры до времени прячущем за лукаво-простодушный улыбка силу и подлинное мужество; о виноторговце Баха — не купце, а верховном жреце в храме Вахуса, и о черноглазой вавилонянке Малало и семи ее дочерях; о рыбаке Бедиа, первым заметившем, что море уходит, покидает Вани; о вечно молодых супругах Вочиа и Потоло, о брате Медеи — грустном провидце Апрасионе. О красивом городе Вани, некогда стоявшем на берегу моря, и об огромном море, вдруг покинувшем этот город, как кормилец покидает семью, как муж покидает жену, чья ветренность ему надоела...

Разве можно забыть решимость и волю, с какой лев-Аэт время от времени спускается по веревке воспоминаний в жуткий колодез прошлого?.. Только внимательное, вдумчивое прочтение всей книги может дать полное представление о ее достоинствах. На мой взгляд, лучшие страницы «Аэта» написаны на уровне первоисточника.

Во второй и третьей частях романа мы встречаемся с персонажами, в той или иной степени заявленными еще в «Аэте».

Ухеиро — воин царя Окаджадо, который вместе с греками Миноса изгнал Аэта.

Прославленный герой, богатырь Ухеиро в день битвы с Аэтом был сбит колесницей, без возницы метавшейся по полю боя. И вот этот воин — воин по призванию — прикован к постели. Нам рассказывается история его любви и женитьбы, история его семьи: дочери Попины, зачавшей от раба Филимона и родившей сына Куса (одного из главных действующих лиц в двух последних частях романа). Мы узнаем о сыне Ухеиро — молчаливом, угрюмом, благородном Парнаозе и его прекрасной и чистой любви к дочери вавилонянки Малало — Ино; о смерти знаменитого Баха и об удивительных событиях в царском дворце... А сам Ухеиро лежит, прикованный к постели, и на полотнище размером с большой парус изображает красочную историю своей жизни...

Во второй части романа, как и в «Аэте», кипят подлинные и могучие страсти, и писательское мастерство и зоркость не изменяют автору. Однако подобно тому, как царю Миносу казалось, что поводу для войны с Аэтом недостает совершенства, так недостает совершенства второй истории романа. При чтении ее порой кажется, что для написания психологического романа о превращениях любви не стоило нырять в такую глубь веков. Если в первой истории все сказочное и фантастическое неудержимо обретает трезвую силу реальности, то в двух последующих частях в реальной жизни появляются фантастические элементы — крылатая царица Цуца, сидящая на плече у сына Окаджадо; холодная, как Снежная Королева, жена царя, из-за которой весь дворец покрывается сосульками; два плешивых брата — Страх и Ужас, вдруг появившиеся в городе. Эти фантастические образы условны и нередко в высшей степени выразительны, но в них нет той обязательности, художественной неизбежности, которая присутствовала в каждой строке, в каждом повороте сюжета первой книги романа, где дышат «почва и судьба».

В третьей книге — о скульпторе Парнаозе — автор в значительной мере добивается художественного единства всего романа. Не последнюю роль в этом играет расширение географических рамок повествования: Парнаоз десять лет работает в Греции на строительстве дворца Миноса, работает в стране, куда увезена Медея... Там его спасает от смерти великий скульптор Дедалус — отец Икаруса. Образ Дедалуса, сцена в порту перед отплытием на родину и возвращение в Вани бесспорно относятся к лучшим страницам романа. Удивительно, как просто и точно, какими смелыми мазками О. Чиладзе создает жи-

вой, убедительный и сильный образ выдающегося художника Дедалуса. А ведь это задача очень большой сложности.

Вернувшись на родину, Парнаоз женится. Но его великая любовь к дочери черноглазой Малало, ставшей, как ее мать и сестры, блудницей, не проходит. Он не может жить с Тиной (так зовут его жену — женщину, созданную для семейного счастья), любя другую женщину. Он уходит из дому и живет в пещере, где некогда, еще подростками, жили они с Ино. У Парнаоза подрастает сын — маленький Ухеиро, которому Парнаоз рассказывает о том, каким был некогда их Вани. Мальчик как зачарованный слушает отца. Судьба мальчика трагична: когда дети в городе стали играть в странную игру — пытались взлететь, — он сделал самую смелую попытку взлететь — прыгнул с высокой башни и разбился насмерть. Гибель любимого сына освобождает Парнаоза от непомерного груза жизни. Теперь все кончено!..

Царь Окаджадо, который не без проницательности увидел в тяге к полету зародыш бунта, приказывает узнать, кто отец разбившегося мальчика. Куса — племянник Парнаоза и его духовный антипод — выдает своего дядю. Парнаоза казнят. В последнюю минуту, вздернутый на веревках на стену царского дворца, Парнаоз видит прекрасный сад Дариачанги — лучшее украшение старого города Вани, сгинувший по вине воинов Окаджадо. Над садом, несомые ветром, летят лепестки цветов яблонь. Парнаозу чудится, что он прижимает к груди мальчика — то ли своего сына, то ли Икаруса, пытающегося вырваться из рук и лететь, и шепчет ему на ухо: «Вот таким будет мир». «Но ведь он такой?!» — удивляется мальчик.

«Да, такой. И таким будет», — говорит Парнаоз.

Не стану еще раз объяснять, почему трудно пересказать произведение столь сложное, насыщенное и полнокровное, каким является роман Отара Чиладзе. Он течет мощным потоком, почти не расчлняясь на главы, свободно переливаясь из эпизода в эпизод. Чуть ли не каждая страница позволяет говорить о художественном своеобразии писателя, который свою одаренность и неординарность обогатил знанием приемов лучших мастеров современной прозы. А то обстоятельство, что первая часть его романа получилась более цельной и совершенной, чем две последующие, видимо, надо отнести за счет совершенства сюжета и образов, питавших вдохновение писателя.

Если мне позволительно дать совет автору романа «Шел по дороге человек», я посоветовал бы ему расставить его части в обратной последовательности: от «Парнаоза» к «Аэту». Такая ретроспекция облегчила бы чтение и эстетическое восприятие всего романа, в котором при данной композиции начинаешь к концу несколько «увязать».

На мой взгляд, «Шел по дороге человек» Отара Чиладзе — яркое произведение современной грузинской прозы. Он нелегок для чтения, но тот, кто погрузится в его поток, выйдет из него обогащенным встречей с высокой прозой.

Джансуг ГВИНДЖИЛИЯ

БОЛИ И БЕДЫ БЕДИА

1. ПОЛНОЕ РУСЛО

«УТРОМ, когда волокли лодки к морю, оно показалось Бедиа так далеко, что у него даже спина вспотела и он удивился этому, но тогда промолчал, подумал — то ли показалось, то ли действительно постарел и потому устал. Но, видно, все же не смог до конца избавиться от червя сомнения, поскольку и сейчас, как только народ разошелся и лодки захрипели на песке как зарезанные буйволы, к нему снова вернулось утреннее беспокойство».

Эта цитата, как почти все эпизоды романа Отара Чиладзе «Шел по дороге человек», воспринимается символом содержания жизни. В данном случае автором выбрано содержание жизни античного Вани, показанной в силу логики ее развития во множестве художественно мотивированных граней, побуждающих задуматься над болями и бедами ушедших дней. В этом получила выражение по-

зияция писателя, суть которой строго определена — наше отношение к прошло-
 му не может быть индифферентным, ибо и тогда действовали вечноповторяю-
 щиеся жизненные законы, форма которых отмирала, а содержание оставалось
 неизменным. В силу этих законов нашей стране впоследствии в продолжение
 столетий приходилось затрачивать массу энергии на восстановление утрачен-
 ного, и как только это удавалось сделать, она тотчас становилась на ноги.

* * *

В образе Бедиа воплощена вечно бодрствующая душа страны.

Конечно же, Отар Чиладзе прекрасно знает, что даже великолепная идея,
 не получившая должного воплощения, лишена способности воздействия. Поэтому
 странное наблюдение Бедиа он тотчас «окрестил» видением сумасшедшего, вы-
 ведя вчерашнего мудрого предводителя рыбаков человеком умалишенным. И
 его действия, его подозрения, его наблюдательность отразились в сознании ря-
 довых людей как следствие больного разума. Но за покровом показной несостоя-
 тельности безумного словно негасимый костер горит пророческое предвидение
 или, вернее, предчувствие дальновидного человека, теплится чувство противо-
 стояния некоей неизбежной беде.

Море в романе отождествлено с полнокровной жизнью античного Вани, с его
 могуществом. Без моря невозможно представить настоящий Вани, его достой-
 ное существование. И предчувствие Бедиа означает тревожный трепет самой
 могущественной страны.

Он не может смириться с мыслью, что море отступает, оставляет город.
 Море, без которого Вани не мог существовать. Писатель нашел для характера
 Бедиа прекрасную форму, выразившуюся в его реакции на эту тревогу: «На-
 верное, самый правильный выход нашел Бедиа: он несколько раз измерил ве-
 ревкой расстояние от лодочной стоянки до моря, затем свернул веревку и на-
 дел на шею, чтобы всегда иметь ее под рукой. Как только надел веревку на
 шею, тотчас же успокоился, будто привязал все море этой лохматой веревкой и
 теперь оно без него не могло сдвинуться с места».

Миссия Бедиа, как хребет, проходит, через всю жизнь античного Вани.
 Поэтому, анализируя роман, необходимо периодически возвращаться к этому
 характеру. Однако тут же необходимо указать на одно примечательное обстоя-
 тельство: писателя не столько интересует показ зоркости Бедиа, чуткости его
 души, сколько готовность самого народа и страны к восприятию этой тревоги.
 Внимание жителей Вани настолько поглощено мелкими заботами, суетностью
 жизни, что они не чувствуют, не замечают, как происходит падение когда-то
 могущественной страны.

Отар Чиладзе рисует этот процесс, имеющий свою непреклонную логику.
 Ему ничего не может противостоять, даже тревога самого Бедиа. Если он и
 оповестит о ней всю страну, убедит ее в верности этих слухов, остановить ла-
 вину падения все равно не удастся.

* * *

Писатель не показывает предьстории античного Вани. Он не интересуется
 тем путем, который прошло его население, чтобы достичь этой блистательной
 вершины. Его внимание приковано к событию, толкнувшему ее вниз. Роман на-
 чинается с отступления моря, а это совпадает с явлением Фрикса из чужой
 страны и связанными с ним «странностями».

Для структуры произведения это первое значительное событие. Вскоре у
 его истоков группируется огромное количество подобных «странностей», пре-
 вращающихся в комплекс, разрушить который уже не в силах внутренняя энер-
 гия некогда могущественной страны. Сложный и неуклонный процесс падения,
 нарисованный в романе, как бурный поток унес большие и малые достоинства
 страны.

Первым странным событием для Вани явилось известие о том, что из чу-
 жой страны прилетел десятилетний мальчик с руном. В данном случае фанта-
 зия мифа углублена другим содержанием, к тому же в угнетающей форме —
 жители Вани дотоле никогда не слышали о летающем руно, и это потрясло их.

Предчувствие Бедиа впоследствии выразилось в колониальной стратегии
 Греции по отношению к Колхиде. Но еще задолго до этого всесторонне подго-
 тавливается почва для падения Вани.

Иллюзия летучего руна затуманила сознание ванских детей. В их жела-
 нии полететь с ним получило первое выражение поклонение чужой скрытой
 силе.

Хотя писатель и не воссоздает золотой эпохи Вани, за волнами несчастья,
 потрясающими страну, угадываются и ее слава, и равновесие духовной жизни
 народа. В царстве Аэта есть и насилие, и зависть, и зло, и беспричинный

гнева, и несправедливое угнетение, но душевное равновесие населения все же сохранено, и сквозь тучи, затянувшие небо, прорываются солнечные лучи, олицетворяя общий светлый настрой ее существования. Жизнь людей кипит в их жилах течет здоровая кровь, свободное дыхание наполняет улицы Вани. Блистающий сад Дариачанги, могущество трона Аэта и бьющийся нерв сорокаступенчатого подвала указывают на существование великого прошлого.

«Разве могло что-либо сравниться с теми раскованными голосами, которые гремели в смягченных вечной сыростью и тьмой сводах, которые неистовствовали и с шумом опускались вниз смесью осколков пения, клятв, обещаний и устремлений? Торговец вином Баха был счастлив от того, что жизнь продолжалась, что по его сорокаступенчатой лестнице всегда, каждое утро, своеобразный, как кот с золотистой шерстью, полз свет, который до вечера заставлял жмуриться идущие из недр подвала звуки и благоухание. Так должно было быть всегда, ибо всегда было так, с тех пор, как существовал хозяин этого подвала, будто навечно обосновавшийся там, наподобие идола в храме».

Последние слова этой цитаты хорошо выражают то показное спокойствие, которое утвердилось в жизни античного Вани. Оно кажется его жителям вечным и неизменным. Земная жизнь Вани не лишена ни одной краски, ее страсти безудержно текут по всем руслам.

Ломка внутреннего равновесия проявляется в избиении отцом своего ребенка. Потерявший рассудок человек изменил вере, по которой у отца, избившего ребенка, обязательно отсохнет правая рука. Следует заострить внимание на одной существенной детали. Важно не только то, что несчастье отца выразилось художественно совершенно, примечательно и то, что удар, нанесенный ребенку, воспринимается, как потеря равновесия всем городом, всей страной: выпадают двери и окна, ломается посуда, трескаются винные кувшины, в хлевах и загонах мычит скот, даже самые тяжелые предметы сами меняют место, а на площади все увидят, что у отца, избившего ребенка, высохшая десница висит на плече «как отломанная ветвь». На сосуде спокойной жизни действительно появилась трещина. Выведенное из состояния желанного спокойствия население Вани испытывает изменения, ведущие его к концу. С этих пор философия конца подстерегает людей в любой мелочи, ибо нарушилась основа разумного отношения к предметам и явлениям.

Каждый впечатляющий эпизод зримо ведет читателя к выводу: Фрикс — специально подробное чужое семя, которое постепенно проявит все свои свойства так естественно, что никогда не взорвется чувство гнева против него, — он явится в страну в позе жалкого чужестранца.

Выросший при царском дворе Фрикс женится на дочери Аэта, веселой, смеющейся Карисе. Казалось, он должен быть вечно благодарен своему покровителю, но ностальгия съедает его, лишая все смысла. Между тем личностные переживания мало беспокоят великого царя Греции. Для него важно лишь то, что «он свил гнездо» — имеет четырех сыновей, которым внушил любовь к их настоящей родине, что они не признают ни своей матери, ни страны, где родились. Так в самом дворце Аэта появился первый враждебный лагерь, ослабляющий могущество трона.

Фрикс не смог осуществить свою мечту, не сумел вернуться на родину. Он умер и похоронен в Вани. Но его сыновья пронизаны зовом родной страны, нарисованной их отцом. Этот зов как цепью тянет всех четверых в Грецию, а отец, объявленный царским сыном, лежит в ванской земле.

Очень скоро произошло еще одно удивительное событие: сыновья Фрикса, у которых мать и бабушка были здесь, в Вани, похитив корабль, бежали в страну отца. Это было не только неуважением к матери, но и неблагодарностью, готовностью к вражде.

Весь Вани переполошился...

Бедиа потрясает любое странное явление, ибо он знает, что может последовать за ним. Еще раз убедившись, что море отступило, он промолчит, ибо ему все равно не поверят, если он скажет об этом, а только сильнее встревожатся. Бедиа знает: для того, чтобы море осталось на месте, надо сохранить душевное равновесие. Поэтому ценой полного истощения собственной нервной системы он должен сбереж чужое спокойствие. Сколь паразитически содержанная этой печали Бедиа, столь же необычна ее форма.

Случайно воспринятое странное явление имело свои последствия. Оказалось, его ветви ушли далеко. Постепенно начинали вырисовываться очертания неминуемого несчастья. Оно надвигалось на Колхиду, как туча. Могущественного царя Аэта повергла в раздумья цепь странных явлений. Он чутьем уловил дыхание опасности и необходимость быть в состоянии готовности.

Раздумья Аэта обоснованны, но — уже поздно. Праздная царская дипломатия до той поры не принимала всерьез факты, за которыми стояла трезвая стратегия. Аэт не лишен ни благоразумия, ни силы, ни полководческого та-

ланта, но слава сделала его ленивым. Он сам успокаивает демона своего сом- 1959-20
нения. Замечательно передана дремлющая суровость Аэта при встрече с Ясо- 0000000000
ном.

Отар Чиладзе-поэт часто напоминает о себе в этом романе. В большинст-
ве случаев соотношение соблюдено, но порой именно поэтическое восприятие
рисуемого предмета или явления до самых корней вскрывает их сущность. Так
случилось и в приведенном ниже эпизоде, где метафорическое мышление ис-
черпывающе познакомило нас с духовной жизнью Аэта, с главными чертами
его натуры. В этом эпизоде ясно видно также, что некогда богатый царь Кол-
хиды внутренне расслаблен. Он наслаждается иллюзией могущества, вместо то-
го чтобы закрепить его основу, быть готовым противостоять вероломной стра-
тегии. Поднимающийся время от времени из глубины его души символ трезво-
сти — дремлющая слава льва уверенного в себе Аэта — успокаивает его:

«Вдруг Аэт почувствовал на щеке прикосновение шершавого, сухого
языка льва и отшатнулся. «Оказывается, жив еще». Удивился. «Что тебе?!» —
спросил. «Ты сам чего хочешь? — спросил лев, зевнул, провел длинным — с
лохот — красным языком по черным ноздрям и продолжил: — Меня на всех
них хватит».

Лев был настроен бороться, но его надо было подбодрить. «Не натравить
ли», — подумал Аэт и так повел глазами, что все притихли. Жена преду-
преждающе улыбнулась ему, и Аэт впился в эту улыбку. «Нет, — шепнул
Аэт льву, — сначала хочу испытать. Посмотрим, на что они способны, может, не
стоит синица труда».

«Как знаешь», — прорычал лев и залег в пожелтевшую траву души Аэта». Душа
Аэта действительно похожа на пожелтевшую траву. Его могущ-
ество, как венец золотой эпохи античного Вани, в то же время воплощало пол-
ную зрелость. Все лучшие качества жителей Вани уже проявились, и стоячий
уровень жизни никуда не двигался. Слава Аэта тоже топталась на одном ме-
сте. Мужество куда-то улетучилось. Примечательно, что Аэт становится ми-
лостивым тогда, когда при появлении Фрикса ему надлежало открыть ворота
сомнениям и предположениям. Сомневается же тогда, когда должен действо-
вать решительно. И действует тогда, когда его неистовство уже не имеет ни-
какого смысла, когда все поггло. Царское могущество стало спутником рас-
строенного ритма, и очень скоро выявилась его внутренняя пустота: «Аэт уже
чувствовал, что совершил большую ошибку, приняв во дворец обреченного ро-
дителями Фрикса как близкого человека и даже породнившись с ним. Теперь
по следам Фрикса пришел корабль, а завтра, возможно, вся Греция будет сто-
ять у дверей его дома».

Писатель, эстетический принцип которого опирается на законы современ-
ной прозы, особо усилил дыхание реализма при передаче полумифических со-
бытий. Руно и связанные с ним события он лишил мистического покрова, пред-
ставив его в своем подлинном облике. Поэтому ему понадобилось нарисовать
детство Фрикса и его семейное окружение. Краски строги — никакого царского
происхождения: подавленный нуждой и бесперспективной жизнью Фрикс для
великого царя Греции представлял прекрасное орудие для осуществления его
стратегии. Иллюзию летающего руна он использовал в качестве подавляющей
формы.

После этого «гнездо и могила» Фрикса становятся для Аэта предметом
неограниченного значения. Его сознание работает лихорадочно. И в этом слу-
чае примечательно следующее: чем больше он думает, чем глубже анализирует
явления, тем яснее представляется ему логика происходящих вокруг него со-
бытий, тем больше пропадает у него желание действовать и начинает преобла-
дать ощущение неминуемого.

Как оказалось, движимое жалостью доброжелательное отношение к бес-
приютному человеку не было несомненным признаком одного только благо-
родства. Как показали события, оно обернулось своеобразной формой внутрен-
ней слабости.

Именно через ворота этого благородства враг и вторгся в личность Аэта,
как куклу сбросив с трона могущественного царя. Тем же путем в характер
жителей Вани ворвалось рабство, обратив к пропасти взиравшие на солнце ли-
ца.

В то время как Аэт не мог изменить своей природе, служить которой,
по словам писателя, считал своим долгом, великий царь Греции использует бла-
городство в качестве дипломатического хода. В этом и состоит радикальная раз-
ница между характерами. В отношении к Фриксу проявился характер не толь-
ко обитателей дворца, но и всей Колхиды. Время доказало Аэту и его стране,
что благородство явилось не выражением щедрого человеколюбия, а одной из
слабых сторон крепости.

Три десятка столетий колоколами тревоги в душе человечества бьет потерявшая равновесие, полная горения страстей подспудных глубин личность Медеи, чей характер, с такой силой переданный в художественном воплощении Еврипида и привлекший внимание миллионов читателей, фактически полностью заслонил трагедию ее родины, именуемой ныне античной Колхидой. Медея оставила здесь набухшие от горя жилы отчизны, согбенные под сводами рабства гордость и самолюбие ее народа. Отар Чиладзе превратил в художественную действительность боль и печаль этой страны, ушедшей в прошлое.

Главный герой романа — феномен независимости, в котором и находит свое воплощение основной смысл произведения.

В остальных двух частях мы имеем возможность проследить, как рождается и торжествует страшная мысль о падении покоренной страны. Став колонией Греции, античный Вани лишился своего воинственного духа, способности к сопротивлению.

Воину Ухеиро тоже впервые переломили хребет, впервые у него отнялись ноги, и он остался прикованным к постели с тем, чтобы мы смогли по растянутому, утомительному повествованию ощутить весь кошмар бездействия.

Примечательно, что бурный пульс страны лишился силы в результате, казалось бы, слепого случая. Но за ним таится годами подготавливаемая неизбежность случившегося. Случайность, превратившая война в калеку, наталкивает на мысль о невозможности бездумного, праздного существования, которое не простит суровое течение действительности.

С самого начала трагедии, постигшей Ухеиро, знаменательно писательское восприятие его копья, словно живого человека, переживающего неприятные последствия происшедшего. Будто предчувствие подсказывает ему, что его миссия окончена:

«...казалось, будто в нем (копье. — Дж. Г.) проснулась душа, которая захотела позабыться. В слабых и неопытных руках ребенка оно чувствовало себя вольготно. С хозяином столького себе не позволило бы. Ухеиро знал, где и как за него взяться. Небрежное, болью отдающееся и в то же время вызывающее приятную дрожь прикосновение этой руки возбуждало копье к бою, а теперь у него появилось желание подучиться».

В этой игривости, вскоре проявившейся и в жизненном нюансе, выразилось изменившееся отношение воинственного духа к смыслу жизни.

Уже непригодный для боя Ухеиро «на огромном, как парус, холсте» рисует убитых им же врагов. При этом лицо его словно оваяно ореолом чистоты, а вся сущность его пронизана каким-то необыкновенным и полным очарования светом. Эпизод этот, одновременно поэтический и ужасающий, привлекающий живостью фантазии, таит страшную по своей сути мысль.

На протяжении множества столетий античной Колхиде сопутствовала печаль этого бездействующего копья. Реализм жизни, как стойкое русло, подчинил себе желание борьбы и энергию, менял это желание и вел его вниз. Эта перемена захватывает душу Ухеиро по частям. Утомительный, но неукоснительный процесс сведения на нет дошел до последней точки, и от некогда прославленного героя осталось только чучело.

Личность Окаджадо, сменившего Азта, вполне устраивает великого царя Греческой империи. Плоское и неподвижное лицо Окаджадо хорошо передает ту неподвижность мысли, которая потом охватила его же царство. И если оно придет в движение, то только по зову греческой трубы — по велению «великого царя» Окаджадо посылает корабли, набитые воинами, большинство которых проливало кровь за чужую землю. Лишь незначительная часть с подорванным здоровьем возвращалась обратно. Вани наполнялся калеками. Их рассказы о героических делах никого не волнуют, ибо кого тронет подвиг, совершенный не во имя родины. Только служение ей наполняет сосуды живой кровью. В остальных случаях они пусты, как высохший канал.

Перебошенная в новое русло жизнь Вани, постепенно успокаиваясь, привыкая к берегам, бежала вниз. Торговец вином Баха остался тем же, кем и был, но у него появилась новая забота: теперь от его вина люди не пьянели, а глумели. Он был уверен, что это проделки Иmano, который портил вино, но пока молчал. Надеялся застать его врасплох и тогда потребовать ответ. Людей тоже не узнавал Баха. В его сорокасупенчатом подвале теперь бывал совсем другой народ. Вино тоже пили иначе — стоя, в спешке, и потому быстро пьянели.

Трезвость Бедиа все больше теряла смысл. Его никто не слушал, а один он не мог сразиться с грядущим. Образ Бедиа необычен, несмотря на то, что писатель надел на него смирительную рубашку, чтобы сделать его еще более

земным и реальным. Тем не менее наше внимание приковано именно к этому образу — будто не возданное своевременно этому стражу страны должно быть восполнено сегодня.

В своем большом романе Отар Чиладзе предельно внимателен к любому нюансу. И хотя краски распределены со строгой точностью, все же нигде не ощущается такого обилия фантазии, как вокруг линии Бедиа, где даже слова единоборствуют за лучшее выражение замысла. Видимо, создание монументального символического образа Бедиа потребовало от писателя максимума творческой энергии.

Автор напоминает о существовании Бедиа лишь при необходимости сосредоточить все явления в едином фокусе, которым служит эта чуткая душа, где они преломляются, прежде чем выйти на простор. Море полнокровной жизни окружило трепетающую душу этого стража страны и открыло тайну необходимости ухода навсегда. Переживания Бедиа переполошили всю его семью. Жена, поддавшись настроениям мужа, тоже стала похожа на сумасшедшую. Стоя на берегу моря, она оглашает страну возгласами горя и печали. При описании этой сцены писатель дает полный простор размаху условности.

Равнодушие, душевное бесплодие охватили страну, как наваждение. Порождением «переброшенной в другое русло жизни» возникает такой тип, как Куса. Он открыто гордится своей нечестностью и, не пряча в ночи, как зло, свои грязные когти, днем на глазах у всех перерезает горло честности. Но не так страшен сам факт существования человека, подобного Куса, сколько то, что обусловило неизбежность его появления. «Куса был неизбежен, как рок».

И тут хочется обратить внимание на гуманизм писателя, с еще большей четкостью и определенностью заявивший о себе в отношении людей, чья натура настолько опошлена, что в ней уже никогда не утвердится равновесие, свойственное рожденному под солнцем.

Новая жизнь, проносющаяся над сорокаступенчатым подвалом Баха, изменила и вино, и пирующие. Не стало Баха. Прекрасная сущность сорокаступенчатого подвала обесценилась. Теперь он стал местом обмана людей. При Баха сорок ступеней воспринимались как детали монументальности, а теперь это лишь утомительный подъем для поглупевших людей. Такой исход сложившейся ситуации — всесторонне логичен.

В цепи обрушившихся несчастий потерей самого большого звена все же было исчезновение сада Дариачанги. Символ богатства, воплощения красивых мечтаний, счастья мог существовать до тех пор, пока народ был похож на народ, царство — на царство, пока внутренняя гармония опиралась на собственную ось, от которой разветвлялись ее достоинства. Люди, которых околдовал, развратил и довел до вырождения наместник греческого царя Окаджадо, уже не годились на роль хозяев сада Дариачанги просто потому, что этот сад уже не мог черпать живительный сок из их существа, как из почвы.

И кого как не Бедиа в первую очередь могло смутить исчезновение сада Дариачанги. Когда Куса понадобилась веревка, чтобы связать преследуемого им Парнаоза, он отнял ее у Бедиа и пустился вслед за убагавшим. Обиженный, покрытый язвами, верный страж страны последним подошел к исчезающему саду и там упал. Кто-то «взял спутающуюся веревку и не подал, а бросил так, словно укрыл труп лохмотьями».

«Переброшенная в другое русло жизнь» старательно лепит соответствующие ей лица. Личности Бедиа она отвела в своей структуре именно такое уничижительное место и такую уничижительную форму.

Холод, как символ бесплодия, прежде всего сковал жизнь во дворце, сделав ее невыносимой. Писатель метафорически показывает это царство холода — на дворце висят сосульки, у его обитателей застыли кровь, мысли, страсти. «Царская» модель Окаджадо полностью отвечает интересам захватчика. В управлении государством Окаджадо опирается на женский разум потерявшей способность передвигаться матери. Мелкая дипломатия дворца соответственно делает мелким и дух подданных. Строгость служит только личным капризам, она превратилась в чудачество. «Окаджадо в первую очередь наказывает свой народ». И однажды эта горькая действительность всем стала ясна. Такова закономерность внутренней логики поработленного. И хотя время от времени в Вани поднимается волна протеста против действий великого царя Греции, презренный раб Окаджадо, запугивая его жителей, приучает их к рабству и из уставших, обескровленных людей легко лепит бескровных кукол. Так создается безликий стиль жизни, когда вещи и явления теряют свой истинный смысл и названия. Объективно плодом такого стиля является Куса. Он не может быть кровным потомком страны Аэта. И писатель ясно говорит об этом.

«Умираю, не прикасайтесь, дайте умереть, как хочу», — стонал, скулил, вздыхал Куса, будто действительно умирал, нет, уже умер и в кровати, как в фамильном склепе, был похоронен вместе со своим мертворож-

денным потомством. На самом же деле Куса рождался, рождался заново, не из чрева глупой и трусливой бабы, а из собственного разума, закаленный, обитый, поумневший и остепенившийся.

Парнаоз — воплощение благородного, сильного отца. Но от потомка война жизнь ничего не требует. Энергия, словно водоворот, кипит в его мечтах, остывая потом в сыром характере. Неспособность Парнаоза опирается на свою философию, и существование этого характера имеет свою логику. «Парнаоз имел руки трудового человека, похожие на осколки глыбы, на тяжелые, с острыми гранями осколки, которые в минуты опасности могут служить и оружием; они излучают силу, хотя эта сила не отпугивает человека, а наполняет каким-то грустным спокойствием, одурманивает его, как огонь или дождь, поскольку они предназначены для труда, а не для того, чтобы убивать».

Так постепенно, естественно писатель приближается к главному, что хотел сказать, — по своей природе жители античного Вани были предназначены для труда, а не для порабощения другими. При Аэте, пока он не допустил ошибку за ошибкой, они жили, широко расправив плечи. В руках же Окадиадо стали бездействующей массой. И все их достоинства обернулись уродством.

3. ОТ МАСКИ К МАСКЕ

ФЕНОМЕН независимости стремится исчерпать свою логику в третьей части романа. Структура произведения строго последовательна: в ней точно определена закономерность следования каждого звена. Чудеса исключены. Писатель обязывает своих героев смотреть правде в глаза. Из множества пластов романа сочтется беспощадная, но верная мысль о заснувших сынах страны: они представляют лишь призраки счастливых предков; каждая клетка их лиц излучает философию раба. Ею пропитаны улыбка и смех, не говоря уже о печали. Знак угнетенности, словно полководец, возглавляет думы потомков. Каждое движение, даже простой поворот делаются приниженно, голос надтреснутый и, наконец, маска — только комическая.

На гены свободных людей никогда не обрушивалась угнетающая сила страха. Они спокойно текли в своем глубоком, широком и свободном русле. Ритм этого течения ничем не нарушался. От поколения к поколению эти гены искали и находили соответствующую гордую и вольную форму, в известной мере отличавшуюся друг от друга.

Но вот испуг одолел некогда беспечных жителей Колхиды. Надвигавшаяся со всех краев, с полей и гор страны новая психология, которая сквозила в каплях дождя, волнах ветра и лучах солнца, приостановила ритм их крови. Эта психология держала под своим бременем модель духовной и физической жизни каждого гражданина, овладевала извилинами мозга, клетками тела, зашугивала гены и суживала их русло, меняла окраску и направление мечты.

В первом же потомке Ухеиро — Парнаозе дала о себе знать горькая действительность: «Ухеиро сделал свое, спас сына, но в конечном счете он все же совершил еще более тяжкое зло. Его сын мог принести только несчастье, поскольку являлся детищем побежденного, осмеянного, искалеченного и запуганного человека».

Сына свободной страны, будь он даже не видимым воином, все же отличает свой духовный строй. Даже слабый Апрашон проявляет недостижимое для жителей Вани времен Парнаоза мужество: «...ничего не имея под рукой, он собственной кровью брызнул в глаза убийце».

А большие, грубые руки Парнаоза так и лежат на коленях без дела. Или же он с завидной прилежностью трудится, не принося никакой пользы родне. Безжалостный кнут выжимает из расслабленного тела Парнаоза невиданную энергию. Он трудится так прилежно, что притесненные надзирателем каменотесы (мол, берите пример с Парнаоза) чуть его не убили. Тяжела и глупо скрытая в этом факте философия. Бесполезная для своей страны энергия пущена в иное русло. И даже в этом русле энергия Парнаоза вызывает удивление.

Но его старание бесплодно. Насилие высосало всю силу раба и выбросило его как дохлую муху. Парнаозу только и оставалось, что притащить в родную страну свои измученные кости. Но и это оказалось делом нелегким. В ожидании отправлявшегося в Вани корабля ему пришлось, нищенствуя и голодая, месяцами пропадать в порту. Здесь существенно не обрушившееся на человека несчастье или случайность, обычная для приключений. Не это угнетает личность Парнаоза. К сожалению, в нем угнетенность, ущемленный характер исходят из глубины его существа. Беда не подстерегает Парнаоза, а им самим порождается.

«Однажды, когда немного оправился, грузчики избили, мол, не обесценивай наш труд. Однажды у кого-то во дворе колот дрова и топором рассек большой палец на ноге. Образовалась огромная лужа крови, а он счищал ее брызги с дров, боясь, чтобы не увидел хозяин».

Трудно лучше выразить психологию бедного раба.

Наконец, с большим трудом Парнаоз возвращается в Вани. Раньше тоже возвращались из дальних походов войны, и народ торжественно их встречал. Печаль по погибшим сопровождалась гордостью за война, ощущение могущества и силы словно сочилось из стен. Парнаоз же воровато крадет в свою избу. Вернувшегося из бесславного путешествия, его никто не встречает с нетерпением, кроме убитой горем семьи. Поэтому он может пройти по улицам города так, что на него, отсутствовавшего десять лет, никто не обратит особого внимания, никто не встретит с любовью (давно уже никто не отправлялся из Вани на героические дела. Только как рабочий скот, с опущенной головой поднимались люди иногда на греческие корабли). Лишь в родных стенах вырывается наружу его давнишняя мечта, пропитанная сыростью нищеты.

На переднем плане жизни Вани стоит личность Куса, являющегося носителем комплекса свойств его жителя. Пульс активной жизни измеряется его пульсом. Исчерпанная энергия предков сосредоточена в пассивном характере Парнаоза.

Деятельность Куса никогда не выходила из эгоистического русла. Даже капля интересов страны и народа не упала в его душу. Он не допускает в своем характере даже желания обобщать. Показавшаяся с первого взгляда деятельной, пронизанной философией действия его натура — иллюзия, ибо на всем лежит клеймо животного. Поэтому практицизм Куса направлен против подлинного дела, а его прозорливость представляется антиподом разумности.

Однажды на пустынной улице дети нашли труп Бедиа. Его миссия окончилась. Напрасно он предупреждал, что море отступает. Неодолимая тенденция приспособления распространялась как незримая сила везде и всюду. И страна стала привыкать к утрате былых высот. Это привело к вытеснению достоинств и замене их совсем иными качествами. Словно зло поставило в захваченной крепости своих стражей, и когда исчезла последняя искра надежды, жизнь Бедиа тоже потеряла свой смысл.

Ритуал погребения в море, возможно, и не нов, но без этого эпизода роман лишился бы чего-то очень большого. По структуре произведения Бедиа должен быть погребен в море. Читатель подготовлен к этому и ждет именно такого исхода. Писатель же намеренно сгущенными красками рисует запознанный морю, чтобы осуществить этот ритуал было непросто и нелегко. Погребение Бедиа в неразлучном с ним море выглядит, как насмешка судьбы. В свое время огромное, шумное и чистое, оно превратилось в болото, характеристика которого не самоцель для писателя. Эта картина в романе имеет свою функцию. Помутневшая от болотных испарений местность приобрела болезненную окраску. Сама болезнь поднимается из болота, которое стоит между морем и Вани, и энергия всей страны должна пройти через него, как через кровеносную систему. Поэтому сказанное о болоте предполагает сказанное о содержании жизни самого Вани.

«По их убеждению, булькавшее, зловец блестевшее болото было выпущенным из подземелья чудовищем, которое само выбирало свою жертву. Это было лучше, чем если бы оно поглотило всех вместе. Бывший рыбак по вечерам опять сажал свою семью в лодку с прогнившим дном... Вместо весла брал длинный шест, которым упирался в мягкое и жидкое дно, нажимая на которое и вел лодку к берегу. Казалось, будто Харон перевозил на тот свет души усопших. В свете отражавшейся на поверхности болота луны находившиеся в лодке действительно были похожи на покойников. Они сидели молча, словноплыли не домой, а в таинственную и желанную страну смерти».

Так постепенно губительный недуг падения приближается к основной сущности жизни Вани — к ее самобытному духу.

В роман часто вплетается анализ событий. Окаждо познан как самая подходящая кандидатура для осуществления вероломного замысла великого царя Греции. Восставшие против Аэта войны Вани, преисполненные пафоса освобождения родины, направляются на поле боя. Хитрый царь их же руками лишил этих воинов родины. Они так и сошли в могилу, не испытав угрызений совести перед потомками, на долю которых оставили вековое рабство. Захватчик давал гражданам Вани показную свободу желаний и действий, чем явно отличался от сурового Аэта. В силу этого внутренние беспорядки воспринимались как свобода, аморальное вырождение — как либеральность закона. При Окаждо страна стала похожа на отару овец без пастуха, которая «щипала траву там, где хотела», но и в пропасть проваливалась так же слепо, ибо никто не успевал предупредить об этой опасности. Царский дворец выродился, так

же как и вся страна. Поток событий всю тяжесть вины за это свалил на своды дворца, превратив каждый его камень в мишень. Ирония судьбы обрела тысячу обличий, само время насмеялось над дворцовой жизнью, которая в руках Окаджадо превратилась в пародию на саму себя, ибо великий царь Греции с его помощью обратил дворец правителя Колхиды из очага хозяина страны в средство ее истребления. «Сложив руки за спину, Окаджадо бродил по коридорам молчания и пустоты, шарканье его шлепанцев делало их еще более безмолвными и пустынными, ибо этот звук тоже был их неотъемлемой частью, стражем их твердыни».

Выполняя свою миссию, Окаджадо ни разу не протрезвел, да и не пытался это сделать. А время, которое прошло через тело страны с переломленным хребтом, придало Окаджадо облик его же искаленного господства и однажды показало в зеркале этот облик. В нем нашли выражение перенесенные унижения и в свое время не замеченные мучения: «Из бесконечных недр зеркала выползло и показалось лицо с растрепанными волосами, с выпученными от страха и нехватки воздуха глазами, грязное и замызганное, обтрепанное и расплывшееся изображение странного существа, которое одновременно внушало страх и омерзение, было грозным и жалким. Из раскрытого рта глядели голые десна, к носу присохли сопля, а глазами это существо водило грозно, словно сердилось, что его посмели побеспокоить, вызвать из глубины зеркала. «А это что еще за наваждение», — подумал Окаджадо и невольно закрыл ладонью зеркало, будто хотел загнать обратно это странное чудовище».

Со смертью Баха исчез первый символ — богатства страны. С гибелью сада Дариачанги пропал символ ее силы и красоты. Смерть Бедиа означала уход бдительного стража родины. А совсем последним покинул Вани Бочиа, воплощающий вечное плодородие и размножение. Уход из жизни Бочиа осмыслен, как логический конец событий. Ставшие на путь вырождения, жители Вани утратили красоту существования, поившую вечные гены Бочиа живительным нектаром.

Постепенно опустел Вани, закрылись двери домов, травой заросли улицы. Не случайно в конце всего Окаджадо тревожит явление Аэта и призрак того человека, который с копьем в горле кричал: «Да здравствует Аэт!». Это произошло в день вступления Окаджадо в Вани. Прошлое взорвалось в его сознании образами погубленных им людей, как глубоководная параллель.

Повернутая вспять жизнь признала сына Ухеиро — Парнаоза предателем сограждан и та же логика оправдала Куса. Так время и обстоятельства изменили названия всего. Парнаозом пережито пребывание на дне. Спуск кончился. Все притоки реки жизни влились в ту пропасть, в которую история бросила Вани. Только по воле вечного закона природы в огромном организме страны снова накапливаются сила и энергия для нового озарения. Накапливается желание сразиться с крутым подъемом. Накапливается и извлеченное из ошибок и упущений знание.

НА ДНЯХ стали известны имена лауреатов премии имени Котэ Марджанишвили, присуждаемой Министерством культуры Грузинской ССР и президиумом Театрального общества Грузии.

За лучшую театральную постановку и теоретический труд, созданные за два последних театральных сезона (1975—1976 гг.) премии присуждены Г. Т. Лорткипанидзе (режиссеру-постановщику спектакля «Праздник одиночества» («Пиромани») Руставского государственного театра), О. В. Мегвинетуцеси (исполнителю роли Пиромани в спектакле «Праздник одиночества») и Д. К. Антадзе за книгу «Рядом с Марджанишвили». Предлагаем читателям рецензию на эту книгу, изданную Всероссийским Театральным обществом

Михаил ГИЖИМКРЕЛИ

Воспоминание об учителе

«РЯДОМ с Марджанишвили». Так озаглавлен русский перевод воспоминаний Давида Константиновича Антадзе, изданных на грузинском языке в двух томах под общим названием «Дни из близкого прошлого». Перевод выполнен Ф. Г. Гокиели.

Листая страницы книги, знакомясь с ее оформлением (Г. В. Афанасьев, Л. И. Горилловская), работой художника В. Я. Дугина, с редакторской культурой (доктор искусствоведения К. Л. Рудницкий, Е. Г. Болтова), читатель явственно ощущает любовное отношение к светлomu имени выдающегося советского режиссера-новатора, пламенного поборника нерасторжимости наших театральных культур. Книге предпослана обширная статья Бесо Жгенти.

Значение воспоминаний Д. Антадзе трудно переоценить. Ведь написаны они человеком, который с первого дня рождения грузинского советского театра был рядом с его вдохновителем и прославленным руководителем — К. А. Марджанишвили.

Впервые у русского читателя появилась возможность ознакомиться с последним этапом творчества К. Марджанишвили, завершающим поиски великого режиссера, оценить подвиг художника, о котором поведал очевидец, ближайший помощник и ученик. И хотя верные марджановцы Ушанги Чхеидзе, Тамар Вахвакишвили и другие оставили нам весьма интересные, содержательные воспоминания, они не ставили

перед собой цели излагать последовательную цепь событий, свидетелем и участником которых был Д. Антадзе, по долгу своей службы находившийся в непрерывном контакте с руководителем театра.

В мемуаристике всегда важно не только, о ком воспоминания, но и кем они написаны. Именно последнее и есть определитель достоверности, правдивости, истинности мемуаров. И потому весьма существенным является определение того «изначального», что послужило толчком для творческой судьбы самого автора. «Однажды отец повел меня на вечер, посвященный Акакию Церетели. В «живых картинах» по мотивам одной из поэм Церетели не хватило людей для массовки. Поэтому меня тоже позвали за кулисы, нарядили крестьянским парнем, дали в руки серп и вывели на подмости. Было странно, но интересно и сладостно сознать, что из зрительного зала смотрят и на меня...». Первое сценическое крещение на подлинно национальной почве переплетается с одновременным зрительским потрясением: «Первый увиденный мною «настоящий» спектакль — инсценировка повести Гоголя «Тарас Бульба» — врезался в память на всю жизнь. То было сценическое чудо: Заньковецкая...».

Так в формирующемся сознании юнши укладываются рядом имена: грузинского классика, великого русского писателя и гениальной украинской актрисы. Всегда интересно, что было вначале. У Антадзе с самого начала было

ощущение родства и многоцветия культур.

Корабль Марджанишвили после долгого плавания, войдя в родные просторы, претерпел тем не менее немало бурь. Однако отважного капитана никогда не покидал его верный помощник. Антадзе всегда верил в своего учителя, в историческое значение его миссии. Написанная им книга явилась своеобразным подведением итогов жизни, без остатка отданной утверждению и торжеству творческих идей Марджанова.

Сохраняя необходимый такт и тон, Д. К. Антадзе не избегает и трудных, буднично-невеселых вопросов. Повествование менее всего напоминает торжественный монолог в честь одних только побед и праздников. Однако, упоминая спектакли, не пользовавшиеся успехом, автор не просто демонстрирует объективность, а раскрывает нам характер постановки и дает возможность увидеть ее как звено в общей цепи поисков художника. Таким именно представляется спектакль, поставленный в промежутке между этапными постановками: «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега и «Затмение солнца в Грузии» Зураба Антонова.

После шумного успеха «Овечьего источника» спектакль «Голубой паук» Лимонье, вызвавший некоторое недоумение зрителя, явился своеобразной разминкой творческой фантазии режиссера, вновь забывшей фонтаном в следующем, по-марджановски солнечном спектакле «Затмение солнца в Грузии».

С особой тщательностью прослеживает автор мемуаров неустанную, кипучую деятельность К. А. Марджанишвили по созданию глубоко современного и интернационального по своему духу и содержанию репертуара. В нем всегда жила истинно горьковская ненависть к мещанству.

Именно этим можно объяснить ту непримиримость, которую, согласно авторитетному свидетельству Д. К. Антадзе, проявил художник к спектаклю «Уродство», разорвав пьесу автора, ради скандальной шумихи торговавшего человеческого достоинством.

Завершая свои воспоминания, автор сознательно и вполне справедливо задерживает внимание читателя на спектакле «Гурия Ниношвили» и истории

его постановки, так как это был первый спектакль, поставленный театром после смерти Марджанишвили.

«Наш театр как бы держал экзамен на аттестат зрелости, доказывая, что он может продолжить свое существование без Марджанишвили».

Преданность учителю была щедро вознаграждена. И аттестат зрелости, полученный создателями великолепного спектакля, ярко запечатлевшегося в нашей памяти, оказался заверенным рукой самого Алексея Дикого, крупнейшего советского режиссера.

Неоспоримому успеху «первого спектакля без Котэ» во многом способствовала общая поддержка, которую выражала теперь режиссеру Д. Антадзе постановочная группа: и художник Давид Какабадзе, и композитор Шалва Мшвелидзе, и сам автор Шалва Дадияни, и завлит Димитрий Джанелидзе, и актеры во главе с Ушанги Чхеидзе.

Коллектив платил постановщику той самой преданностью, которую тот всегда питал к великому режиссеру.

И здесь, нам кажется, вновь возникает принципиальная проблема взаимоотношений руководителя театра и режиссера. Подчиняясь диалектике взаимосвязи учителя и ученика, эти взаимоотношения приводят людей к естественной разлуке, происходящей даже на самой доброй основе, как это случилось со Станиславским и Вахтанговым. Однако читателям книги «Рядом с Марджанишвили» нетрудно будет убедиться в том, что найти себя можно и не отходя от учителя, ибо подобный уход вовсе не является единственным условием дальнейшего самостоятельного роста. Более того, оставаясь рядом с великим мэтром, можно достичь не только очередных высот, но и подать пример той истинной преданности, без которой не обходится истинно великое.

Мы часто ссылаемся на логически оправданное отделение, отмежевание Вахтангова и очень редко вдумываемся в глубинный смысл, заключенный в преданности Сулерджицкого.

Книга Д. К. Антадзе предупреждает нас об опасности односторонних выводов на сложных путях исторически развивающейся театральной жизни. И в этом еще одна заслуга автора книги.

ПРИЗВАНИЕ— НЕСТИ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ

В ВЫСТАВОЧНОМ зале «Мерани» экспонировались произведения заслуженного художника Грузинской ССР, лауреата премии комсомола Грузии Д. В. Эристави.

Воспитанник Тбилисской Академии художеств, ученик И. Шарлеманя, Д. Габашвили, Л. Григолиа, Дмитрий Эристави уже в дипломной работе, серии автолитографий — иллюстраций к рассказу А. Франса «Кренкебиль», проявил себя как художник, тонко чувствующий специфику книжной иллюстрации. Он внимательно изучал типы и костюмы той эпохи, часами просиживал в библиотеке Музея искусств Грузии. В результате его дипломная работа заслужила высокую оценку.

Д. Эристави пришел в большое искусство в конце 50-х — в начале 60 годов. Художественная жизнь той поры была характерна напряженными поисками пластически выразительной формы, тяготением к широким образным обобщениям. Вспоминаются ранние работы художника, сделанные вскоре после окончания Академии художеств — серия листов, выполненных темперой и пастелью, композиции несколько стилизованные, графичные: «Игра в классы», «Продавец фиалок», «Прогулка», «Велосипедисты» и др.

В 1966 году после групповой выставки Д. Эристави, Т. Мирзашвили, З. Нижарадзе, проходившей в Москве в редакции журнала «Юность», Ю. Васильев писал: «Пастели Эристави... давно уже знакомы москвичам своей нежностью, скрытым лиризмом, порю грустным и даже драматическим... От каждой картины Эристави веет ветром мира и любви».

В более поздние годы художник работает уже в ином стиле. Меняются его мировосприятие и пластическая манера. Он создает интересные сложные композиции тушью, пером и карандашом, многоплановые и многофигурные. Мастер-

ство художника растет с каждым годом. Удивляет утонченность и ажурность рисунка, присущие его перу.

Когда-то Д. Эристави сказал: «Я работаю над циклом композиций о людях, которые ходят по улицам моего города, трудятся, отдыхают, огорчаются и смеются». Умный и наблюдательный художник, он подмечает каждую деталь, подает все с большим тактом и вкусом. Так возникли прекрасные циклы «Мужские развлечения», «Труженики», «Старый Тбилиси».

С начала 60-х годов книжная иллюстрация вступает в полосу подъема. Именно в эти годы Д. Эристави серьезно работает в области иллюстрирования произведений советских, русских и зарубежных писателей: А. Гайдара, Шарля де Костера, Ч. Дикенса, А. Франса, В. Шекспира и т. д. Он активно сотрудничает в издательствах «Сабчота хеловнеба», «Сабчота Сакартвело», «Накадули», «Мерани», иллюстрирует литературно-художественный журнал «Цискари», постоянно работает на киностудии «Грузия-фильм»...

На мой взгляд, Дмитрий Эристави — один из лучших портретистов Грузии. Его портреты — очень разные по своей психологической характеристике и манере исполнения: легкий серебристый портрет Мананы Абазадзе, строгий облик жены художника Нателы Петровой, монументальный портрет К. Каладзе, почти скульптурный портрет поэта Р. Амашукели. Техника их исполнения — на высоком уровне...

Д. Эристави работает много и плодотворно. Трудно сказать, какому жанру отдает он предпочтение и где наиболее ярко проявился его талант. С одинаковым увлечением он рисует, лепит, занимается книжной иллюстрацией, пишет сценарии, оформляет кинофильмы. Своим творчеством он служит людям, доставляет им огромную радость.

Баски и грузины

ПАМЯТНИКИ материальной культуры, найденные на территории Месхети (топоры, сегмент, мотыга), в своей совокупности определяют специфику именно западногрузинской, колхидской (колхской) культуры. Ареал их распространения полностью совпадает с границами распространения колхидской топонимики¹.

Месхети расположена в средней полосе между Колхидой и Иберией. Под сильным влиянием Иберии в ранние века началась картизация этого края.

Для того чтобы яснее показать стремление картов к гегемонии в сравнительно позднее время и процесс картизации отдельных юго-западных областей, необходимо провести некоторый экскурс предварительного характера.

Современные картвельские языки — собственно грузинский (или язык картов), мегрело-чанский (или занский, колхский) и сванский произошли из одного общего праязыка. Это был их язык-основа, «своеобразный нерасчленинный субстрат» (А. Чикобава), который делился на диалекты. Именно эти диалекты в процессе исторического развития переросли в родственные языковые единицы, которые сегодня образуют иберийскую или картвельскую группу вышеупомянутых языков. Картская языковая единица сформировалась в Восточной Грузии, занская же (колхская) и сванская — в Западной Грузии. В определенную эпоху племя картов добилось гегемонии в мире грузин (это те же картлийцы), и Восточная Грузия стала государственным и культурным центром всей Грузии, были заложены основы письменности, начался процесс консолидации и дальнейшего слияния грузинских племен, чему в большой мере способствовало возникновение литературы. В основу же грузинского литературного языка лег картский диалект, с течением времени литературный язык «впитывал не только какой-либо лучший элемент одного диалекта, но и материалы всех грузинских наречий». Говоря словами Н. Марра, с культурно-исторической точки зрения грузинский литературный язык настолько же сванский и мегрельский, настолько же гурийский и имеретинский, насколько картлийский, он служит родным литературным языком для всех грузинских племен. По мнению того же Н. Марра, грузинский как литературный язык и вообще язык культурных кругов усвоил вместе с языком картов также тубалокаинский (т. е. мегрело-чанский), сванский и другие элементы.

Реальное осуществление национальной идеи давно объединило в национальном и культурном отношениях все картвельские племена как духовно, так и физически. Литературный грузинский сближался и с неродственными языками, заимствовал у них термины, необходимые для высокоразвитого на-

¹ Т. Микеладзе. Разыскания из истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного побережья Черного моря. 1974, с. 30 (на грузинском языке).

УДК 373.73
73.000.10133

рода, и, переваривая их как свою собственность, сам становился языком мирового значения (Н. Марр).

Усиление Иберии в Восточной Грузии, естественно, вызвало необходимость распространения и расширения сферы ее влияния на другие грузинские племена. Процесс картизации, конечно, вызывал расширение ареала картского (грузинского) языка. Известный грузинский историк XI в. Леонтий Мровели считает, что обращение Западной и Юго-Западной Грузии в христианство под влиянием Иберии (Картли) произошло в результате деятельности царя Фарнаваза. Из текстов грузинского летописца видно, что картизация названных районов была политическим мероприятием и осуществлялась соответствующими актами: династическими браками, назначением своих чиновников или утверждением существующих уже местных чиновников и местных династий, строительством населенных пунктов и крепостей, в которых, видимо, находились гарнизоны картов и т. д.¹. Раньше всех подверглись картизации Гурия, Аджария, Месхети-Джавахети, т. е. районы Юго-Западной Грузии.

Под сильное влияние Иберии подпали и негрузины — горцы Кавказа. Судя по историческим источникам, в античную эпоху гегемония картов должна была распространиться на многие чечено-дагестанские (геро-албанские) племена. Некоторые племена даже полностью огрузинились. Грузинский язык глубоко проник в жизнь населения горных районов. О широком масштабе распространения государственного языка Иберии в древние века акад. Марр говорил в 20-х годах: «... в многочисленных языках Кавказа есть языки племенные и языки национальные с точки зрения их общественного значения... Грузинский язык и поныне не племенной, а национальный язык... Грузинский язык — это вообще язык кавказской общности на значительной территории Кавказа, не исключая и тех и народов, которые далеки от какого-либо или от заметной в практической жизни племенного родства и независимости от религии... Сравнительно с прошлым грузинский язык, конечно, потерял ряд позиций кавказского международного языка; тем не менее у него, у грузинского национального языка, и сейчас все данные одного из немногих международных языков Кавказа... Грузинский национальный язык обладает, вместе с международной в масштабе кавказской общности, исключительной демократичностью. Оба эти качества... — результат громадной культурной работы... В этой работе принимали участие не один грузинский народ, но одно грузинское племя, не один слой грузинского народа. Грузинский язык в известной мере — синтез кавказской культурной жизни, стремившейся создать себе единый общественный язык и в древности»².

С вышеуказанным мнением Н. Марра полностью соглашается И. Джавахишвили, который добавил: «здесь сказано все, причем с такими обычными для Марра талантом и красноречием, что никакие дополнения не нужны, и после этого продолжать рассуждения о настоящей сущности грузинского языка, кажется, было бы совершенно излишним»³.

После того как мы разобрали племенно-языковое содержание термина «картизация», можно вернуться к вопросу об участии и месте месхов в этническом составе древней Иберии.

Месхи (которые под названием мусков во времена ассирийских царей занимали территорию, принадлежавшую позднее Понтийскому царству) в I веке до н. э. находились между Колхидой, Иберией и Арменией, примерно на том месте, где было впоследствии Самцхе-Саатабаго⁴. Продвижение картов к западу и борьба отдельных этно-политических единиц за утверждение своего влияния отражены еще в I веке в следующем сообщении Страбона: страна месхов, в которой находится моельня, состоит из трех частей — «одна ее часть принадлежит колхам, вторая — иберам, а третья — армянам»⁵. По сообщению Прокопия Кесарийского месхи представляются населением, покоренным Иберией и жившим между иберами и лазами⁶.

¹ Г. Меликишвили. По вопросу о древнем населении Грузии. Кавказа и Ближнего Востока, 1965, с. 62. Т. Микеладзе. Разыскания... с. 72—73. Здесь же приведены археологические данные.

² Н. Марр. К изучению современного грузинского языка. Петроград, 1922, с. 13—14.

³ И. Джавахишвили. Первоначальное родство и природа грузинского и кавказского языков, 1937, с. 6.

⁴ Предки месхов — мушки или муски впервые упоминаются в ассирийских источниках 1100 года до н. э. Тиграт Пилассар I говорит: «Во время моего царствования гордые своей силой 20 000 мусков и их 5 царей, которым на поле боя еще ни один царь не наносил поражения, прибыли в Куммухи и завоевали страну».

⁵ Тин. Каухчишвили. География Страбона (сведения о Грузии), 1957, с. 125.

⁶ Г. Меликишвили. К истории древней Грузии, 1959, с. 67.

Постепенно в Иберию проникает определенный поток картизированного племени месхов. Название старой столицы Грузии Мцхета, как увидим ниже, связано с этнонимом месхов. Месхи поселились в окрестностях Мцхета и смешались с иберами. Ознакомимся с этим вопросом ближе.

Мцхета в эллинистическую эпоху — столица Иберии. «В эллинистический период царство саспер-иберов потеряло большую территорию к югу и в конце концов оказалось в границах Закавказья. Потеря южных районов повлекла за собой тот важный результат, что государственные культурные центры еще раз переместились на север, в бассейн р. Куры. Столицей Иберийского или Картлийского царства стал город Мцхета»¹. Население Мцхета в историческую эпоху было всегда настолько многочисленным, что даже обширная территория Самтаврского могильника оказалась для него недостаточной. Это видно хотя бы из того, что могилы разных эпох располагаются друг над другом. В эти могилы снесено много вещей — оружие, посуда, украшения, деньги. В начале первого тысячелетия до н. э., в эпоху бронзы, город Мцхета был важным пунктом. Жители этого города были воинственным народом. В основном, однако, они занимались сельским хозяйством².

В надписи римского кесаря Веспасиана, которая высечена на камне и посвящается укреплению мцхетской огады (обнаружена в Мцхета в 1867 г.), засвидетельствовано упоминание Иберии (памятник датируется периодом после 1 июля 75 г.)³.

У историка Леонтия Мровели (XI в.) Мцхета упоминается в следующем контексте: Картли, Арагви, Мтквари, Армази, Мцхета⁴.

Н. Марр этимологически связывает этноним месхов с названием басков, но об этом мы поговорим в IV главе нашей работы. «Обращение Грузии» сообщает, что существовал «Древний Мцхета»: «И отправился этот Азо из Арана в Картли своего отца... поселился в Древнем Мцхета». Акад. Джавахишвили замечает, что поскольку автор называет это место «Древним Мцхета», такое название можно понять двояко: возможно, летописец считал Мцхета к тому времени не вновь построенным местом, а основанным в древности, либо же считал, что город Мцхета во времена Азо еще не имел названия; то же место, где Азо впервые поселился с грузинами, по его сведениям, располагалось не там, где в эпоху летописца находилась главная часть Мцхета, а несколько дальше, и в его время называлась «Древняя Мцхета». Акад. Джавахишвили считает, что это второе соображение должно быть правильным, — это подтверждается и дальнейшим ходом повествования⁵.

Следует полагать, что Мцхета, как топоним, древнее, чем Мцхета, как столица Грузии⁶.

Откуда происходит термин **Мцхета**?

Слово разлагается так: **Мцх-ет-а**. Суффикс —ет— широко употребляется для образования географических имен (**Как-ет-и** и т. п.), корень же слова — **Мцх** получен путем редукции из слова «**месх**»; **Месх-ет-а**—**Мсх-ет-а**—**Мцх-ет-а**⁷. Следствием такого же фонетического развития является слово **Самцхе** (ведь **Самцхе** находится в **Месхети**): **Са-месх-е**—**Са-мсх-е**—**Са-мцх-е**.

Тот факт, что в античную эпоху из Юго-Западной Грузии во Внутреннюю Картли проникла определенная этническая группа (и затем слилась с племенем иберов), подтверждается и другими данными, а именно: археологи (академик Б. Куфтин, профессор Т. Микеладзе и др.) утверждают, что граница так называемой колхидской культуры первоначально доходила до Мцхета. Более того, и древнее население территории современной Юго-Осетии в эту эпоху, называемую эпохой поздней бронзы, в этническом и культурном отношении было тесно связано с населением области «колхидской культуры». Затем в Картли и горных районах Западной Грузии имеет место распространение характерного для восточной культуры инвентаря (напр., топоров): акад. С. Джанашиа отме-

¹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, I, 1946, с. 62.

² Там же, с. 63.

³ Г. Церетели. Мцхетская греческая надпись эпохи Веспасиана, 1958.

⁴ «Картлис цховреба», I, под редакцией С. Каухчишвили, 1955, с. 8.

⁵ И. Джавахишвили. История грузинского народа, I, 1960, с. 454 (на грузинском языке).

⁶ А. Глонти. Топонимия Мцхета, 1975 (на грузинском языке).

⁷ Н. Марр. История термина «абхаз». «Известия Академии наук», 1912; Н. Марр. О языке и истории абхазов (сборник), М.-Л., 1938, с. 50—51; А. Апакидзе. Города и городская жизнь в Древней Грузии, 1963. Французский ученый Сен-Мартен говорил: «Нельзя не распознать в этих названиях сходство и тождественность: **Мцхет**, **Месхех**, **Мосох** и **Месх**».

чал, что исторической Внутренней Картли должна быть та территория, где происходило пересечение границ распространения восточной и западной культур. Кроме археологических данных, следует особо учитывать то обстоятельство, что на земле Иберии-Картли («Мцхета») во главе пантеона сформировавшегося царства оказываются малоазиатские божества (Армази, Задени), воздвигают крепости, носящие названия малоазиатских божеств (крепость Армази, крепость Задени) и др.¹. Появление элементов малоазиатского мира в Иберии считается вкладом племени месхов.

Здесь мы должны ограничиться материалами, которые отражают встречи и связи между племенами месхов и иберов. (Замечу только в скобках, что следы перемещения групп месхов ясно видны и в областях Западной Грузии. Поскольку бесспорно, что иберийско-картлийский город Мцхета был основан месхами, следует также считать достоверным, что засвидетельствованный в Сванети топоним Мцхеташ возник вследствие аналогичного обстоятельства). С этим же связывается Рача-Лечхумский Цхета². Эти выводы получены не только путем наблюдения над топонимами, но и с учетом других реалий. Вспомним следы хеттского божества плодородия — Телепинуса в сванских песнопениях и ритуалах³. Следы культа и имени Телепинуса несколько бледнеют в средней полосе, а это позволяет полагать, что и отголосок этой культуры, и имя божества занесены самими сванскими племенами из малоазиатского мира⁴. Следует учитывать данные Прокопия Кесарийского и Геланика Митиленского (хотя туманные и не совсем ясные) о том, что месхи проживали и где-то в горах Рача-Лечхуми.

В историческом прошлом известны и другие подобные перемещения в виде отдельных притоков древнегрузинских племен на территорию Грузии. Это обстоятельство также ясно свидетельствует о том, как подтачивались основы существовавшего издревле партикуляризма и возникали предпосылки для образования общегрузинского национального организма.

* * *

Таким образом, мы познакомились с грузинской Иберией с точки зрения этнического состава, географических границ и политической истории.

После этого следует ответить на вопрос: откуда происходит этноним «ибер», т. е. надлежит выяснить историю названия, этимологию слова.

Еще в 1906 году Н. Марр выдвинул следующее положение принципиального характера: «В географических названиях Кавказа, сохранных иностранных, прежде всего классиками, всегда имеем транскрипцию или перевод местных наименований. Фонетика грузинского языка дает возможность выставить кавказский прототип географического термина Iberia, на родной почве усеченного, понятно, не только видоизмениться, но и распасться на различные формы сообразно с временным или пространственным, т. е. диалектическим развитием местных наречий»⁵. Это положение полностью оправдало себя в ходе дальнейших разысканий.

Академик С. Джанашиа говорил: «Все другие народы, которым известны или были известны восточные грузины, употребляют для обозначения грузинского племени или национальности не термин «картвели», а другие названия, которые в результате соответствующего анализа все сводятся к одной основе, а именно — «иберии».

Мы не знаем достоверно, когда усвоили это название греки, но, как сказано выше, в IV в. до н. э. это племенное наименование уже вошло в греческую литературу, где оно обозначает грузинский народ. В географии Страбона это слово дано в форме — Iberes, а страна Картли названа Иберией — Iberia. В такой же форме употребляется это имя в сочинениях писателей последующего периода (Плутарха, Птолемея, Аппиана и др.). В поздней греческой и византийской литературе встречается «ивер», «ивир» (отсюда

¹ Г. Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, 1965, с. 82, 88.

² М. Алавидзе. Лечхумские топонимические названия.—Труды Кутаисского государственного пединститута им. А. Цулукидзе, XVIII, 1958 (на грузинском языке); Т. Микеладзе, Разыскания... с. 10.

³ И. Джавахишвили. Наши задачи в области языкознания и истории культуры. — «Известия Института языка, истории и материальной культуры им. Н. Марра» I, 1937; Его же, История грузинского народа, I, 1928, с. 59.

⁴ Т. Микеладзе. Разыскания из истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного побережья Черного моря. с. 9, 21.

⁵ Н. Марр. Крещение, с. 166.

«Иверия»). В армянской летописи употребляется слово (и)вир(к), полученное путем ослабления и утраты предшествующего безударного гласного¹.

Римляне для обозначения грузин ввели название Iberi. Эту форму употребляли все, кто писал по-латински: Т. Ливий (ум. в 17 г. н. э.), Помпоний Бала (писал приблизительно в 44 г. н. э.), Плиний Секунд и другие.

Грамматик Присциан в своем учебнике грамматики писал: «...Собственно Iberes называется племя, выселившееся от иберов, которые живут за Арменией и от названия которых именительный падеж единственного числа имеет форму Iber (родит. Iberis) и у греков Iber (родит. Iberos), ибо других они называют Iberos (родит. Iberov)... Говорится, однако, и Hiber (родит. Hiberi) в значении «испанец», и Hiber (родит. Hiberis), когда мы говорим о том племени, которое живет вблизи Армянцев»².

Академик М. Броссе одно время думал, что армянское «вирк» (Иверия — Иберия) происходит от армянского же «вер» (означает: верхний, сверху), как будто Иверия (Иберия) — край, расположенный выше Армении. Греки (для обозначения грузин) усвоили термин Иберия — Иверия у армян.

Была сделана попытка разложить термин «Иберия» на следующие части: **иб**+**эри**. Первая часть — кельтское слово, обозначающее край, страну, а **эри** — гидроизмененная форма, отсюда: ариец. Ср. также Иран, Ирон (название осетин) и т. д. Таким образом, Иберия означает: край «эри», арийцев. Эти кельтские коренные формы распространены в Передней Азии и на Кавказе (Адольф Питке). К. Ган разделяет такую этимологию и добавляет: «В столице древней Грузии — Мцхета существовали следы культа Ормузда, что дает возможность заключить, что там жили поклонники Зороастра, т. е. арийцы (Aihrja — высокородные дворяне). Автор более достоверным считает этимологию Броссе»³.

Этноним «**ибер**» этимологически связывают с «**имер**» (**Имер-ет-и**).

Французский ученый Сен-Мартен говорил: «Западная часть Грузии называется **Имерети**. Если от этого слова отбросим окончание «**ет-и**», которое добавляется к слову для обозначения страны, останется слово **Имер**, которое отличается от старого, классического названия только одним звуком: вместо **б** здесь **м**. Эти два звука же часто заменяют друг друга. Слово «**Имерети**»... существовало во время вторжения Помпея в Грузию. И правда, римляне вступили на Кавказ из **Имерети**, и поэтому название «**Имер**», которое они впервые услышали и которое в их произношении легко превратилось в **Ибер**, напомнило им известную западную страну. Это имя, — продолжает автор, — они приписали всей Грузии. Иначе невозможно объяснить, откуда появилось название «**Иберия**» в греко-латинской географии». Сен-Мартен добавляет, что отсюда возникла гипотеза о тождественности Кавказской Иберии и Испанской Иберии.

Акад. М. Броссе же в комментариях к французскому переводу «Картлис цховреба» отметил, что западная часть Грузии была названа «**Имерети**» по своему географическому расположению. «Этот край расположен за горой Лихи, которая разделяет друг от друга Картли и **Имерети**. Поэтому эту последнюю показывали, как край, лежащий по ту сторону (имер) Лихи, отсюда и возникло **Имерети**, **Имерети**». Такого же мнения придерживались П. Услар, Г. Розен, К. Ган и др.

Акад. Н. Марр связал корень «**ибер**» с племенными наименованиями Западной Грузии. Прежде всего он отметил тождественность слов «**ибер**» — «**имер**». Рассуждения ученого по этому вопросу развиваются следующим образом:

1. «**Имер**» (которое участвует в слове **Имерети**) с самого же начала — этнический термин;
2. Форма множественного числа слова «**имер**» — «**имерни**» вовсе не означает этнической группы, существовавшей по ту сторону горы Лихи (т. е. «**иммерни**»);
3. Неправильно объяснять и понимать название **Имерети** «с точки зрения картлийцев», для которых весь запад за Сурамским перевалом целиком — «**Иммери**», тогда как «другие грузинские племена на западе — мегрелы, гурийцы — вовсе не называют себя имеретинцами. Это есть местное этнографическое название определенного района»;
4. Правда, в древности имеры занимали гораздо более обширную территорию, — из исторической географии известно также, что термины **Имерети** и **Мегрелия** были даже идентичны. Но тогда тем более **Имер** — одна из

¹ Н. Марр. Крещение, с. 166.
² В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, II, с. 434.
³ К. Ган. Кавказские географические названия. — Отд. оттиск из «Трудов XIII С. Р. Е. и В.», том VI, 1913, с. 4.

36920
1933

местных дифференцированных форм общего этнического термина, которую сохранил определенный, географически дифференцированный район;

5. В языке реально не существует слово «имери» со значением «той (другой) стороны». (И действительно, такое содержание получено путем осмысления, и в связи с этим утвердившиеся в новогрузинском «имер» — «амер» образованы искусственно);

6. С основой «имер» связано название «Имерхеви» (одна из провинций Южной Грузии).

Древней формой термина **имер** было бы *himer, hiber*¹.

И. Джавахишвили в 1913 г. в «Истории грузинского народа» также отмечал, что от «**ибер**» возникло «**имер**» (имерели, Имерети)².

О тождественности «ибер» — «имер» рассуждают и другие авторы³.

Племенное название «ибер» этимологически связано не только с Имерети, но и с топонимами, обозначающими другие картвельские племена западных и южных районов Грузии.

В той же работе, где говорится о фонетической тождественности терминов «**ибер-имер**», Н. Марр связывает с основой «ибер» название Южно-Грузинской области «*spet*» (Спери). «*Spet*», родина Багратидов, располагается в верхнем течении р. Чорохи. Н. Марр отмечает, что «*spet*» или «*spir*» (*resp.* — *Hisper*) или «*spig*» (*Hi-spir*) в древности была обширной страной, и тот же термин предполагается в греческой форме *Sw-spir-it-is*, где *sw* эквивалентно грузинскому префиксу *si*, *resp.* (*h*)*i* (который является параллелью мегрельского **o**) и встречается в топонимах. Что же касается *ti*, то это — параллель грузинских суффиксов, обозначающих определенную местность (*oo*, *jo*).

В интересующей нас основе *iber* Н. Марр предполагает следующие фонетические переходы: древняя разновидность этой основы должна была иметь форму *hber* (ср. подтверждающееся в сочинениях римских писателей *hiber*), и в соответствии с закономерностями звуковых изменений грузинского языка (переходом *h* в *s*) получается основа *sber*, а в результате оглушения звонкого (*b*), следующего после глухого согласного (*s*) (прогрессивная ассимиляция), возникла основа *spet*, которая, как мы знаем, реально существует в грузинской географической номенклатуре. Таким образом, *hber-spet* — варианты формы одного и того же грузинского этнического наименования.

Это, однако, еще не все. Основу *hber* дублируют *hver*, *hmer* (*iber-iver-imer*); это — диалектальные разновидности одного и того же термина. Из них разновидность *hver* в одном из диалектальных регионов пошла по другому пути фонетического развития: *h* перешло в *g* (произошел т. н. подъем) и мы получили *gver*, причем «местные поднаречия не застыли на этой стадии развития», и в силу потери звука в основе мы получили *ger*, т. е. произошло слияние *ve* с *u*: *gur*. Как первое (*ger*), так и второе (*gur*) используются в языке в качестве племенных наименований: с одной стороны, при добавлении префикса *e*⁴ возникло *eger* (*eg-ri-i*, *m-eg-ri-el-i*)⁵, а с другой — *Guria*⁶.

Эгриси же, как известно, когда-то служило наименованием всей Западной Грузии — Имерети, Гурии, Имерхеви (юго-зап.). Эта древняя разновидность географическо-этнического названия — **эгер** сохранилась и в географии армянского автора М. Хоренаци. Гвер-ия, Гур-ия и Ибер-ия идентичны и по окончаниям, говорит Марр⁷.

Здесь уместно сослаться на Джавахишвили: «*hiber*», «*hber*», т. е. «*hiver-hver*...» подверглись двойному изменению: сначала придыхательное «*h*» (3) превратилось в «*g*» (3) («*g*» (3) и сейчас изменяется в мегрельском на «*h*» (3)). Напр., ჯგჯგ — ჯგჟჟ (джгега — джге (*h*) е, Цагарели, Этюды, II, 39) и возникло «*gver*». Именно из этой формы образовано название мегрелов «*egver*», «*ager*», добавлена лишь приставка «*e*»; она сохранилась в армянском — «*eger*», «*ege-*

¹ Н. Марр. Крещение, с. 167—168; (ср. его же, Грузинский язык, Сталинири, 1949, с. 7).

² И. Джавахишвили. «История грузинского народа», 1913, с. 24 (на грузинском языке).

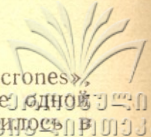
³ Например, П. Услар. «Древнейшие сказания о Кавказе», 1881, с. 298), Р. Блейхштейнер и др.

⁴ В «эгер» начальное *э* (*э-ger*) — диалектальная разновидность грузинского префикса *si*: груз. სი-ზმარ-ი (си-змар-и — сон), ласское ე-ზმარ-ა (э-змар-а). Префикс *э* — аналог грузинского префикса **а** (мегр. **o**): ა-დგილ-ი (а-дгили — место), ა-ბანო (а-бано — баня). Диалектальной разновидностью «эгер» могло быть «агар». Отсюда: მ-ეგვიპტ-ი (маргали): Н. Марр.

⁵ Аналогично образование მ-ეგვიპტ-ელ-ი (*m-egvipt-el-i*); ეგვიპტელ-ი (*egviptel-i*) (в древнегруз.).

⁶ Н. Марр. Крещение, с. 168—169.

⁷ Там же, с. 169.

raci», по-грузински — «egrisi», «megreli», «margali», по-гречески «macrones», «the ereklike choga» (Птолемей, V, 9). Из «gveri» же произошло название одной из областей Грузии и ее жителей «Guria», «guruli»; только «ve» превратилось в «u»¹.

Таким образом, основы, родственные основе «ибер», обнаружены и в названиях, обозначающих другие грузинские племена, а именно: **Сперы, Эгриси** (Мегрелия), **Гурия**.

В связи с этимологизацией этнонима «ибер» необходимо рассмотреть еще несколько грузинских племенных наименований.

Начиная с VI в. до н. э. в античной литературе упоминаются **тибарены**, которые жили на южном побережье Черного моря (к западу от города Трапезунда). Это племенное наименование встречается и в другом виде (об этом ниже). У Стефана Византийского сохранилось сведение Гекатея Милетского (VI в. до н. э.): «С тибарами на востоке граничат моссиники». Здесь дается уже иная форма (**тибар**). Геродот упоминает тибаренов вместе с мосхами, макронами и моссиниками. Мы имеем основу **тибарен**. В сочинении Страбона сохраняются параллельные формы **тибарен, тибаран**. В римской литературе форма **тибарен-тибаран** используется и ранее.

Как выяснил академик С. Джанашиа, в грузинских этнических названиях продуктивны суффиксы **-ан, -ен** (ср. **сван, чап, зан...**). Такие же суффиксы представлены в этническом названии основы **тибар**, т. е. мы получили основу **тибар**. Данная основа имела и параллельные формы **табар, табер**, поэтому «наряду с названными формами допустимо существование варианта **тибер...** а если это так, то облеченные в соответствующую форму непосредственно сопоставляются друг с другом... восстановленные факты: **hiberan** (на Кавказе) и **тиберан** (на южном побережье Черного моря). Мы получили бы, что это две части одного и того же народа»². Несомненно, третьей частью того же народа нужно признать местную народность, существовавшую в конце периода до новой эры в среднем районе Малой Азии, где в 51 г. до н. э. Цицерон, будучи проконсулом Киликии, воевал с **табаранами**³. Таким образом, реально существовала и основа **табар**.

Мы получаем варианты **тибар, табер, табар** и в связи с ними: (h)ибер, ибер.

С этой основой племенного наименования связаны этнонимы — библейский **тубал-тобел** и **табал** ассирийских надписей.

Табал впервые упоминается в надписи Салманасара II (860—825). В Табалии табалы и муски названы как близнецы, занимавшие земли, которые впоследствии получили название Великой Каппадокии (И. Джавахишвили).

Весьма интересны сведения древних писателей о происхождении этнических групп, исживших вышеупомянутые племенные наименования.

Относительно упомянутых в Библии тубал — тобелов известный еврейский историк I в. н. э. Иосиф Флавий отмечал, что потомки сына Яфета, Тубал-Тобела, в его время назывались **иберами**. «Тобел дал начало (племени) тобелов, которые сейчас называются иберами», — говорит Флавий⁴. В связи с этим сообщением Лев Аладиус добавлял: «Народы иберов в Азии соседствовали с народами халибов и там же разрабатывали месторождения металлов, и Иезекииль помещает Тубал на севере»⁵. Евстафий Антиохийский (IV в.) называет потомками Ноя «...обелов, от коих (происходит) тобелійцы, ныне называемые иберами»⁶. Леон Грамматикос (XI в.): «...тобелы, которых сейчас называют иберами»⁷. Т. Кипрский епископ (IV в.): «Тубалы сейчас называются иберами»⁸.

В первой половине XIX века этого вопроса коснулся также историк Теймураз Багратиони (почетный член Российской Академии наук).

В XIX веке были найдены древние ассирийские клинописные надписи, где библейские **тубалы** и **мешехи** (мосохи — месхи) предстают как существовавшие

¹ И. Джавахишвили. История грузинского народа, 1913, с. 24—25 (ср. его же, История грузинского народа, издание 1960 г., I, с. 404). Идентификацию «ибер-эгр»-а также считает приемлемой австрийский картвелолог проф. Роберт Блейхштейнер.

² С. Джанашиа, Труды, III, 1959, с. 62.

³ Там же, с. 62.

⁴ Georgica, I, 1961, с. 271.

⁵ Там же, с. 34.

⁶ Там же, с. 34—35.

⁷ Georgica, V, 1963, с. 3.

⁸ В. Латышев, I, с. 700—703.

в Малой Азии во II—I тысячелетиях до н. э. крупные объединения, племенные союзы и царства. «Естественно, что должна была возникнуть и возникла точка зрения, что это были объединения предков грузин и их население, т. е. «картвелцы», которые переселились на Кавказ после того, как в Малой Азии эти грузинские объединения были разгромлены. Датировать же это событие довольно легко было VIII—VII веками до н. э.»¹

Приводимые древними авторами сведения о взаимозависимости **иберов** и **табалов** полностью разделяли европейские историки и философы XIX века (Лепорман, Масперо и др.).

Известный французский ориенталист Виван де Сен-Мартен, которого мы упоминали и выше в связи с вопросом идентификации **ибер-имер-ов**, отмечал, что библейских **тубал-ов** или **тубел-ов** греки называли **тибаренами** или **тибарами** и связывали с ними **иберов**, **Иберию**, причем связь эту он считал вполне допустимой. Такую же точку зрения разделяют П. Услар, Г. Кипперг, Н. Марр, И. Джавахишвили, И. Кипшидзе, С. Джанашиа, Г. Меликишвили и другие.

Этимологические изыскания, однако, этим не исчерпываются. **Тобел** производилось и как **тобал** или **тубал**. Для картвельских языков чередование σ/ζ — обычное явление, следовательно, мы получили слова от одного корня — **табал** (картская форма), **тубал** (**тобал**) (мегрело-чанская форма) и **тибар** (приближается к сванской форме).

Первоначально должно было быть: **табал—тубал—тибар** ($\sigma\theta\delta\alpha\tau$).
Познакомимся теперь и с другими вариантами интересующего нас племенного наименования.

В генеалогических списках Библии упомянуты **иабал** и **йубал**.
Здесь сказано, что у потомка Адама в шестом колене, Ламеха, детьми от первой жены были — **Иабал**, **Иубал**, а от второй жены — сын **Тубал-Каин** (тот же **Тобел**) и дочь Ноэма.

Исследователи Библии пришли к выводу, что в книге «Бытия» широко представлены сказания халдов и других соседних народов. В этой генеалогической ветви, как видно из исследований немецких ученых Вельхаузена, Штаде, Буде, Гольцингера, Гункеля и других, получили свое отражение также сведения и сказания о других этнических единицах. Ранее всех принадлежащим к другим народам был признан **Тубал**, широко известный в настоящее время как предок **тибаренов**. Мы знаем, что этот **тубал** был грузинским племенным названием. Штаде, кроме этого, считает также названиями неевропейского, чужеродного происхождения **метушели** и **генох-а** ($\zeta\theta\sigma\theta\epsilon\sigma$), а Гольцингер говорит, что в еврейском имене **Ламех**, **Табал** и **Тубал** нигде в другом месте не встречаются и что объяснить слово **ламех** на еврейской почве невозможно².

И. Джавахишвили придает большое значение тому факту, что в первой ветви **Иабал**, **Иубал** и **Тубал-Каин** известны как братья. Вместе с тем исключительно важно то обстоятельство, что по этой же ветви Каин и Авель — тоже братья. Правда, Г. Гункель отмечает сходство в именах братьев **Иабал**, **Иубал** и **Тубал-Каин**, но древнейшей формой признает **Тубал**³.

После этого разъяснения И. Джавахишвили дает анализ племенных наименований и заключает, что в формах **Иабал**, **Иубал** а получено из **h** (ζ) (с учетом и в соответствии с закономерностями изменения звуков грузинского языка), т. е. мы должны были иметь (ζ) **абал**, (ζ) **убал** (ζ) **аб-ал**, (ζ) **уб-ал**; здесь же следует упомянуть реальную форму (ζ) **абел**, засвидетельствованную в источниках. Вспомним также **Hiber** римских источников. Все они — формы, образованные от одного корня.

Принятие вариантов табал — тубал — табар — тибар — Иабал — Иубал — (ζ) ибер — ибер подчиняется следующим фонетическим переходам:

$$\sigma//\zeta \rightarrow \zeta//\sigma \rightarrow 0$$

Отсюда вывод: **тубал—табал** и **ибер**, со своими промежуточными звеньями, вне всякого сомнения, связаны друг с другом.

Здесь же следует учесть то обстоятельство, что по ассирийским источникам табалы делились на 24 «царства». Хеттолог Э. Форрер отметил, что «**табал**»

¹ Очерки истории Грузии, I, под. ред. Г. Меликишвили, 1970, с. 317.
² Ср. И. Джавахишвили, История грузинского народа, I, 1960, с. 408.
³ Там же, с. 408, см. также И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка. Петербург. 1914, с. XIII—XIV.

ассирийских надписей есть общее название этих 24 «царств»¹, которые, по локализации автора, располагались к северу от Тавра².

Э. Форрер отметил, что хеттская иероглифическая письменность принадлежит табалам. Здесь заслуживает внимания то, что, по мнению того же автора, табальских пиктографических надписях (из Кархемиша) страна табалов обозначена идеограммой, которая расшифровывается как «вода». Название страны целиком должно быть расшифровано как «страна воды», а живущий в ней народ как «народ страны воды или моря». Факты кархемишских надписей объясняются Э. Форрером в связи с древним этническим названием пеласгов (якобы «пелаг-ос» по-гречески значит «море»)³. Интерпретация Э. Форрера (в связи с пеласгами) с достаточной основательностью опровергнута академиком С. Джанашиа⁴. Представляется естественным связать само название, данное в пиктографических надписях табалов, и этническое наименование, т. е. объяснить идеограмму «народ воды или моря» с помощью слова **табал**, а **табал** понимать как «народ воды, моря»⁵.

После того как взаимоотношение вышеупомянутых основ можно считать установленным, необходимо учесть значение и историю основного материала по интересующему нас слову — насколько это возможно в соответствии с современным уровнем изучения картвельских языков.

Известно, что современное грузинское слово **тба** (озеро) происходит из **таба**. Ср.: **табали**, **табари** (**таб-ал-и**, **таб-ар-и**). В мегрельском ему соответствует **тоба**. Ср.: **тобели**, **тубали** (**тоб-эл-и**, **тоб-эр-и**).

В сванском кроме **᠊᠄᠗** ((тоб) встречается **твиб**, **туб**, **твибра**, **тубра** — река, русло, от того же корня, который здесь сохранил свое древнейшее значение, «вода» (как представлено в идеограмме Кархемиша); ср.: **᠄᠗᠇᠇** (Иубал).

В чанском наряду с **тоба** и в том же значении мы имеем **тиба**⁶. Приведенный выше сравнительный анализ показывает, что для этих переходов в картвельских языках существовало закономерное основание⁷.

Совершенно естественно будет связать слово **табал** с коренным материалом **таб** картвельских языков.

Согласно исследованиям академика А. Шанидзе **᠊᠄᠗᠇᠇** (табал) разворачивается в картвельское слово **᠊᠄᠗᠇** (таба), что означает «море» (в древности), «озеро» и, следовательно, вообще «большое водохранилище» и «воду», и в картвельском же суффикс **-ал**, **-ар** (ср.: Табахмела, Табацкури...)⁸. Суффикс **ал/ар** — известный картвельский суффикс, выражающий происхождение. «Именно на материале картвельских языков «табал» может быть объяснено, исходя из слов «табели», «тбели», т. е. озеро или море, следовательно, «человек», «народ», живущий на воде. Идеограмма Кархемиша объясняется по-грузински»⁹.

Еще раньше, в 1904 году, историк Мосэ Джанашвили указывал на существование в интересующей нас этнической основе слова «**тба**». Вот его слова: «тбеки» — место, богатое озерами, **тоба** — **таба** — **тба** и отсюда названия озер и сел... С этим именем мы связываем название тубалов — народа, жившего по соседству с мешехами (месхами). Тбетских епископов звали тбели, тбевари, в древнем произношении было бы **тобели-табали**, а это приближается к «Табалу» клинописных надписей — и библейскому Тобелу (Тубале)¹⁰.

¹ Проф. И. Дьяконов, отрицая связь **табал-тубала** ассирийско-древнееврейских текстов с тибаренами греческих источников, отмечает, что если бы название страны **табал** не было похоже на племенное имя **тибарен**, никто бы не сомневался в том, что население этой страны составляли лувийские (хетто-иероглифические) племена, так что ясно указывают надписи, выполненные на лувийском языке, и имена царей Табала (И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, с. 193—194). Но дело в том, что состоящая из 24 «царств» страна табалов не могла быть этнически однородной. Не исключено, что часть страны Табал составляло население, говорящее на лувийском. Автор не считает и с тем, что термины **табал-тибарен** (со своими вариантами) и структурно, и этимологически на основе ни одного языка не объясняются так стройно, как с помощью картвельских языков. А это обстоятельство существенно в установлении этнического происхождения носителей этого имени (ср. Г. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 78; Т. Микеладзе. Разыскания... с. 131).

² E. Forrer. Die hethitische Bilderschrift, с. 57.

³ Ср. С. Джанашиа. Труды, III, 1959, с. 64—65.

⁴ Там же, с. 66.

⁵ Там же.

⁶ Н. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка, 1912, словарь.

⁷ С. Джанашиа, указ. раб., с. 73.

⁸ Подробно см. А. Шанидзе. К этимологии названия «Топаба». Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Марра, 1937.

⁹ С. Джанашиа. Труды, III, с. 67 (на грузинском языке).

¹⁰ Вахушти. География, изд. М. Джанашвили, 1904, примеч. 412 (на грузинском языке).

Здесь следует отметить, что академик Н. Марр попытался свести этническое наименование «ибер» (а также «шумер») и всю его многозначность к значению «воды»¹, но автор эту мысль излагает неясно, «круг семантических значений корня у него расширен до недопустимых пределов» (С. Джанашиа). Сама же по себе попытка выявить эту связь имеет принципиальное значение и поэтому заслуживает самого пристального внимания.

Для читателя не будет лишено интереса, если мы в нескольких словах охарактеризуем сохранившиеся сведения о жизни картвельских племен, обозначившихся основой «**тубал — табал**».

По ассирийским источникам, как мы уже отмечали выше, «табалы» разделялись на 24 царства и даже великие ассирийские правители не гнушались породниться и сблизиться с их «царями»; в хозяйственном отношении они стояли на высоком уровне; ассирийцы с похвалой отзывались о табальских конях; высоко-го уровня развития достигла у табалов металлургия. В племенном термине «Тубал-Каин» видны не только два племенных наименования, но, по мнению проф. Т. Микеладзе, отражен та же определенный этап развития металлургии. Этот термин «должен характеризовать эпоху, когда металлургическое производство переходит к обработке нового металла, железа, но бронза не теряет своего значения, и поэтому Тубал-Каин — кузнец не только бронзы, но и железа. Такая характеристика Тубал-Кайна хорошо выражает специфику указанной эпохи»².

Анализ термина «ибер-Иберия» уводит нас в еще более отдаленную эпоху. Как мы знаем, слово «Иберия» не встречается в греческих источниках до IV в. до н. э. Выясняется, что древнейшей формой «ибера» является «саспер». По сообщению Геродота рядом с колхами, между ними и мидийцами жили сасперы.

После Геродота о сасперах упоминают Ксенофонт и Аполлоний Родосский (III в. до н. э.). Страбон называет этот этноним в несколько иной форме: Спиритида.

Саспейры (или вариант сасперы) Геродота—это те же иберы последующих греческих писателей. «Никакого другого рационального объяснения нельзя найти ни в ответ на вопрос о том, кем же были сасперы и куда они потом исчезли так бесследно, если только они не именовали своего имени на «иберов», а также на вопрос о том, откуда так неожиданно появились эти иберы» (С. Джанашиа).

Еще П. Услар предполагал, что саспейры Геродота, саспиритида Страбона, ссперы южной Грузии относятся к одному и тому же объекту. Это — та же историческая Иберия. Геродотовы саспер — сабир объясняются посредством грузинского «Санберо». По мнению известного кавказоведа, сасперы являются пра-грузинами, которые жили в Закавказье³. Арабо-турецкая форма «спери» — «испир».

Еще до Услара неоднократно упоминавшийся выше французский ученый Сен-Мартен отмечал (хотя недифференцированно и в общем аспекте): «...этими словами «тибаренские народы» Страбон хотел обозначить народы, жившие в бассейне реки Чорохи и во всех тех местах, которые позднее назывались «страной лазов»... если обратить внимание на тот факт, что все эти горские народы действительно принадлежат к одной и той же ветви, к картвельскому племени, тогда нетрудно представить, что сасперы Геродота действительно являются братьями тибаров Причерноморья как по наименованию, так и по происхождению. Небольшое различие в их именах легко объясняется тем, что, с одной стороны, народ разделился и разные ветви отделились друг от друга, а с другой стороны, в устах чужеземцев собственные имена легко приобретают другой оттенок».

¹ Яфетический сборник, VII, с. 208.

² Т. Микеладзе. Разыскания... с. 135 (на груз. языке). В этой книге читатель может широко ознакомиться со следами древнейших племен — металлургов Причерноморья с точки зрения не только их территориального расселения, но и культурно-технического влияния.

³ Древнейшие сказания о Кавказе. 1881.

К 70-летию акад. Д. С. Лихачева

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ

ВИДНОМУ советскому ученому, известному исследователю русской духовной культуры, общепризнанному авторитету в области филологии и истории, академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву исполнилось 70 лет. Вся его сознательная жизнь, интенсивная научно-педагогическая и общественная деятельность — образец бескорыстного служения родной стране и национальной культуре.

Юбиляр — ученый широкого диапазона, исследователь огромной эрудиции. В сферу его интересов входят история древнерусской литературы и культуры, история славянских литератур, поэтика и стилистика художественной литературы, история искусства, текстология, фольклористика и т. д.

Д. С. Лихачев — один из наиболее видных представителей советской школы литературоведов. Он родился (28. XI. 1906) и воспитывался в Петербурге, там же сделал первые шаги на научном поприще. Уже в студенческие годы Дмитрия Сергеевича отличала особая любовь к литературе, неутомимая работа в архивах и музеях. Его доклады привлекли внимание специалистов, а дипломные работы («Повести о патриархе Никоне», «Шекспир в России в XVIII веке») заслужили высокую оценку.

После окончания университета Д. Лихачев активно включился в общественно-литературную жизнь Ленинграда. В 1932 — 1934 гг. работал в социально-экономическом издательстве литературным редактором, а затем (1934 — 1938) в Ленинградском отделении Издательства Академии наук СССР. С этого периода он, как редактор, тесно связан с Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР, в частности с сектором древнерусской литературы (где впоследствии — с 1938 года развернул многогранную научную работу). С того же времени возрос и усилился его интерес к древнерусской литературе, в частности к древнерусскому летописанию. Именно из этой сферы была и тема защищенной Д. Лихачевым как кандидатской («Новгородские летописные своды XII в.», 1941), так и докторской («Очерки по истории форм русского летописания XI—XV вв.», 1947) диссертаций. Древнерусским летописям исследователь посвятил целый цикл трудов. Из них особо следует отметить «Русские летописи и их культурно-историческое значение»

«1947) и «Повесть временных лет» (1950) — исследование и текст с переводом и пространными комментариями.

Древнерусские летописи интересовали Д. Лихачева, как сам по себе и исключительно богатый жанр литературы и как малоизученная сфера древнерусской литературы с эстетической точки зрения. Ученый тщательно изучил древнерусские летописи, критически рассмотрел и оценил соображения на этот счет своих предшественников, выявил связь летописей с народным творчеством, показал их художественную ценность. Каждый исторический памятник Д. Лихачев исследовал комплексно, изучал как историк и как литературовед. Каждое его исследование в этой сфере — драгоценное приобретение для советской историко-филологической науки.

Изучение древнерусских исторических первоисточников позволило ученому рассмотреть на их основе общетеоретические вопросы текстологии. С самого начала своей научной деятельности он уделял большое внимание работе над текстами, исследовал конкретный материал и формулировал общие выводы. Один за другим публиковались его труды. Таковы, например, «Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников» (1955), «К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов» (1957), «Об исторической и формальной классификации списков древнеславянских памятников» (1958), «Вопросы атрибуции текстов древнерусской литературы» (1960) и другие.

Завершением энергичной работы Д. С. Лихачева в этой сфере является monumentalная книга «Текстология. На материале русской литературы X — XVII вв.» (1962), способствовавшая формированию текстологии из вспомогательной в самостоятельную научную дисциплину. Хотя названная монография в основном обобщает исследование вопросов древнерусской литературы, одновременно она имеет и значение общего руководства.

Как неустанный исследователь древнерусской художественной литературы, Д. С. Лихачев внес большой вклад в изучение такого замечательного поэтического творения, каким является «Слово о полку Игореве». Заинтересовавшись этим памятником еще в 40-х годах, он посвятил ему затем несколько интересных трудов (среди которых назовем, к примеру, «Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», «Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» (1950) и др.) и в том же году опубликовал сам текст его. Изучив и проанализировав старый текст, ученый показал его жанровую особенность и фольклорную основу, установил связь «Слова» с национальной почвой, охарактеризовал его как естественную, органическую часть русской культуры.

Д. С. Лихачев заслужил имя большого ученого не только всесторонним изучением названных выше двух сочинений («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»), но и тем, что не оставил без внимания почти ни одного значительного писателя Древней Руси, ни одного литературного явления, интересного произведения той поры. Для подтверждения сказанного достаточно вспомнить его труды — историко-литературные исследования, литературно-критические статьи, теоретические очерки, подытоживающие и обобщающие обзоры, научно-популярные статьи, в которых привлекают внимание любовь к делу, глубокие и обширные знания, логичность научного суждения, глубина текстового анализа. Особо следует отметить его монографии (такие, как, например, «Национальное самосознание Древней Руси», 1945; «Возникновение русской литературы», 1952; «Человек в литературе Древней Руси», 1958, 1970; «Поэтика древнерусской литературы», 1967, 1971; «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили», 1973; «Великое наследие», 1975, и другие), в которых рассмотрены исключительно актуальные вопросы, по-новому, оригинально осмыслены важные факты древнерусской духовной культуры.

Каждая из названных книг — результат и естественный итог многолетнего научного труда. Каждой из них предшествовали поиски, наблюдения, специальное изучение конкретных вопросов, обобщение выводов, изложение своих мыслей в виде предварительных статей. Так произошло и с проблемной изображением человека в древнерусской литературе, которая давно привлекала и интересовала Д. С. Лихачева. Лишь опубликовав ряд сугубо научных статей (например, «Проблемы характера в исторических произведениях начала XVII века», 1951; «Изображение людей в летописи XII—XIII веков», 1954; «Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV веков, 1956, и др.), он напечатал названную выше монографию, в которой, как отмечено в аннотации, «рассказывается о различных стилях изображения людей в древнерусской литературе и сопоставляются эти стили со стилистическими системами изображения людей в древнерусской живописи. Приводимый материал позволяет глубже понять своеобразие и художественные достоинства русской литературы первых семи веков ее существования, а также развитие ее художественных методов».

Книги Д. С. Лихачева содержат множество ценных наблюдений, находок, значительных открытий. Без преувеличения можно сказать, что публикация каждой его монографии всегда явление в нашей литературно-научной жизни.

В любом сочинении Д. С. Лихачева то или иное явление изучается с двух точек зрения: текстологической и теоретико-литературной. Сам этот факт показывает, насколько совмещены в исследователе древней литературы эти два аспекта — конкретно-литературный и общетеоретический.

Научные интересы Д. С. Лихачева на редкость многогранны. Но главное дело его жизни все же — серьезное теоретико-литературное исследование древнерусской литературы. Именно исходя из этого материала, он первым поставил проблему создания «теоретической истории» древнерусской литературы и с этой целью в единстве рассмотрел древние русские летописи, сами литературные памятники и фольклорный поток, представив средневековое художественное мышление как единую систему. Теоретическим рассмотрением древнерусской литературы, как системы и как процесса, Д. С. Лихачев перенес литературное наследие прошлого в сферу современных литературных интересов.

Он показал не только эстетическую ценность древнерусских памятников, но и дал нам почувствовать их «современное звучание».

Более двадцати лет Дмитрий Сергеевич со свойственной ему энергией руководит сектором древнерусской литературы (Пушкинский дом). На этом посту он показал себя талантливым организатором научной работы. Его усилиями не только плодотворно продолжены традиции заслуженного предшественника, но и руководимый им сектор превращен в признанный центр изучения древнерусской литературы. И сейчас Д. С. Лихачев с неиссякаемой увлеченностью возглавляет деятельность своих коллег и учеников, ту большую научно-исследовательскую работу, которую осуществляет этот сектор.

Литературные интересы Д. С. Лихачева охватывают и древнегрузинскую литературу. С особой полнотой это проявилось в организованном по его же инициативе симпозиуме, который был проведен в прошлом году в Ленинграде и который самым Дмитрием Сергеевичем был назван «Три дня древнегрузинской литературы в Пушкинском доме».

Симпозиум «Три дня древнерусской литературы в Тбилисском государственном университете», который предполагается провести в мае нынешнего года под руководством Д. С. Лихачева, несомненно, во многом будет способствовать сближению русских и грузинских ученых, дальнейшему сотрудничеству исследователей древнерусской и древнегрузинской литератур.

Своей многосторонней деятельностью, фундаментальными исследованиями и научно-организационной деятельностью Д. С. Лихачев завоевал всеобщее признание как у нас, так и за рубежом. Он избран почетным членом нескольких иностранных академий (Болгарии, Австрии, Великобритании, Сербии, Венгрии), почетным доктором нескольких университетов (Торунского, Оксфордского, Эдинбургского), награжден орденами и медалями.

Отрадно, что свое 70-летие Дмитрий Сергеевич встречает бодрым, преисполненным творческой энергии. Не сомневаемся, что и впредь он будет с характерной для него самоотверженностью содействовать развитию советского литературоведения, росту нашей науки.

А. Г. БАРАМИДЗЕ, академик АН Грузинской ССР,
В. С. ШАДУРИ, заслуженный деятель науки, доктор филологических наук, профессор,
Л. В. МЕНАБДЕ, доктор филологических наук, профессор.

ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗДВИГАЮЩИЕ ГОРИЗОНТ

КАЖДАЯ работа академика Д. С. Лихачева приносит радость, ободряет истинного ценителя культуры, потому что в ней содержится тонкий анализ, специфический стиль исследования большого ученого и, что самое главное, в силу свойственной автору обоснованной смелости, пробуждающей в читателе желание самому задумываться над поставленными им многочисленными проблемами.

Общеизвестные фундаментальные труды Дмитрия Сергеевича — «Человек древнерусской литературы», «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили» — завоевали огромную популярность прежде всего потому, что являются этапными явлениями литературоведения и всей истории культуры. Ученый привлекает материал из многих отраслей культурного наследия. Именно такой широкий охват, такая разносторонняя «документация» и являются одним из основных научно-стилистических свойств его книг. В них всегда ощущаются талант, кропотливый, неустанный труд, увлеченность и любовь к своей профессии. Широкий кругозор исследователя смело ведет читателей в богатейший лабиринт прошлого.

В то же время в работах Д. С. Лихачева при освещении им того или иного вопроса дается такое теоретически углубленное толкование и обобщение, что они приобретают методологический характер и становятся одинаково ценными не только для работников в области русской литературы, но и для литературоведов, занятых исследованием других литератур, еще раз подтверждая наличие очень многих сходных моментов в общих схемах истории культуры разных народов, несмотря на их специфические различия.

В одном из своих последних трудов Дмитрий Сергеевич справедливо констатирует, что, «изучая и выявляя своеобразие русской литературы на всем пути ее развития, необходимо не только сравнивать ее с другими литературами, но и учитывать существование «нормального» исторического развития страны и народов». Принимая во внимание обширный материал, автор книги намечает верный путь для создания теоретической истории русской литературы X—XVII вв.

Не отрицая «теоретичности» всех имеющихся историй литератур, ученый предлагает, и это особенно интересно,

так нужный всему советскому литературоведению путь чисто теоретического обобщения и анализа (что, к сожалению, и составляет пока еще сравнительно слабое место в нашей науке вообще). В таких случаях, в отличие от любых курсов, учебников и историй литератур, «у читателя предполагается некоторый необходимый минимум знаний, сведений и некоторая начитанность... литературой. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения данной страны сравнительно с движением других литератур».

Кстати, в этом направлении следует перестроить не только систематические, но и лекционные курсы, максимально увеличив их теоретический охват, с тем чтобы особенно на специальных факультетах не довольствоваться общеизвестным фактическим материалом и общими элементарными сведениями (что и составляет в основном суть лекционных курсов и мало чем обогащает будущих литераторов).

Основная предназначенность книги Дмитрия Сергеевича напоминает о необходимости особое внимание обратить на спецкурсы, чтобы специалисты-студенты так или иначе не повторяли материал, в большинстве случаев доступный хорошему ученику средней школы. Фактически нередко именно так проходят в вузе курсы учебы на протяжении пяти лет. Филологам читают только один спецкурс, и то не всегда составленный на современном уровне развития науки, не всегда олицетворяющий то, чем она сегодня «дышит».

Акцентируя определяющие моменты истории русской литературы, автор всегда имеет в виду те процессы, которые соответственно проходили в литературе других стран. Благодаря этому книга перекликается с вопросами, связанными со всеобщей культурой. Но неизменно при всех «обобщающих» моментах в труде присутствует стремление по-научному обосновать драматическую, самобытную историю русской литературы вплоть до XVIII века. Как сама по себе интересная концепция Д. С. Лихачева, согласно которой весь период с X по XVII век характеризуется «замедленным Ренессансом», так и понимание его как «замедленного, а потому и глубокого, замедленного, а потому и органического, замедленного, а потому и сохранившего свое значение для всего последующего развития русской литера-

туры» пробуждают не прямую, но характерную аналогию: не является ли весь период от XVI до XVIII века в грузинской литературе восстановлением утраченного, оборвавшегося в начале XIII века явного олицетворения Ренессанса, к которому тянется в основном литература XVI—XVIII веков (конечно, со многими качественными сдвигами, расширением жанрового горизонта, тематики и обогащением разнообразия мастерства). Эти века дышат стремлением вернуть минувший блеск, обратиться к «своему Ренессансу», возобновить его. Идеологически это стремление в какой-то степени не осталось без отголоска даже в XIX веке.

В книге каждый памятник, каждая эпоха и стиль анализируются, так сказать, в трех аспектах, в трех измерениях: как завершение накопленного прошлого; как явление, создаваемое своей эпохой; как явление, сопутствующее нашему времени, — ибо «явления культуры не имеют строгих хронологических границ». Тем самым выпукло показана «вечность», жизненность художественного произведения, со всей глубиной ощущается, выделяется неиссякаемая ценность творений прошлого.

Во многом примечательно (и для других литератур тоже) суждение о неравноправности терминов «ренессанс» и «барокко», о том, что «чисто архитектурный» (принадлежащий архитектуре) термин не совсем обоснованно применен к литературе; возражение многих (как наших, к примеру, акад. П. Н. Беркова, так и французских) ученых на этот счет подкрепляется доводами автора. Термин «барокко» явно не ужился с литературой; не получил он распространения и у других народов..

Из многих типологических явлений небезынтересно вспомнить такие факты из жизни грузинского народа, как существование в древности больших учебных очагов с организованными учебными дисциплинами, в состав которых входили не только духовные, но и светские предметы. Об этом прямо сказано в эпическом творении «Житие Григория Хандзийского» (Григорий прекрасно владел как духовной, так и светской наукой — философией); как объединение под одним общим языком; как создание не только придворных и примонастырских, но и передвжных (во время войны царь-полководец забирал с собой помещенную на верблюды библиоте-

ку) кинохранилищ; как реформы Давида Строителя (среди них открытие, пристанища для ученых, мыслителей и поэтов даже с разными убеждениями; подчинение церкви государству, секуляризация культуры от догматов и др.); как судьба городов-коммун; как долгая борьба за непризнание прав царицы Тамар на престол и учреждение «Дарбазы» (органа наподобие палаты представителей) с целью ограничения власти монарха; как сильное увлечение в монументальном искусстве свободой изображения и вообще человечностью и многое другое.

С точки зрения развития чисто литературного процесса сходны, конечно, такие черты, как постепенное углубление во внутренние переживания человека — психологизм; заинтересованность человеком как таковым; выведение малых, незначительных, неидеальных личностей, которые жили земными стремлениями, и т. д., потому что «в сущности, все развитие литературы есть процесс постепенного открытия человека. Это открытие началось еще в общинно-патриархальном обществе и будет совершаться и в будущем».

В таком проблематическо-теоретическом труде, как книга академика Д. С. Лихачева «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили», привлекает и то, что порой вызывает инкомыслие. Как раз это движет и разумом читателя. Такие книги (в последнее время они стали появляться в нашей науке) еще раз подтверждают, что надо смелее выводить литературоведение на широкий теоретический простор. Такие книги насущно необходимы, чтобы литературоведение не довольствовалось лишь ролью популяризатора и смогло бы взять на себя обязанность рассматривать литературу как часть истории народа.

Книги и статьи Дмитрия Сергеевича Лихачева нельзя назвать иначе как **нужные, умные, ценные**. Нужные потому, что исследования, раздвигающие горизонт и повышающие теоретический уровень литературоведения, нужны как эликсир нашей науке. **Умные** потому, что возбуждают мысль и заставляют задуматься над многими проблемами общечеловеческой культуры, над сходными вопросами истории и литературы других народов. **Ценные** потому, что раскрывают перед читателем обширные возможности и заслуги родной литературы.

Георгий ТАЛИАШВИЛИ,
доктор филологических наук, профессор,
П. КОГЕТИШВИЛИ,
доктор филологических наук, профессор.

Сдано в набор 17 января 1976 года. Подписано к печати 1 марта 1977 года,
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 158

Тираж 6 950

УД 01554

158
18. III 77

1918-1977

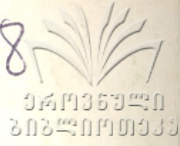
ТАКОБА
ТАКОБА

*Слава Вооруженным Силам СССР
— зорким часовым Советской Родины!*

26-1977

77-158

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ კპ ცკ-ის გამომცემლობა